

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

Серия: Философия и право

№ 1, 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Винник Д.В.</i> Мысленный эксперимент в теории сознания. К вопросу об интерпретации чувственных данных	3
<i>Латина Т.В.</i> На пути к социальной эпистемологии науки: от обществоведения к естествознанию	8
<i>Симанов А.Л.</i> Постнеклассическая физика: методологические и эмпирические проблемы	12

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Вольф М.Н.</i> О трех базовых антитезах онтологии Гераклита	22
<i>Горан В.П.</i> Кризис древнегреческой демократии и философия Сократа (I)	26
<i>Бутаков П.А.</i> Место философии в богословии Тертуллиана	31
<i>Мархинин В.В.</i> Философские взгляды славянофилов и отечественные интеллектуальные традиции	36
<i>Донских О.А.</i> Простая магия философии	42
<i>Бабак М.В.</i> Советское общество в зеркале «критической теории» Г. Маркузе	48

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Бобров В.В.</i> О предмете социальной философии	52
<i>Розов Н.С.</i> Циклы российской истории: анализ порождающего механизма	56
<i>Шабанов Л.В., Суровцев В.А.</i> Социализация в контексте культурной трансформации в России: самоопределение через потребление	63
<i>Аблажей А.М.</i> Базовые профессиональные ценности аспирантов Новосибирского научного центра	64

ПРАВО И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

<i>Черненко А.К.</i> Типология правопонимания: генетический анализ	70
<i>Дидикин А.Б.</i> Наука конституционного права России в первой половине XIX века: методологические и теоретические основания	74
<i>Нечаева Ж.В.</i> Эффективность конституционного контроля. Критерии эффективности	79
<i>Цихоцкий А.В.</i> Современные проблемы юридического образования	83
<i>Кляус Н.В.</i> Процессуальные законные интересы участников гражданского судопроизводства	86
<i>Зыков С.В.</i> Две системы оборотоспособных абсолютных прав	92
<i>Стафиевская Е.В.</i> Предварительный договор: проблемы обеспечения	96
<i>Базарова Л.В.</i> Пределы и ограничения правомочий субъекта собственности	98

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. РЕЦЕНЗИИ

<i>Попков Ю.В., Абрамова М.А.</i> VIII Международный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири»	102
<i>Головкин Н.В.</i> День философии ЮНЕСКО в Новосибирском научном центре	104
<i>Черненко А.К., Дидикин А.Б.</i> Межрегиональная научная конференция «Актуальные проблемы формирования эффективной правовой системы России»	104
<i>Цихоцкий А.В.</i> Общая часть гражданского процессуального права в современном исследовании (Рец. на кн.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Юристъ, 2003. – 669 с.)	105
<i>Памяти Арсения Николаевича Чанышева</i>	107
<i>Памяти Сергея Николаевича Еремина</i>	108
<i>Олег Сергеевич Разумовский.</i> К 75-летию со дня рождения и к 50-летию научно-педагогической деятельности	109
<i>Summary</i>	110

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
“ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ”**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

Учредители: **Сибирское отделение РАН;**
Объединенный институт истории, филологии и философии СО РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А.Ламин* (председатель совета, Новосибирск), чл.-кор. РАН *Б.В.Базаров* (Улан-Удэ), чл.-кор. РАН *В.И.Бойко* (Новосибирск), канд. ист. наук *Н.М.Екеева* (Горно-Алтайск), д-р техн. наук *Б.С.Елепов* (Новосибирск), канд. ист. наук *В.Д.Март-оол* (Кызыл), д-р филол. наук *Л.Г.Панин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н.Покровский* (Новосибирск), д-р филол. наук *В.А.Роббек* (Якутск), чл.-кор. РАН *Е.К.Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А.Томилов* (Омск), д-р ист. наук *В.Н.Тугужекова* (Абакан), д-р филос. наук *В.В.Целищев* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А.Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *Н.Н.Аблажей*

Д-р ист. наук *Н.А.Алексеев*, чл.-кор. РАН *А.Е.Аникин*, канд. филол. наук *Э.А.Бальбуров*, д-р ист. наук *А.В.Бауло* (зам. гл. редактора), канд. филол. наук *Б.В.Болдырев*, д-р ист. наук *Ф.Ф.Болонев*, д-р ист. наук *С.С.Букин*, д-р филос. наук *В.П.Горан* (зам. гл. редактора), д-р филос. наук *А.А.Гордиенко*, д-р ист. наук *Н.С.Гурьянова*, д-р филос. наук *В.Н.Карпович*, д-р ист. наук *С.А.Красильников*, канд. филол. наук *Е.Н.Кузьмина*, д-р ист. наук *В.Е.Ларичев*, канд. филол. наук *А.А.Мальцева*, д-р филос. наук *Ю.В.Попков*, д-р ист. наук *А.Л.Посадсков*, канд. филол. наук *Е.Н.Проскурина*, д-р ист. наук *Д.Я.Резун*, д-р филос. наук *А.Л.Симанов*, д-р юр. наук *А.В.Цихоцкий*, д-р ист. наук *М.В.Шиловский*, д-р филол. наук *Н.Н.Широбокова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.И.Шишкин* (зам. гл. редактора)

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Объединенный институт истории, филологии и философии
СО РАН, к. 301, тел. 333-24-37. <http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>
ablazhey@history.nsc.ru
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. №0110807

Редактор *В.И.Смирнова*
Компьютерная верстка и макет обложки *Г.Я.Симановой*

Подписано к печати 1.03.2006 г. Формат 60 x 84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 99. Цена свободная

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Д.В. ВИННИК

МЫСЛЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ. К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧУВСТВЕННЫХ ДАННЫХ

В современной философии сознания существует проблема, которая, несмотря на свои древние корни, обсуждается практически всеми. Это проблема онтологического статуса кволий (англ. qualia от qualitative), или чувственных данных. Существует понятие, введенное Берtrandом Расселом¹ и активно используемое в философии сознания и психологии – «чувственная ткань восприятия» (sense data), или «сенсорные данные». В философском контексте допустимо утверждать, что сенсорные данные и кволии суть одно и то же. В трансцендентальной феноменологии также существует свой аналог для кволий – «хиоле», или «гилетические данные». Все перечисленные понятия используются для описания субъективных аспектов нашего восприятия. Закономерен вопрос, чем кволии отличаются от свойств объектов, доступных нашему наблюдению?

На языке философии кволии обычно выражаются словами, отличными от слов, используемых для выражения свойств. Так, если мы хотим сказать, что наблюдаемый нами пожарный гидрант красного цвета, мы используем слово «красный». Если мы хотим высказаться о переживаемых чувственных данных, нам следует воспользоваться словом, производным от прилагательного «красный», и сказать, что мы воспринимаем «красноту». Как нередко случалось, философия во многом обязана языковому недоразумению вследствие введения нового термина – «красноты», что послужило причиной множества заблуждений и споров онтологического характера. Однако проблема онтологического статуса чувственных данных, которую мы затронули, заключается не только в словах.

На вопрос, существует ли «краснота» сама по себе, можно дать немало самых различных ответов. Сторонники онтологического дуализма, очень редко встречающиеся ныне, ответят, что она, несомненно, существует как одно из свойств или состояний, присущих психической субстанции. Сторонники нейтрального монизма или последователи Спинозы заявят, что «краснота» является ни чем иным, как ментальным атрибутом, носящим характер, дополнительный к собственно красному цвету как атрибуту физическому. И красный цвет, и краснота – разные аспекты некой нейтраль-

ной, т.е. ни физической, ни психической, субстанции. Атрибутивные дуалисты будут утверждать, что краснота является ментальным качеством, реализующемся на длине волны 0,6 мкм. Трансцендентальные феноменологии, вне всякого сомнения, скажут, что краснота существует как полноценный феномен, как разновидность способа данности. Сама краснота как феномен сознания способна вступать в различные синтезы сознания, участвовать в конституировании объектов естественного опыта, например, пожарных гидрантов или пионерских галстуков. Кроме того, очень важно понимать, что краснота – это ноема красного цвета. Наиболее сильную позицию займут наверняка объективные идеалисты, для которых краснота, без сомнения, – не что иное, как эйдос красного цвета, существующий вне и независимо от нашего сознания. Можно привести отношение к красноте сторонников экзотических теорий в философии сознания, например, сильных интенционалистов или логических бихевиористов, однако, это выходит за рамки настоящей статьи.

Особый интерес представляет выявление онтологического статуса кволий в рамках теории психофизического тождества, обычно именуемой просто – «теория тождества». Как отмечалось в предыдущих статьях², несмотря на явное сходство с диалектическим материализмом, теория тождества представляет собой далеко неоднородное явление. Существуют две версии теории тождества, отношение которых к столь важной проблеме, как онтологический статус чувственных данных, стоит выяснить. Этими версиями являются атрибутивный физикализм и релятивный физикализм. Становление теории тождества тесно связано с развитием доктрины функционализма, примыкавшего к релятивному физикализму, что также требует анализа совместности этих доктрин.

Согласно атрибутивному физикализму, тождественными являются свойства ментальных и физических событий, а также типы ментальных и физических событий, конституируемых этими свойствами. В конечном счете, ментальные свойства конкретного ментального события являются физическими свойствами. Эта теория, как было показано в предыдущих работах³, является редуктивной версией физикализма и имеет немало общего с метафизическим материализмом.

Теория тождества событий, или релятивный физикализм, утверждает, что конкретное ментальное событие является на самом деле событием физическим, но при этом их свойства являются различными, более того, не сводимыми друг к другу. Событие является основной и не подлежащей дальнейшему анализу сущностью. Наиболее известной версией этой концепции является «аномальный монизм» Д. Дэвидсона. Атрибутивный дуализм также совместим с релятивным физикализмом.

Обе эти версии теории тождества признают существование чувственных данных, однако по-разному трактуют их отношение к физическим состояниям. Чтобы прояснить проблему, следует обратиться к мысленным экспериментам, которые играют едва ли не ведущую роль в обсуждении онтологического статуса кволий. В основном все мысленные эксперименты, в которых фигурируют кволии, призваны служить аргументами против редуктивного физикализма и функционализма. Экспериментов придумано великое множество. Рассмотрим наиболее известные.

Мэри. История бедной девочки Мэри, ставшей жертвой циничных и безнравственных когнитивных психологов, придуманная философом Ф. Джексоном⁴ в 1986 г., поразила философскую общественность. Согласно его версии, нам следует представить девочку по имени Мэри, которую сразу после рождения врачи отобрали у родителей и поместили в комнату, где совершенно отсутствовали предметы красного цвета. Там ее начали воспитывать и образовывать в полной изоляции – только бы она не увидела красного цвета. К образовательной программе коварные педагоги подошли с редким цинизмом – особое внимание уделялось именно изучению оптики и механизмов человеческого зрения. В результате Мэри выучила *все* известные науке физические, физиологические и функциональные факты о красном цвете. Однако, когда ее выпустили во внешний мир, она обнаружила новый факт – что значит видеть красный цвет. Следовательно, заключает Джексон, восприятие красного цвета не может быть физическим или функциональным фактом. Оппоненты признают, что пример Джексона является не более чем хорошей демонстрацией понятия кволии. То, что считается фактом созерцания красного цвета, с точки зрения науки, фактом не является, поскольку это не более чем факт от первого лица, а наука признает только факты от третьего лица. Оппоненты правы как ученые, однако их аргументы очевидно неполноценны с точки зрения философии, в сферу которой они вторгаются. Ничто не запрещает нам ввести эпистемическое понятие привилегированного доступа от первого лица (*first-person privilege access*) – интроспективного способа наблюдения собственных чувственных данных и ментальных актов. Для философских концепций рефлексивные процедуры, к которым следует отнести и интроспекцию, носят фундаментальный характер.

Симона. Симону придумал С. Гуттенплан⁵. Этой бедной девочке повезло гораздо больше, чем Мэри. Она родилась без цветного зрения, она все видит в черно-белом цвете. Уязвленная надругательством природы над ее организмом, девочка поступила в университет и стала работать в оптической лаборатории, где сконструировала портативный спектрометр, вмонтированный в очки, позволяющий узнать длину волны, отраженной от любого предмета и, соответственно, его цвет. Симона в совершенстве овладела миниатюрным устройством и безошибочно называла цвета предметов, даже превосходя в дифференциации цвета некоторых здоровых людей. Прогрессивные врачи сжалились над Симоной и вернули ей цветное зрение. Первое, что увидела Симона, сняв повязку, – это небо. Она сказала: «Я всегда знала, что небо голубого цвета, но я никогда не знала, что голубое выглядит *так*». Заметьте, утверждает Гуттенплан, высказывание Симоны не является фактом о небе, но фактом о ее восприятии последнего. Следовательно, не все факты физически. Пример Гуттенплана очень хорош по двум причинам. Во-первых, он достаточно правдоподобен, поскольку такие расстройства действительно имеют место – существуют люди, которых врачи называют «монохроматами», и их не так уж мало – примерно 0,01% от всех людей⁶. Во-вторых, очень правдоподобное высказывание Симоны вскрывает интенциональность наших чувственных данных, оно выражается в фразе «подобен *так*». «*Так*» очевидным образом указывает на интенциональность восприятия. Это указание не является тривиальным, поскольку последовательные сторонники теории чувственных данных выступают против интенционалистов, считающих, что все ментальные состояния являются интенциональными.

Сами кволии определяются здесь как неинтенциональные феномены. Радикальные сторонники этой теории утверждают, что описание сознания должно носить качественный характер. Эта теория очевидно ложна, поскольку не существует простых качеств ни от первого, ни от третьего лица, благодаря которым мы можем содержательно отличить, например, веру в бога от убеждения в истинности общей теории относительности. Феномены убеждения, страха и желания носят интенциональный, т.е. принципиально релятивный характер по своей структуре. Справедливости ради следует отметить, что существуют убедительные эмпирические доводы против универсального характера интенциональности. Они широко известны. Это феномены боли, особенно фантомной боли, и оргазма. В случае боли кволия «болит» просто есть, она не указывает ни на какой объект; контраргумент, что объект есть (например, нога), последовательные сторонники теории чувственных данных отвергают, поскольку боль относится не к ноге, а только к себе самой. В случае фантомной боли может болеть нога, которой вообще нет. «Как может боль быть направлена на то, чего нет?» – спрашивают противники интенциональности. Аргумент фантомной боли не является удачным, по-

сколькxу интенциональный объект вовсе не обязан быть реальным в силу самого определения интенциональности. Данный спор между двумя теориями является, по существу, пустым. Пожалуй, лучший анализ соотношения интенциональных и так называемых неинтенциональных феноменов еще в прошлом веке дал Э. Гуссерль⁷. И те, и другие теории, редуцирующие сознание к одной из категории феноменов, описывают только некоторые аспекты сознания. Интерпретируя Гуссерля, можно сказать, что интенциональная теория сознания акцентирует внимание на активном характере сознания, на апперцептивных способностях. Интенциональность восприятия можно метафорически описать как луч внимания, который выхватывает из реальности то одни, то другие фрагменты действительности. В отличие от интенциональных феноменов, кволии «предъявляют себя сами», они «даны», они вынуждают сознание быть направленным на них, представляя перед ним по причинам, внешним по отношению к сознанию. Гуссерль называет их «нерефлектируемыми переживаниями», которые, тем не менее, всегда могут быть подвергнуты рефлексии, которая является самой сущностью интенциональности. Даже нелокализуемая боль может стать интенциональной, если мы начнем размышлять над ней или пытаться выявить ее нюансы. Интенциональность, согласно Гуссерлю, является «сквозной структурой сознания», и любые феномены скрывают в себе интенциональность.

Таким образом, теория чувственных данных играет ограниченную роль – она описывает сознание как пассивный воспринимающий механизм, коим оно, конечно, не является. Интенционализм утверждает деятельностную, конституирующую силу сознания, которая ответственна за первичную дифференциацию кволий и их привязку к различным объектам. Вот как описывает этот процесс Д. Фоллесдаль: «Цвет объекта, его форма и различные прочие его признаки суть объекты наших актов, они переживаются подобно переживаниям физических объектов. Они есть объективные сущности, способные быть воспринятыми различными субъектами из различных точек зрения. Круглая форма стола, например, может быть воспринята как круглая, эллиптическая и т.д., это зависит от нашей точки зрения. Аналогично его цвет зависит от условий освещения, наденем ли мы цветные очки и т.п., звук же будет звучать в зависимости от акустики помещения, нашего положения в ней и т.п. Формы, цвета, звуки и т.п., говорит Гуссерль, суть *формирующие переменные* (*perspected variables*) в противоположность *перспективным изменениям* (*perspective variations*), посредством которых мы знаем о формах. Эти перспективные изменения суть примеры того, что Гуссерль называл гилетическими данными. Формирующие переменные и перспективные изменения взаимозависимы через сложную систему определяющих факторов, которую мы называем нозмой. Частью того, что феноменология восприятия намеревалась осуществить, было исследование основных принципов восприятия, согласно которым перспективные изменения смыкаются друг с другом так, что

при этом считаются как бы различными разновидностями одной формирующей переменной»⁸.

Отсутствующая кволия. Этот эксперимент предложен Недом Блоком⁹ и является не менее ярким, чем история Мэри. Вслед за известным экспериментом «китайская комната» этот автор предложил представить функциональную организацию, тождественную коре головного мозга, состоящую из прибора-детектора красного цвета и миллиарда китайцев, которые обрабатывают этот сигнал, пользуясь телефонной связью. Если мы допустим, что наука полностью вскрыла функциональный механизм восприятия красного цвета головным мозгом, мы, согласно функционалистским постулатам, способны воспроизвести его на компьютере, элементами в котором могут являться хоть китайцы или представители другой нации с большой «элементной базой». В результате будет иметь место входящий сигнал, соответствующий длине электромагнитной волны, соответствующей красному цвету, и некоторое макросостояние системы, обрабатывающей этот сигнал в информационный выход. Однако, очевидно, утверждает Нэд Блок, что субъект, воспринимающий красноту, не будет существовать. Это совсем не очевидно согласно эмерджентному функционализму. Если уровень сложности системы действительно будет аналогичным человеческому мозгу, то, независимо от субстрата физической реализации системы, субъект с необходимостью *возникнет*. То, что мы не будем подозревать о его существовании, не важно. Многие экологические мистики фактически пользуются аргументацией эмерджентистов, когда утверждают, что биосфера в целом является настолько сложной, что можно сравнивать ее с живым организмом и допускать существование самостоятельного сознания. То, что биосфера не является вычислительной системой, ими не принимается во внимание.

Зомби. Это поистине зловещее предположение выдвинуто Д. Чалмерсом¹⁰. Он оговаривается, что его понятие зомби носит предельно абстрактный характер и имеет крайне мало общего с представлениями о зомби, которое мы имеем благодаря известному гаитянскому культу. Чалмерс предлагает нам социально адекватного и даже остроумного профессора, который тем не менее скрыто ушербен – он совершенно не имеет ментальных качеств, да и вообще не имеет сознания, поскольку осознавать ему абсолютно нечего. Чалмерс утверждает, что если функционализм истинен, то нам следует допустить существование таких кошмарных и абсурдных существ, лишенных разума.

Данный мыслительный эксперимент является доведенной до предела версией «Мэри» и «Симоны». Эксперимент, по сути, демонстрирует очень банальную идею, однако пользуется большим успехом. Строго говоря, согласно радикальному функционализму, этот аргумент не очень уместен, поскольку разницы между профессором и нами нет вообще никакой – все люди являются подобными зомби. В функционалистском описании такие суще-

ности, как ментальные качества, являются избыточными, и попытки опровергнуть функционализм подобными аргументами только демонстрируют его ограниченность, но не более того. Слабые модификации функционализма признают существование кволий, более того, утверждают их необходимость в случае нормальной функциональной организации. Я. Ким¹¹ несправедливо переносит допущение существования зомби с функционалистской концепции на релятивный физикализм вообще. Заблуждение заключается в том, что аргумент зомби подразумевает полное отсутствие ментальности, а не ее вариативность, как в случае релятивного физикализма. Сам же тезис супервентности, гласящий, что всякое событие, обладающее ментальными признаками, обладает и физическими, является фундаментальным для сторонников теории тождества событий и утверждает взаимодозначное соответствие ментальных и физических свойств, но вовсе не их тождество.

Инверсия спектра. Эксперимент был придуман в качестве аргумента против интенционалистов и функционалистов, утверждающих, что любые ментальные состояния являются на самом деле функциональными, каузальными состояниями головного мозга и, подобно состояниям вычислительного алгоритма, не зависят от способа их физической реализации. Согласно эксперименту, нам следует представить аномального индивида, который по каким-то причинам врожденного характера вместо красного цвета видит синий и, наоборот, вместо синего – красный. Иначе говоря, он воспринимает привычный нам видимый спектр в перевернутом или рекомбинированном виде. Стоит заметить, что представляемая аномалия отличается от дальтонизма, поскольку при дальтонизме в восприятии имеются пробелы, т.е. дальтоник просто не видит некоторых цветов или воспринимает близкие цвета в качестве одного. Согласно авторам мыслительного эксперимента, он наглядно демонстрирует тот случай, когда функциональный красный цвет и субъективный красный цвет совсем не одно и то же. Носитель инвертированного спектра способен находиться в функциональном состоянии, соответствующем красному цвету, правильно на него реагировать в самых разнообразных ситуациях, однако предметом его непосредственного опыта при этом будет синий цвет. Впрочем, авторы мыслительного эксперимента иногда сознательно опускают одну особенность, которая заключается в том, что индивид, страдающий такой патологией, будет употреблять термины «красный» и «синий» столь же корректно, как и лица с нормальным зрением. Более того, назвать это отклонение патологией можно с известной натяжкой, поскольку при прочих равных посылках мы не имеем эпистемических средств для ее обнаружения. Стандартные зрительные тесты не дадут результата, так как носитель инвертированного спектра будет употреблять корректные термины.

Аргумент инвертированного спектра содержит скрытые дополнительные послылки, которые остаются не-

проясненными, а именно – механизм инверсии. Мы можем предположить, что причины инверсии носят неопостижимый метафизический характер, заключающийся в том, что кволии являются автономными сущностями и вольны реализовываться произвольным образом. В случае этого допущения мы вторгаемся в область объективного идеализма, что выходит за рамки настоящей статьи. С точки зрения атрибутивного физикализма, мы можем допустить инверсию только как дефект организации зрительного аппарата. Теоретически его можно вызвать искусственно, перерезав волокна, идущие в зрительную кору от рецепторов, ответственных за восприятие красного и синего цвета, и сшив их крест-накрест, так чтобы вход от красного рецептора был в участке, ответственном за восприятие синего цвета, и наоборот. Существует более сложный и наглядный вариант этого эксперимента с восприятием горячего и холодного.

Инверсия терморцепции. Представим себе два способа переконмутации нервной системы нейрохирургическим образом:

1) между входящим сигналом от термических рецепторов руки и участком коры, ответственным за восприятие соответствующей кволии, – ощущения теплоты или холода; в результате операции, прикасаясь к горячему, Вы будете чувствовать холод, а прикасаясь к холодному, – тепло;

2) между участком коры и вашим речевым центром; в результате, чувствуя холод, Вы будете кричать «Горячо!», а чувствуя жар: «Холодно!».

А теперь представим, что Вам «перекроили» нервную систему, осуществив обе операции одновременно. В результате этого внешний наблюдатель не заметит ничего необычного – прикасаясь к горячему, Вы будете кричать «Горячо!», а прикасаясь к холодному, – «Холодно!». Однако, находясь в здравой памяти, Вы будете осознавать, что ваши ощущения аномальны и носят инвертированный характер, поскольку при прикосновении к горячему Вы тем не менее будете чувствовать холод, и наоборот. Очевидно, этот эксперимент можно использовать как только очень абстрактную модель, поскольку он противоречит данным психофизиологии. Существует такое явление, как пороговая чувствительность, издавна известны феномены, когда резкая смена температуры сама вызывает инверсию; речевая сфера работает в известной мере автономно от физиологических механизмов восприятия и т.п. Важно другое: теоретически наука способна осуществлять переконмутацию между детектором – органом восприятия, вычислительным механизмом – и механизмом, ответственным за рефлекторное поведение. Поэтому ситуация, при которой субъект испытает инверсию некоторых чувственных данных, но будет вести себя адекватно, возможна.

С точки зрения релятивного физикализма и тем более функционализма, реальных шансов установить лиц с инверсией чувственных данных у нас нет, поскольку в рамках этих онтологий отсутствует взаимодозначное

соответствие между физическими и ментальными состояниями. Одним из основных положений теории тождества событий является то, согласно которому физические и ментальные свойства одного и того же физического события не тождественны, более того, ординарным следует признать случай, когда у двух событий, обладающих одинаковыми физическими свойствами, будут различные ментальные характеристики! В общих чертах это даже не противоречит данным современной науки. Множество типичных физических состояний, фиксируемых приборами, проявляются в случаях с разными по содержанию стимулами, хотя и с одинаковой интенсивностью. Это означает, что универсальных путей, в коммутации которых мы будем стараться найти дефект, не существует. Конечно, теоретически, при условии полного знания функционирования мозга в каждом конкретном случае это следует считать возможным, однако это полностью выходит за рамки современных знаний в области научной фантастики.

Существует еще эксперимент «инвертированная Земля», скорее напоминающий целый фантастический эпос с похищениями землян, помещением их в специально окрашенные комнаты, искусственной амнезией и возвращением памяти, однако его рассмотрение не содержит принципиально новых идей. Вариантов экспериментов на тему кволий можно сочинить множество. Предлагается оригинальный вариант, призванный продемонстрировать различные онтологические следствия.

Дополнительная кволия. Представим себе, что человечество столкнулось с угрозой со стороны жестоких существ – *суперспектронов*, которые во всем подобны нам, однако обладают одной особенностью – их диапазон зрительного восприятия шире – помимо обычного спектра они видят в инфракрасном диапазоне. Такое допущение не противоречит ни одной из онтологических концепций – известны рептилии, которые обладают такой способностью. Перед высокотехнологичной разведслужбой людей стоят две задачи: выявление суперспектронов среди людей и внедрение своих агентов в тыл врага с помощью модификации их зрительного механизма. Возможность того, будет ли данный агент разоблачен, зависит от той онтологии, которая является истинной. Дело в том, что никто не знает, как суперспектроны видят тепловое излучение, существует ли у них специфическая кволия (назовем ее «инфракраснота»), ответственная за это. С точки зрения атрибутивного физикализма, такая кволия должна существовать, поскольку у суперспектронов должна быть специальная нейроструктура, ответственная за обработку изображения от инфракрасных рецепторов. При этом свойство инфракрасноты тождественно активному состоянию данной нейроструктуры. Однако сделать инфракрасноту объектом привилегированного доступа от первого лица для человека не представляется возможным, если только не модифицировать его мозг до мозга суперспектронов, что, однако, сложно и не гарантирует результат. С точки зрения релятивного фи-

зикализма, кволия, ответственная за субъективное переживание инфракрасного света, может быть вообще любой, поскольку *следствием релятивного физикализма является то, что множество кволий бесконечно, так же как бесконечно множество физических свойств, по отношению к которым кволии супервентны*. Если допустить, что захваченные в плен суперспектроны утверждают, что инфракраснота по субъективным переживаниям является разновидностью красноты и это истинно, интересным следствием данного допущения должно являться то, что суперспектроны видят объекты красного цвета менее насыщенно, чем люди, поскольку свойство красноты как некоторый континуум реализуется на большем множестве объектов. Это позволяет разоблачать их с помощью простых психологических тестов на дифференциацию оттенков красного цвета. Если инфракраснота является оригинальной кволией, возможностей для выявления спектров психологическими тестами не существует. Предположим, что специально отобранному «чекисту» решают сделать операцию – имплантировать в глаза инфракрасные нанодетекторы, которые подключают непосредственно к глазной коре. Поскольку в отличие от злобных суперспектронов у «чекиста» нет зрительной кволии теплового излучения, искусные физиологи направляют сигнал от детекторов в ту область мозга, которая ответственна за восприятие красного цвета. В результате разведчик видит как красные предметы, так и в темноте в оттенках красного цвета. Иногда это вызывает у него трудность определения некоторых объектов, действительно ли они красные или просто находятся в темноте? Суперспектроны, узнав о заброшенном агенте, решают вычислить его, осуществив простой тест – заводят подозреваемых последовательно во множество комнат, одни из которых полностью выкрашены в красный цвет, другие иного цвета, но полностью темные с теплыми стенами. Если инфракраснота не является разновидностью красноты, а вполне самостоятельной кволией, агент должен «провалиться», поскольку он обязательно ошибется, сказав, что темная комната является красной.

Согласно слабой эмерджентной версии функционализма (которая является разновидностью релятивного физикализма), признающего существование кволий как эпифеноменов функциональных ментальных состояний, никакой перенастройки на уровне физической реализации кволий не требуется при условии, что скорость вычислительных возможностей и сложности мозга людей не слабее, чем скорость вычислительных возможностей и сложность мозга суперспектронов. Сложноорганизованная материя должна сама в силу эмерджентных закономерностей проявить новое ментальное свойство – инфракрасноту. Специфика инфракрасноты у агента, согласно функционализму, будет заключаться в том, что нет никакой гарантии, что она будет тождественна инфракрасноте спектров, однако это не будет иметь значения, поскольку она необходимо будет отличима от кволий зрительного диапазона в силу ее особой функциональной роли по отношению к функциональным ролям восприятия

цветов оптического диапазона. Гносеологических средств выявления различия кволий в рамках функционализма не существует.

Таким образом, можно сделать выводы: 1. Атрибутивный физикализм признает существование чувственных данных, однако утверждает, что кволии тождественны некоторым физическим состояниям. Существует взаимоднозначное соответствие между множествами физических состояний и кволиями. Двух существ, находящихся в одинаковых физических состояниях головного мозга, но пребывающих в отношении инверсии спектра друг к другу, быть не может. Аномалии чувственных данных возможны только на основании физической аномалии.

2. Релятивный физикализм признает существование кволий как самостоятельной категории свойств высокоорганизованной материи, которые, однако, не тождественны свойствам физическим в рамках одного нейропсихического состояния или события. Каждое такое событие обладает двумя несводимыми категориями свойств: физическим и психическим, включающим в себя кволии. Кволии находятся в отношении супервентности к физическим состояниям. Согласно релятивному физикализму потенциально множество кволий бесконечно, подобно множеству физических состояний, на которых они реализуются. Релятивный физикализм на самом деле является атрибутивным дуализмом. Кволии не находятся в состоянии взаимоднозначного соответствия с физическими состояниями.

3. Слабый функционализм признает существование кволий и является полноценной разновидностью релятивного физикализма.

4. Сильный функционализм следует признать редуцированным вариантом релятивного физикализма. Его отличие заключается только в том, что в этой теории элиминированы обсуждаемые нами кволии. С точки зрения функционализма, основанной на онтологической схеме нетрадиционного типа – онтологии отношений, кволии вообще являются избыточными сущностями. Ментальные состояния понимаются по аналогии с состояниями компьютерной программы, которая может быть исполнена на вычислительных машинах с разной архитектурой. Исследуя архитектуру физическими методами, мы не сможем выявить механизмы, ответственные за конкретные ментальные состояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Routledge encyclopedia of philosophy.

² Винник Д.В. Физикализм атрибутивный и релятивный // *Философия: история и современность*. – 2004–2005.

³ Теория психофизического тождества и диалог. Специфика и соотношение // *Тезисы VI российского философского конгресса*. – 2005. – Т. 1. – С. 298.

⁴ Jackson F. What Mary didn't know // *Journal of Philosophy*. – 2003. – № 83. – P. 291–295.

⁵ Guttenplan S. An Essay on mind // *A companion to the philosophy of mind* Great Britain. – P. 48–49

⁶ Физиология человека. – М.: Мир, 1996. – Т. 1. – С. 274.

⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

⁸ Follesdal D. Husserl's theory of perception // *Husserl, intentionality and cognitive science*. – Cambridge, 1984. (перевод наш)

⁹ Block N. Inverted Earth // *In philosophical perspectives*. – V. 4. Ridgeview. – 1990.

¹⁰ Chalmers D.J. *Toward a Theory of Consciousness*. – University of Indiana / Ph. D. thesis, 1993.

¹¹ Kim J. *Philosophy of mind*. – Westv. Press, Colorado. – P. 10–12.

*Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск*

Т.В. ЛАПИНА

НА ПУТИ К СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ НАУКИ: ОТ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ К ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ

В анализе научного знания не раз указывалось на проблему взаимосвязи социальных факторов и внутренней логики развития знания. Так называемый социологический поворот в философии науки связан в первую очередь с именем Т. Куна и его идеями о парадигмах. Одинаковая логическая обоснованность, которая характерна для любой из парадигм, вынуждает Т. Куна объяснять выбор между ними с помощью социальных факторов. Дальнейшее развитие социологического аспекта теории Т. Куна привело к осознанию того, что «скрытые измерения» научной практики по-

зволяют ученым, работающим в рамках одной и той же парадигмы, приходиться, тем не менее, к различному пониманию одного и того же поля исследования. Именно эти идеи социальной обусловленности естествознания были обобщены и продолжены в рамках так называемой социальной эпистемологии (С. Фуллер, Ф. Китчер, А. Голдман, Х. Лонжино).

Следует отметить, что проблематика, характерная для социальной эпистемологии, уже была достаточно развита в теоретических построениях обществоведения. Если быть более точным, то социальная эписте-

мология является преемницей учения об идеологии, возникшего в результате методологического анализа общественных наук. Со времен позитивистов (О. Конт) принято считать, что «идеи управляют и переворачивают мир... весь социальный механизм покоится, в конце концов, на мнениях»¹, социальное знание может стать наукой, лишь преодолев метафизическую стадию и избавившись от социальной обусловленности и идеологической нагруженности. Именно О. Конт первый противопоставил идеологическую обусловленность знания и научное описание мира. В дальнейшем можно выделить три основных точки зрения на соотношение идеологии и научного описания мира.

Одним из исследователей данной проблемы можно назвать Д. Белла, который в своей работе «Конец идеологии» рассматривает идеологию как «ориентированную на действие систему убеждений», что предполагает не описание реальности, а непосредственно сами идеи, мнения, представления отдельного индивида. Идеология не выполняет эпистемические цели описания мира, а направлена на политические цели, на их подкрепление и оправдание². Сам факт, что идеология ориентирована на действие, указывает на ее роль – не описывать реальность, а мотивировать людей совершать или не совершать определенные поступки. Идеи, мнения, представления индивида – все то, что включает в себя понятие идеологии – по сути своей являются приказом, долженствованием, оформленным в виде описания реальности. Подобная роль предполагает технологический характер использования идеологии в качестве инструмента управления сознанием и исключает возможность каких-либо отношений между идеологией и существующим положением вещей.

Тотальное противопоставление идеологии и науки, а именно соотнесение науки с правильным описанием, а идеологии с совершенно ошибочным, несколько преувеличено в позитивизме вообще и в работах Д. Белла в частности. Более взвешенный подход к объяснению соотношения идеологии и науки применительно к общественным теориям реализован в марксизме. В работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс отметили, что идеология формируется под влиянием материального мира, т.е. под влиянием объективных условий, и следовательно, в той или иной мере их отражает, но не с той степенью точности, которая характерна для науки, хотя и произвольным это отражение не является. Идеология возникает только тогда, когда существуют социальные условия, уязвимые для критики и протеста, с целью защитить социальные условия от нападков тех, кто ими недоволен. Для этого предлагаются теоретические описания применительно к существующим социальным условиям (например, рыночные отношения), для того чтобы объяснить действия людей как естественные и неизбежные и ориентировать индивида в угоду интересам определенной группы.

В связи с этим постоянной спутницей термина «идеология» является понятие «иллюзия», которое имеет своим контрагентом слово «реальность» или «действительность». Однако если для Д. Белла реальность и иллюзия не находятся в каких-либо отношениях, то для Маркса идеология выступает в постоянном и определенном соотношении – реальность порождает иллюзию о себе самой. Таким образом, идеология есть иллюзорное представление о реальности, в той или иной степени отражающее долю объективного описания реальности. Нередко Маркс уточняет это общее представление словами о «перевернутом» сознании: «Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными с ног на голову, словно в камере-обсуре, то это явление точно так же происходит из исторического процесса их жизни, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза происходит из непосредственного физического процесса их жизни»³.

Иллюзорной, или идеологической, части сознания у К. Маркса противопоставляется научное теоретическое мышление. Для К. Маркса в первую очередь в качестве науки выступала история как единственная наука, которую можно подразделить на историю природы (естествознание) и историю людей (обществоведение), которые взаимно обуславливают друг друга. Подобное представление о науке позволяет утверждать, что только научное мышление обладает свойством рефлексивности, а именно, учитывает, что мысль есть отражение объекта, и, следовательно, нужно сделать все, чтобы это отражение наиболее полно соответствовало действительности. Только отсекая иллюзорность, идеологизацию, можно получить действительное описание реальности, которое и приведет нас к положительной науке.

Начатое исследование роли предпосылок в социальном теоретическом познании продолжил К. Мангейм. Он заимствовал понятие идеологии для обозначения самой идеи предпосылочности, социальной обусловленности знания, и несколько расширил его. Идеология, в терминологии Мангейма, указывает на наличие особого рода предпосылок в результатах теоретического познания, в том числе и естественно-научного, предпосылок, происходящих из воздействия социальных факторов на познавательный процесс. Нужно подходить к познавательному процессу, обусловленному социальными предпосылками, не как к ложному, перевернутому, иллюзорному знанию, а обратить большее внимание на то, когда и как научные высказывания подвергаются социальным влияниям. Другими словами, интерес К. Мангейма вызывает обусловленность высказывания определенной социальной позицией без оценки на ложность или истинность. В данном контексте исследователь предлагает отказаться от перегруженного понятия «идеология» и обратиться к социологии знания. В его понимании социология знания – это «учение, устанавливающее факты (эм-

пирические данные), связанные с феноменом социальной обусловленности знания... она ограничивается феноменологическим описанием и структурным анализом этой обусловленности»⁴.

Социология знания у К. Мангейма вводится с целью показать, что даже после того как наука очищена от элементов социального и оценочного характера, как это принято в классической гносеологии, в ней все равно остается социальный аспект, который невозможно устранить. Поэтому необходимо принять за основу социально детерминированный тип знания, а социально изолированный тип знания считать особым, пограничным случаем первого⁵. В соответствии с этим в рамках новой гносеологии (или в современной терминологии – социальной эпистемологии) нет иного возможного варианта, кроме как возвести социальную обусловленность знания в ранг контролируемой, то есть дифференцировать и учитывать степени социального детерминизма.

Как видим, анализ социальных наук прошел путь от полного отказа от социально обусловленного знания к признанию социального детерминизма. В свете подобных изменений необходимо раскрыть механизм действия социальной обусловленности знания. На наш взгляд, это можно сделать, обратившись к проблеме абдукции, а именно к историческим и социологическим аспектам абдуктивных переходов.

В свое время Ч. Пирс предложил понятие «абдукция» для обозначения одного из методов выдвижения гипотез. Оно заключается в подведении объясняемого явления под некоторый более общий закон. Наиболее ясно абдуктивный вывод можно проследить, противопоставив его дедукции. Возьмем классический пример дедуктивного вывода: Все люди смертны, Сократ – человек, следовательно, Сократ смертен. Абдукция возникает из обращения дедуктивного вывода, а именно исходит из следствия для того, чтобы вывести некоторые гипотетические правила, ранее неизвестные и имеющие вероятностный характер. Другими словами, абдукция является попыткой восстановления тех оснований, которые могли бы привести к полученному следствию. В случае с классическим следствием дедуктивного вывода – Сократ смертен – необходимо предложить некоторые гипотезы, которые смогли бы объяснить, почему это является таковым. Для объяснения некоторого явления так или иначе приходится преодолеть два этапа: введение некоторого предварительного допущения – Сократ – человек, на основании которого и происходит выдвижение собственно гипотезы, или предложение объяснения, представляющее собой более общее правило или закон – Все люди смертны.

Однако, естественно, возникает вопрос о том, какими правилами руководствуется исследователь, когда формулирует гипотезу, переходя от следствий к основаниям. Эти правила можно представить на примере социальных факторов в познавательном процессе, т.е. с помощью той самой социальной обусловленности знания, которая присутствовала в полемике по поводу идеологии в обще-

ственных науках и которую сейчас принято обозначать как область «социальной эпистемологии».

Представляется, что процесс абдукции как «перехода к желательному основанию» несколько парадоксально, но по сути верно описан в одном замечании А.Н. Колмогорова о «женской логике»⁶. Колмогоров сформулировал следующее правило женской логики: Пусть $[P \Rightarrow Q]$ и $[Q \text{ приятно}]$; тогда P . Эту логическую схему наиболее наглядно на примере представил В. Успенский: если у мужа есть деньги, у меня будет новая шубка (это есть $P \Rightarrow Q$); иметь новую шубку приятно (это есть $Q \text{ приятно}$); отсюда по правилу Колмогорова следует, что у мужа есть деньги (это есть P)⁷.

Совершенно очевидно, что абдукция в социальных науках строится по той же схеме: Из A вытекает B ; при этом B считается принятым в сообществе по тем или иным причинам. Причины могут быть различными: желательность для той или иной социальной группы, очевидность для социального исследователя на период создания его работы и т.д. На этом основании принимается и A как теоретическое обоснование для B .

Рассмотрим предложенную выше схему на примере понимания понятия свободы различными социальными группами в начале XIX в. Так, для либерала понятие свободы подразумевало свободу от привилегий, т.е. отсутствие неравенства. При помощи вышеуказанной схемы можно проследить, как сформировалось данное понятие. На тот период времени было необходимо (вариант «приятно» у Колмогорова) разрушить внешний, легализующий неравенство общественный порядок. Желательность определенных политических действий для определенной социальной группы обусловила содержательную нагруженность понятия свободы и ввела его в основание политических теорий.

Чтобы не ограничиваться лишь далекими примерами, обратимся к сравнительно недавнему анализу общественных наук. На возможности искажения реального положения дел в общественной теории, в частности в представлениях о справедливости, указывает Дж. Ролз в своих исследованиях⁸. Те преимущества, которые индивид получает в силу случайных обстоятельств, природных или социальных, приводят к искажениям в концепции справедливости. Для устранения этих возможных искажений Дж. Ролзом вводится такая методологическая процедура, как «занавес неведения». Этот прием представляет собой гипотетическую конструкцию. Остается открытым вопрос: можно ли в принципе устранить влияние социальных факторов, поскольку ни один из субъектов познания не находится в выделенном положении всеведения, доступа к полному и объективному описанию существующего положения дел, и уже в силу этого ограничен в выборе (основания для объяснения общественного положения он будет искать, исходя из своего личного опыта или коллективного опыта той общественной группы, которую он представляет). В любом случае, в работе Дж. Ролза мы наблюдаем попытку гипотетически устранить принятие теоретических положений на ос-

новании того, что по тем или иным причинам является желательным или необходимым.

Социальной обусловленности знания и абдуктивным переходам в обществоведении, как было показано выше, было уделено достаточно внимания в отличие от методологии естествознания. Долгое время подобная проблематика в силу привычного противопоставления наук о природе и наук о духе не поднималась по отношению к естествознанию. Однако для современной методологии естествознания, которое опирается на гипотетико-дедуктивную модель знания как систему методологических приемов, состоящих в выдвижении некоторых утверждений в качестве гипотез и проверке этих гипотез путем вывода из них следствий и сопоставления этих следствий с фактами, переход от объясняемого к объясняющему, в частности от фактов к теории, представляется весьма проблематичным. На отсутствии правил подобного перехода настаивал К. Поппер в работах, посвященных критике верификации как способа проверки гипотез, и индукции – как способе их выдвижения⁹. После Поппера методы формирования гипотез и теорий обсуждались достаточно подробно, с привлечением сложных логических и методологических правил, учения о парадигмах, способах проверки, особенностей организации научных исследований. В связи с этим закономерным является обращение к социальной обусловленности выдвижения гипотез в естествознании.

В частности, влияние социальных факторов на переход от объясняемого к объясняющему в естествознании можно проследить на примере теории эволюции. Еще Ф. Энгельс в своей критике теории Ч. Дарвина отмечал, что «все учение Дарвина о борьбе за существование является просто-напросто перенесением из общества в область живой природы учения Гоббса о *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех) и учения буржуазных экономистов о конкуренции, наряду с мальтусовской теорией народонаселения»¹⁰. Детальный исторический анализ, предложенный Р. Левонтином и М. Малкеем, подтверждает эту мысль¹¹. В этих исследованиях было отмечено, что мощное влияние на Дарвина оказали труды Мальтуса, которые были весьма популярны среди интеллектуалов высшего европейского сообщества. По мнению экономиста, массовые бедствия, такие как войны, голод и эпидемические болезни, являются необходимыми механизмами сокращения численности населения, ибо определенное количество людей должно умирать, дабы дать возможность жить лучше другим.

Влияние мальтузианской доктрины на теорию эволюции можно трактовать как ограничение на выбор основания в абдуктивном выводе. Теория Т. Мальтуса подкреплялась практикой английского общества XIX в., для которого были характерны явное неравенство, безжалостная конкуренция, отсутствие социального законодательства. Борьба за существование, в которой уничтожаются «бедные и неспособные» и выживают наиболее приспособленные, была представлена в тот исторический период как необходимый закон общества. Данная социальная

теория так или иначе укрепляла Дарвина в выборе оснований при выдвижении гипотезы о «борьбе за существование» в природном мире. Чтобы объяснить приспособляемость в природном мире, Дарвин в силу существующих в его время представлений обратился к наиболее естественным для него объяснительным схемам мальтузианской теории.

Однако в современной науке механизмы социальной обусловленности знания проявляют себя не только при выдвижении гипотез, но и на более глубоком уровне – на уровне научного факта. В некоторой степени это связано с объективными процессами, которые происходят в современном естествознании, а именно со все большей популярностью представления о так называемой маргинализации явления¹². Современная наука по сравнению с прошлым стала более абстрактной, потеряла прямую связь с техническим прогрессом, направлена все больше на утоление своего собственного любопытства, а не на технологическое использование в ближайшем будущем. Современная физика в силу своей теоретичности все больше и больше уходит от наблюдаемых исследований в сторону концептуальных схем. Эксперимент перестает быть основной движущей силой в современных исследованиях, наоборот, растет уровень абстрактности и сложности тех или иных теорий, которые порой развиваются в полной независимости от эмпирических данных. Естествознание нередко предсказывает явления теоретически и лишь затем пытается его обнаружить для подтверждения своих теоретических положений.

Все возрастающая теоретичность современного естествознания приводит к тому, что все большее значение приобретает рациональность как социально обусловленное явление: принятые стандарты рациональности, принятые способы объяснения, мировоззренческие соображения в выборе теорий, основанные на традициях, ориентациях на определенные научные школы. Все больший интерес вызывает внутреннее устройство научного сообщества и тот набор норм, который внутри этого сообщества разделяется: объединение ученых в группы, кружки, лаборатории и школы, которые также оказываются связанными между собой в национальные и международные интеллектуальные сети. Большое количество социологических программ, таких как STS (Science and Technology Studies), SSK (Sociology of Scientific Knowledge) и SSS (Social Studies of Science), в которых были предложены новые задачи и методы изучения современных научных сообществ, являются ярким тому примером.

В рамках данных программ радикальным направлением в социальной эпистемологии, вызвавшим наибольшее количество споров, выступает социальный конструктивизм. Данное социологическое направление является радикальным потому, что в результате своих исследований пришло к выводу о социальной обусловленности не только процесса выдвижения гипотез, но и самого научного факта. В своей работе Б. Латур и С. Вулгар «Жизнь лаборатории: социальное конструирование научных фак-

тов» предложили исследование одной из научных лабораторий. Она занималась созданием/открытием гормонов, а именно TRH (for thyrotropin releasing hormone), выделяемого гипоталамусом; этот гормон играет важную роль в работе эндокринной системы. Полученное количество вещества было настолько крошечным, что затруднило процедуру проверки из-за отсутствия независимых образцов. На основании этого Б. Латур и С. Вулгар сделали вывод о том, что «научная деятельность – это не деятельность по отношению к природе, это конструирование реальности, протекающее в жарких спорах»¹³. Научный факт как результат научного исследования биологов был задан некоторой системой соглашений между естествоиспытателями, на определенном этапе дискуссии был достигнут консенсус, в результате которого установлен факт: существует вещество в гипоталамусе, который высвобождает гормон тиротропин из гипофиза и его химическая структура – $\text{ругоGlu-His-Pro-NH}_2$.

Исследования Б. Латура и С. Вулгара показали, что социальная обусловленность знания очевидна не только при выдвижении научных гипотез, и, кроме того, сделали вывод, что социальная обусловленность знания присутствует в ходе научных рассуждений и до того, как ученые выдвигают те или иные основания для объяснения существующих фактов. Социологи проследили путь от извлечения TRH из существующей естественной среды, затем к производству оценки полученного вещества и преодолению сопротивления объекта (которое заключалось в отсутствии чистой пробы), за этим последовал процесс достижения консенсуса, в результате чего и был установлен научный факт, которому в итоге научное сообщество приписало статус объективного существования. Сам научный факт, по результатам этих социальных исследований, не только оказался социально обусловлен, но и является просто социальной конструкцией.

Таким образом, проблема социальной обусловленности знания, которая была поднята в рамках социальной эпистемологии, является преемницей учения об идеологии, возникшего в результате методологического анализа общественных наук. Механизмы социальной обусловленности знания, проявляющие себя в социальном познании в качестве идеологических предпосылок, обнаруживаются и в естествознании. В первую очередь это относится к абдуктивным выводам, где эти механизмы выступают в качестве принципов, ограничивающих выбор гипотез и теоретических схем. Однако исследования социальных конструктивистов указывают на то, что в современном естествознании присутствует социальная обусловленность не только в переходе от имеющихся фактов к гипотезе, но и на уровне существования самого научного факта, что позволяет говорить о сложности взаимосвязи социальных факторов и внутренней логики развития знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. – СПб., 1912. – Вып. 4. – С. 19.

² См.: Bell D. The end of ideology. – N.Y., 1960.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 25.

⁴ Мангейм К. Идеология и утопия. – М., 1993. – С. 221.

⁵ Там же. – С. 243.

⁶ См.: Успенский В. Лермонтов, Колмогоров: женская логика и политкорректность // Неприкосновенный запас. – 2000. – № 6 (14).

⁷ Там же.

⁸ См.: Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.

⁹ См.: Popper K. Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. – London, 1963.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. – Т. 34. – С. 133–138.

¹¹ Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 176–190.

¹² См.: Dawid R. High energy physics and constructive empiricism / PhilSci Archive – www.philsci-archive.pitt.edu/00002243 – 22 March 2005

¹³ Latour, B., Woolgar S. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. – Beverly Hills, 1979. – P. 243.

*Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск*

А.Л. СИМАНОВ

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЗИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В современной физике определились тенденции, которые позволяют нам говорить о том, что складывается новая физическая картина мира. Эти тенденции имеют некоторые параллели с предыдущими этапами развития физики и ее методологии и формированием соответствующих им физических картин мира. Одна из таких параллелей, в частности, заключается в существующих сейчас попытках интерпретировать будущую новую картину мира как законченное, единое и единственное физическое знание о мире и методах его получения, что имело место и ранее. Надо сказать, что для таких выводов имеют-

ся определенные резоны, связанные с интеграционными процессами в современной физике.

Ведущее направление в современных интеграционных процессах – попытки построения теории великого объединения, описывающей общим формализмом электромагнитные, гравитационные, сильные и слабые взаимодействия. Это направление базируется преимущественно на использовании аксиоматического либо гипотетико-дедуктивного метода. Исследование существующих в физике аксиоматик, проведенное ранее¹, показало, что именно аксиоматический подход дает максималь-

ное число возможностей в создании новых физических теорий, в том числе единых, с новыми формализмами на основе анализа общих физических и методологических принципов, упорядочивающих и обобщающих на первый взгляд различные физические понятия и теории. Для физики в любой аксиоматике всегда существует элемент искусственности, поскольку аксиомы выбираются так, чтобы соответствовать имеющемуся набору эмпирических и теоретических предпосылок, а также потому, что появляется необходимость вводить так называемые пустые термины, не имеющие онтологической нагрузки, но эпистемологически необходимые для составления аксиоматической системы в соответствии с правилами логики. В дальнейшем эти пустые термины либо получают онтологическую интерпретацию, либо, если таковой найти невозможно, исключаются из системы, их заменяют новые, более адекватные объекту физической теории. Это приводит к изменению исходных аксиом и, как следствие, к разработке новой теории или теоретической концепции, чаще всего альтернативной по отношению к предыдущей.

Аксиоматизированные таким образом физические теории соответствуют обычно тому общему взгляду на единство природы, который господствует в тот или иной период развития физики, а наиболее фундаментальные теории объявляются едиными теориями. На современном этапе развития физики аксиоматическая система требует такого построения физического знания, чтобы все его результаты выступали как строгие математические следствия единой системы аксиом. При этом сами аксиомы (наиболее фундаментальные) зачастую представляют собой систему философских, точнее, метафизических и натурфилософских принципов, конкретизированных применительно к физическому знанию. Тем самым эти принципы, определяя в известном смысле направление развития единой теории, входят в нее конструктивным образом.

Однако создание единой аксиоматики, охватывающей все физические теории как целое, видимо, невозможно из-за бесконечного разнообразия физических явлений, каждая группа которых требует для своего описания специфического математического аппарата. Но попытки создания общих аксиоматических систем в физике необходимо продолжать, так как они имеют большое эпистемологическое, методологическое и эвристическое значение, если представлять подобные системы не как нечто окончательное, а как определенный этап развития физического знания. Я считаю, что основным направлением развития аксиоматики в контексте построения единых теорий, направлением наиболее правильным и продуктивным, может быть создание аксиоматических систем, описывающих не структуру мира (она слишком разнообразна для успешного “стягивания” ее в единый формализм), а процессы, т.е. фактически создание аксиоматики суперсилы. Такая аксиоматика должна строиться не только на основе специфицированных принципов – помимо этого она должна базироваться на интерпретации ограниченного числа фундаментальных физических констант, связанных именно с физическими процессами.

В нашем случае следует особо отметить, что ввиду чрезвычайной сложности, а порой и невозможности (из-за больших энергетических и экономических затрат) эмпирической проверки вытекающих из системы аксиом новых физических следствий и гипотез они должны подвергаться прежде всего математическому и формально-логическому анализу, компьютерному исследованию и т.п. – на предмет выявления противоречий и расхождений. Онтологическая верификация гипотез объединительного плана осуществляется с помощью методологического анализа и анализа выполнимости общезначимых законов, закономерностей и принципов.

Все сказанное выше можно выделить как составляющие первой стороны проблемы единства физического знания, проблемы интегративных процессов в физике. Вторая ее сторона связана с выявлением и анализом новых общезначимых законов, закономерностей, принципов и понятий.

Как показывает исследование имеющихся сейчас новых физических теорий и гипотез, физический язык в этом контексте развивается в направлении все большего обобщения описаний физических явлений и процессов. Особенно характерно в этом отношении объединение космологии и физики высоких энергий, которое идет в русле мировоззрения целостности – холизма. Видимо, нельзя отделять квантовую реальность от структуры всей Вселенной, а состояние отдельной частицы имеет смысл лишь тогда, когда она рассматривается в рамках единого целого и ее поведение описывается законами, общими не только для всех частиц Вселенной, но и для Вселенной как целого. И здесь надо разрабатывать такой физический язык, который бы соответствовал в равной степени как частице, так и Вселенной. Следовательно, использование методологических возможностей философского знания в данном случае представляется необходимым. Необходим и сам анализ механизма и форм реализации методологической функции философии.

Ранее было установлено, что методологическая функция философии в физическом познании реализуется прежде всего в конструктивной и нормативно-регулятивной формах, так как физика с самого начала вынуждена использовать внетеоретические, философские положения именно в силу предельной общности понятий, лежащих в ее основании (пространство, время, движение, однородность и др.). Это, однако, не означает, что физические теории, независимо от степени их общности, включают эти понятия в свою структуру в их философском виде. “Вхождение” философских категорий, принципов и законов в концептуальный аппарат теории определяется спецификой предмета познания. Налагаясь “матрицей” на философские категории, принципы и законы, этот предмет “вычленяет” из их содержания то, что конструктивно входит в круг интересов теории, составляет основу ее содержательной структуры. Так, например, в космологии вычленяются физико-геометрические свойства пространства, принцип всеобщего и универсального взаимодействия применяется лишь к явлениям,

происходящим в пределах светового конуса, закон отрицания отрицания конкретизируется при изучении последовательных этапов генерации многообразия элементарных частиц с “помощью” скалярного поля и т. п.

В то же время философское содержание категорий, принципов и законов обуславливает их нормативно-регулятивную форму. В этой форме философские категории, принципы и законы входят в теорию через физическую картину мира, которая с их помощью определяет методологию конкретно-научного исследования. И чем детальнее конкретизация философских представлений, тем корректнее и совершеннее сама философия, тем корректнее конструктивная и нормативно-регулятивная формы реализации ее методологической функции. Эти рассуждения можно отнести и к прогностической форме реализации методологической функции философии. Весьма показательным в этом плане является использование принципа причинности, в частности в космологии – в контексте включения в ее исследования квантовой методики в рамках великого объединения. Так, не считаются удачными те представления, которые приводят к нарушению принципа причинности, даже если они и обладают математическим формализмом, имеющим удовлетворительные следствия для дальнейшего развития теории. Отсюда вытекает требование поиска соответствующих конкретно-теоретических представлений с формализмом, отвечающим принципу причинности, но в силу квантовых эффектов – неклассической интерпретации этого принципа.

Здесь следует отметить, что развитие философских представлений, уточнение, углубление содержания философских категорий, принципов и законов должны не просто и не только следовать за развитием естественно-научных теорий, но и опережать его. В противном случае философия будет выступать методологией научного познания “постфактум”, следуя за развитием науки на уровне обобщений конкретно-научных достижений. В современных условиях для философии этого явно недостаточно. Она должна не только обобщать, но в известных пределах и направлять развитие физического познания в частности и научного – в целом, предоставляя ему соответствующую развернутую методологическую базу. Это также позволит философии стать основой для успешного решения проблем интеграции физического знания, что определяет третью сторону развития интегративных процессов в физике.

Еще одна сторона интегративных процессов в физике связана с анализом структур и языка стандартных разделов физики и поиском общего для них. Традиционно физика делится на довольно самостоятельные разделы: классическую механику, оптику, электромагнетизм, термодинамику, статистическую физику, квантовую механику, атомную и ядерную физику и т.д. За этим в известной степени искусственным разделением не видно согласования разделов физики друг с другом. Так, например, второй закон термодинамики, традиционно связываемый с ограниченным классом явлений и процессов (тепловых), может рассматриваться как один из наиболее

общих законов, которые управляют всеми процессами в природе. Сейчас выясняется, что все вновь открываемые вещества и виды взаимодействий неизменно подчиняются этому закону.

Видимо, анализ всех физических законов и принципов с позиций возможной их общности для все более широкого класса явлений и процессов позволит выявить новые законы или дать более обобщенную формулировку законам классической и неклассической физики. Такой анализ целесообразно проводить на основе выделения роли и места в законах фундаментальных физических постоянных как своеобразных законов сохранения универсального плана. Видимо, количество этих фундаментальных постоянных необходимо пересмотреть, поскольку имеются возможности их переформулирования друг через друга или через постоянные, имеющие более глубокий смысл и физически более содержательные. Очевидно, это подтверждает известный тезис о всеобщей гармонии природы, базирующийся на представлении об ограниченном числе возможностей существования воспринимаемого нами мира, т.е. на принципе простоты.

Теперь, сформулировав общие положения, перейдем непосредственно к анализу поставленной проблемы. Как известно, развитие теории великого объединения, которая фактически составляет основу постнеклассической физики, носило и носит гипотетико-дедуктивный характер. Основная цель создания этой теории – унифицировать представления о силах взаимодействия между элементарными составляющими нашего мира. Первые попытки такой унификации были предприняты А.Эйнштейном, который стремился создать теорию, объединяющую электромагнитные и гравитационные силы на основе геометрического представления пространства-времени. Однако при построении своей теории Эйнштейн не учел множество не известных современной ему науке факторов, и прежде всего существование сильных и слабых ядерных взаимодействий. Поэтому его попытки оказались безуспешными в смысле создания единой теории поля, но весьма полезными с точки зрения методологии.

В дальнейшем была выдвинута гипотеза, послужившая основой для объединения представлений о слабом и электромагнитном взаимодействиях в теорию электрослабого взаимодействия. Суть этой гипотезы состояла в том, что если связь между двумя названными взаимодействиями существует, то слабые силы, как и электромагнитные, должны быть калибровочными². Следствием данной гипотезы, вытекающим из математических соображений, было предположение о необходимости существования триплета промежуточных частиц, из которых одна частица заряжена положительно, вторая – отрицательно, а третья нейтральна. Основу электрослабой фундаментальной силы в таком случае составляют указанный триплет и фотон, представляющие собой разные проявления этой силы. Однако потребовалось постулировать существование еще одной частицы, ответственной за нарушение симметрии между бозонным триплетом и фотоном. Таковую частицу назвали частицей Хиггса. Кроме

того, формализм теории привел к предсказанию существования нового кварка и его партнера.

Экспериментальное исследование взаимодействия нейтрино с протонами и нейтронами дало первое эмпирическое подтверждение истинности теории, имевшей до этого сугубо гипотетико-дедуктивный характер. В дальнейшем был получен еще ряд обнадеживающих результатов, предсказанных теорией электрослабого взаимодействия, источниками которого являются лептоны.

Следующим шагом к унификации сил стали попытки объединить электрослабое и сильное взаимодействия в единую электроядерную силу. Здесь основная идея также заключалась в использовании концепции калибровочной симметрии, связывающей интенсивность взаимодействия с зарядом. В случае сильного взаимодействия в качестве подобного заряда выступает так называемый цветовой заряд, которым обладают кварки и глюоны. Он является своеобразным аналогом электрического заряда. Но если электромагнитное поле создается зарядом только одного вида, то глюонное поле требует для своего создания три различных цветовых заряда – красный, синий и зеленый. Источником же сильного взаимодействия являются кварки.

Требование локальной калибровочной симметрии – инвариантности относительно изменений цвета в каждой точке пространства – привело к необходимости введения представления о компенсирующих силовых полях. Математический формализм позволяет на этой основе вывести гипотезу о существовании восьми таких полей, переносчиками которых являются глюоны. Значит, должно быть восемь различных типов глюонов. Тем самым сильное взаимодействие значительно отличается от электромагнитного, переносчиком которого является фотон, и слабого, имеющего трех переносчиков. Другое отличие заключается в усилении сильного взаимодействия при увеличении расстояния между кварками, тогда как остальные взаимодействия при увеличении расстояния между частицами ослабевают. Развитие квантовой хромодинамики позволило понять физику данного явления. Эксперименты же косвенно, а в ряде случаев и непосредственно подтверждают истинность теоретических построений квантовой хромодинамики, имеющей гипотетико-дедуктивный характер. Таким образом, можно считать, что и в случае сильного взаимодействия, так же как и в случае электромагнитного и слабого, мы имеем описание его на основе калибровочных полей. Такая общность исходных методов построения теорий позволила начать поиски объединения этих трех взаимодействий в единое взаимодействие. Поиски привели к появлению нескольких конкурирующих теорий великого объединения, основанных на одной и той же идее – идее единой симметрии. Это еще раз подтверждает большую эвристическую значимость методологического принципа симметрии.

Существенно общим моментом всех теорий великого объединения является то, что кварки и лептоны включаются в единую теоретическую схему³. Кроме того, использование калибровочной симметрии снова и только

с теоретических позиций требует увеличения числа компенсирующих полей, обладающих свойством превращать кварки в лептоны, и соответствующего им числа частиц, также включаемых в эту теоретическую схему.

Само же разнообразие теорий великого объединения определяется разными возможными математическими подходами, осуществляемыми на основе общей, единой идеи. Они дают различные следствия, эмпирическая проверка которых позволила бы выбрать наиболее адекватную теорию. Однако прямые эксперименты невозможны, во всяком случае в обозримом будущем, так как они требуют неимоверно огромной энергии: предполагаемая энергия унификации электрослабого и сильного взаимодействий должна быть, по некоторым теоретическим расчетам, не менее 10^{15} ГэВ. Такие значения величин энергии находятся далеко за пределами нынешних наших возможностей проверить их. Существуют более реальные, но в известном смысле и более косвенные возможности проверки. Речь идет о том, что в ряде теорий великого объединения предполагается нестабильность протона, но время его жизни оценивается по-разному. Если бы удалось (или не удалось) экспериментально обнаружить явление распада протона и определить время его жизни, то можно было бы выбрать предпочтительную теорию. Кроме того, обнаружение магнитного монополя и определение его характеристик также способствовали бы решению проблемы выбора теории великого объединения. Но достичь этих результатов, во всяком случае с достаточной достоверностью, пока не удалось.

Итак, теоретически, на гипотетико-дедуктивной основе были объединены три вида фундаментальных взаимодействий (электромагнитное, слабое и сильное) в единую теоретическую схему, имеющую несколько вариантов. Были получены и определенные эмпирические результаты, подтверждающие, по меньшей мере косвенно и по отдельным позициям, истинность пути создания объединенной теории. Остается построить суперединую теоретическую схему, включающую в себя еще и четвертое фундаментальное взаимодействие – гравитационное, и тогда объединение всех известных нам фундаментальных взаимодействий в единую теорию будет завершено. Но эта последняя задача оказалась самой сложной. И основная сложность заключается в необходимости унификации вещества и сил, т.е. фермионов и бозонов. Кроме того, если первые три взаимодействия можно представить в виде силовых полей в пространстве и времени, то гравитация сама есть пространство и время, как утверждает общая теория относительности. Это обстоятельство создает весьма серьезные трудности при любых попытках квантования гравитационного поля.

Формализм нового типа симметрии – суперсимметрии, соединяющей бозоны и фермионы в единый мультиплет, позволяет в известной степени обойти указанные трудности. Введение калибровочной инвариантности позволило, в свою очередь, представить гравитацию как калибровочную силу, соответствующую такой суперсимметрии. Созданная на этой основе теория гравитации, на

званная супергравитацией, возможно, даст базу для суперобъединения. Супергравитация отличается от обычной гравитации тем, что в качестве переносчиков взаимодействия выступает суперсимметричное семейство частиц, а не одна частица – гравитон.

Фактически суперсимметрия есть расширение пространственно-временных симметрий. Действительно, обычное пространство в теории относительности обладает симметрией относительно группы Лоренца – Пуанкаре. Но математически можно построить такие симметрии, для которых эта группа является лишь подгруппой множества пространственно-временных симметрий. Отсюда следует вывод о необходимости расширения представлений о пространстве до некоторого суперпространства. И здесь возможны различные варианты построения таких суперсимметрий. Одной из наиболее распространенных сейчас является суперсимметрия, которой соответствует пространство с восемью измерениями. Именно эта теория содержит единый формализм, описывающий и переносчики всех фундаментальных сил, и вещество, т.е. и бозоны, и фермионы как единый мультиплет возможных физических состояний, значительно расширяя их число по сравнению с теорией электрослабого взаимодействия и теориями великого объединения. Иными словами, эта теория предполагает, что должны существовать один гравитон со спином 2; восемь гравитонов со спинами 3/2; 28 частиц со спинами 1; 56 частиц со спинами 1/2 и 70 частиц со спинами 0. Но оказалось, что в число всех этих частиц не входят уже известные нам бозоны – переносчики электрослабого взаимодействия и все кварки и лептоны.

Для решения этой проблемы пришлось воспользоваться предположением о существовании еще более элементарных форм материи, чем известные нам элементарные частицы, – преонов, каждый из которых несет по одному из известных нам фундаментальных зарядов: трех цветовых, двух по аромату и трех, соответствующих различным семействам⁴. Такой ситуации отвечает супергравитация уже в одиннадцати измерениях, которая эквивалентна четырехмерной расширенной супергравитации, содержащей расширенную внутреннюю симметрию для восьми электроядерных зарядов. На этом пути получены весьма обнадеживающие теоретические результаты, но эмпирическая проверка их невозможна, так как унификация такого рода может осуществляться при планковской энергии – энергии порядка 10^{19} ГэВ, а это уже масштабы космологической энергии.

Таким образом, мы переходим с уровня элементарных частиц на уровень Вселенной. И единственный возможный сейчас метод проверки теорий великого суперобъединения – использование наблюдательных данных из области космологии. Именно на ранних стадиях развития Вселенной (около 10–15 млрд. лет назад) взаимодействия происходили с такими же огромными величинами энергий. Результатом этих взаимодействий является современный вид Вселенной. И экстраполяция современных наблюдательных космологических данных в далекое

прошлое, позволяя восстановить это прошлое, одновременно дает возможность проверять истинность теорий великого объединения. Иными словами, любая современная теория или гипотеза из области физики высоких энергий должна (и вынуждена) проходить “космологическую проверку”, позволяющую отбрасывать те представления, которые не выдерживают такого испытания. Но здесь возникает важная методологическая проблема, которую можно сформулировать в виде вопроса: а не проверяем ли мы одно неизвестное через другое неизвестное?

Дело в том, что в данном случае основным источником наблюдательных космологических данных являются исследования электромагнитного фонового излучения, имеющего космологическую природу, а также структуры Вселенной в больших масштабах (~1 Мпк). Но экстраполяция в прошлое Вселенной, проводимая на основе этих данных, вынужденно базируется на теоретических и экспериментальных результатах физики высоких энергий, так как ранняя Вселенная представляла собой горячую плазму, состоящую из частиц и античастиц. Сверхраннее же состояние Вселенной можно описать только с помощью великого суперобъединения. Таким образом, решение указанной методологической, теоретической и эмпирической проблемы возможно лишь на пути создания такой теории, которая описывает не только микромир в целом (теория великого суперобъединения) или мегамир (Вселенную) в целом (космология), но и то и другое вместе, т.е. фактически на пути создания новой фундаментальной науки⁵. В этом случае теория великого суперобъединения, как и космология *современного* состояния Вселенной, является частью новой, более общей теоретической конструкции, предлагающей нам единую картину единого физического мира.

Разработка такой единой физической теории ставит перед исследователями ряд сложных методологических проблем. И одной из наиболее существенных является проблема соотношения этой теории с реальностью. Речь идет о том, что возникает соблазн (и в известной степени небезосновательный на данном этапе развития научного познания) считать эту теорию последней физической теорией, которая представляет собой синтез теорий, выявляющий все фундаментальные взаимодействия, и космологии современного состояния Вселенной, описывающей все происходящие сейчас астрономические и астрофизические процессы. Предполагается, что этот синтез позволит описать прошлое, настоящее и будущее мира в целом. И тем самым мы будем знать все о нашем мире (лапласовский идеал познания). А такая физическая теория будет совпадать с физической реальностью. Если бы это случилось, мы приобрели бы абсолютную власть над природой – смогли бы по своему желанию создавать или превращать частицы, менять структуру пространства и времени, создавать новые миры.

Предполагается, что для построения этой теории достаточно разработать подход к описанию космологических явлений с помощью квантования Вселенной как целого (квантовой космологии), проанализировать в рам-

ках современной квантовой теории (теорий супергравитации, Калуцы – Клейна, суперструн и др.) представления о локальной структуре пространства-времени и глобальной структуре Вселенной, решить еще ряд проблем более частного порядка⁶. Но достаточно ли этого на самом деле? На мой взгляд, здесь уместно вернуться к исторической аналогии, связанной с развитием классической физики. Тогда также казалось, что классическая физика, и прежде всего классическая механика, решив ряд оставшихся на первый взгляд мелких проблем, даст нам окончательное знание о мире. Однако в процессе анализа этих “мелких” проблем в дальнейшем появились теории относительности и квантовая механика, которые полностью разрушили классическую картину мира. Уроки истории физики должны все-таки научить нас крайне скептически относиться к мыслям о возможности получения окончательного и полного знания о физическом мире.

В классической физике проблема соотношения теории и реальности решалась просто и очевидно: если результаты, полученные из теоретических представлений, совпадают с экспериментальными данными, то теория истинна и соответствует реальности. Содержание понятий теории в этом случае считалось однозначно отражающим сущность реальных явлений, процессов и тел и независимым от наших ощущений (если исследователь придерживался материалистических воззрений). Выстраивалась довольно простая (с точки зрения современного исследователя) иерархия материальных объектов, составляющих содержание объективной реальности, объективного мира: атомы и их движения и взаимодействия; молекулы как совокупность атомов, также обладающих своими специфическими состояниями; более крупные материальные образования – тела, состоящие из атомов и молекул, и так далее вплоть до человека и общества, а их, как считали некоторые ученые XVIII–XIX вв., можно также описать в принципе механическими законами.

Однако гегелевская идея развития по диалектической спирали воистину гениальная и всеобщая! И в нашем случае всякое разрушение (отрицание) программы достижения окончательного знания снова и снова приводит к ее возрождению на качественно новом уровне, на новом витке спирали. На начальном этапе развития неклассической физики, в первой четверти XX в., произошло разрушение лапласовского идеала, но в последней четверти столетия он снова возрождается в максимально мыслимом объеме и одновременно значительно усложняется.

Первые признаки возрождения тенденции построения единого знания о реальности (строго говоря, окончательно она никогда не забывалась, держалась, так сказать, “в уме”) появились в период расцвета “классической” физики элементарных частиц. В 1964 г. В.Вайскопф заявил: “Нам хотелось бы объяснить все известные явления единым образом, и с этой точки зрения все науки в конечном счете представляют собой разделы физики”⁷. Одной из попыток создания такой теории была разработка В. Гейзенбергом единой полевой теории элементарных частиц.

Фактически Гейзенберг предложил все физические законы сформулировать с помощью одного уравнения. Отвечая критикам, он утверждал, что “требование универсальности обусловлено не претенциозностью программы – оно с необходимостью следует из того, что элементарные частицы являются мельчайшими элементами материи... Единая теория поля должна служить рамками для всех физических явлений”⁸. Но в то же время “следует подчеркнуть, что фундаментальное уравнение не определяет законы во всех других областях физики полностью. Например, пока не добавлено специфическое предположение об асимметрии основного состояния, т.е. о космологической модели мира, электромагнитные законы из уравнения не следуют. Аналогично радиоактивность и гравитация, вероятно, связаны со структурой мира на больших расстояниях. В какой-то мере граничные условия, касающиеся основного состояния, являются довольно гибкими, и их нужно привести в соответствие со свойствами реального мира; *эта процедура отнюдь не тривиальна* (выделено мною.– А.С.)”⁹. Но ее нетривиальность не означает невозможности, так что, преодолев соответствующие трудности, мы, как можно заключить из слов Гейзенберга, имеем шанс создать единую теорию мира (в данном случае опирающуюся на единую полевую теорию элементарных частиц).

Такая программа имеет под собой эпистемологические основания. Действительно, развитие физики представляет собой последовательное объединение известных теорий фундаментальных взаимодействий (как уже указывалось, таких взаимодействий сейчас известно всего четыре) в теории все большей степени общности. В 50-е годы XIX в. Дж.Максвелл разработал теорию электромагнетизма, описав как целое электричество и магнетизм. Далее открытие слабого взаимодействия привело к созданию в 1967 г. А.Саламом и С.Вайнбергом теории электрослабого взаимодействия, описывающей единым формализмом электромагнитное и слабое взаимодействия. Теория получила надежное подтверждение в 1983 г. благодаря открытию *W*- и *Z*-частиц.

Как я уже упоминал, существует несколько вариантов теорий великого объединения, включающих описание сильного взаимодействия. Эмпирических данных, позволяющих сделать окончательный выбор, пока нет, но сейчас быстро растет число теоретических предпосылок для сверхобъединения всех фундаментальных взаимодействий (включая гравитацию) в единую суперсилу, что позволит, по мнению некоторых исследователей, создать единую фундаментальную физическую теорию, описывающую физическую реальность. Уверенность в благополучном исходе исследований настолько велика, что С.Хокинг видит в этой теории кульминацию теоретической физики: такая теория и есть сама реальность. Более осторожный П.Девис утверждает, что “подобно многим заманчивым образам единая теория может оказаться миражом, но впервые за всю историю науки у нас складывается представление о том, как будет выглядеть законченная научная теория всего сущего”¹⁰. Фактически мы

имеем сложившуюся сейчас и завоевывающую все большее влияние методологическую установку на создание конечной теории физического мира, пусть даже и не имеющей возможности быть проверенной эмпирически в ближайшем будущем, но тем не менее истинной. Можно ли согласиться с такой установкой парадигмального характера? Я считаю, что делать это нельзя ни в коем случае.

Отрицательное отношение к такого рода установкам определяется следующим. Прежде всего, ограничение числа фундаментальных взаимодействий четырьмя ничем не обосновано. Тахионная гипотеза и возможный выход теоретических представлений о мире за пределы такой постоянной, как скорость света, вводимой, строго говоря, аксиоматическим образом, приводят к предположению о возможности существования других видов фундаментальных взаимодействий. Данная проблема обостряется и в связи с нерешенностью проблемы количества пространственно-временных измерений.

Действительно, проблема постоянства скорости света, которая в известной степени сейчас выпала из поля зрения исследователей, тем не менее остается в принципе нерешенной: окончательно не доказано, что существует независимость скорости света от направления его распространения; не выяснены вопросы, какова причина именно такого значения величины скорости света, каков механизм ее постоянства, если она постоянна, и т.д. Любой ответ на эти вопросы может принципиально изменить существующие сейчас физические подходы. Что касается числа пространственных измерений (речь идет о реальном пространстве), то решение этой проблемы может еще более кардинально изменить физическую картину мира.

Есть много фактов, которые на первый взгляд подтверждают трехмерность пространства: известно, что орбиты планет устойчивы в пространстве с числом измерений, не превышающем трех, атомы устойчивы также только в четырехмерном пространстве-времени и т.д. Но существуют силы, которые не описываются обратной пропорциональностью квадрату расстояния, как гравитационные и кулоновские, и предполагают существование пространств с большим числом измерений. Для создания же непротиворечивой теории, объединяющей описание мега- и микромира, необходимо, чтобы в масштабах 10^{-33} см размерность пространства-времени составляла $N = 10 + 1$. Если масштабы значительно большие, то мы наблюдаем пространство-время с $N = 3 + 1$, а остальные измерения скомпактифицированы (свернуты) в 7-сферы. Свернуть многомерные пространства можно различными способами, и чем больше число измерений, тем больше вариантов свертывания, тем больше набор возможных топологий. Но вместе с тем возможны и достаточно непротиворечивые варианты физики мира, в котором реализуется пространство-время с $N = 9 + 1$. Эта возможность связана с моделью Вселенной, составленной из мини-вселенных, а также с развивающейся сейчас физикой суперструн. Таким образом, ответ на вопрос о количестве измерений пространства остается открытым.

Наконец, в анализе проблемы соотношения теории великого объединения как максимально мыслимой теории и реальности следует выделить еще один аспект, имеющий методологическое значение. Речь идет о роли наблюдателя в контексте представления наблюдателя как познающего субъекта. В более узкой части этой проблемы речь может идти о триаде человек – прибор – объект наблюдения. Как выяснилось еще в квантовой механике, мы фактически наблюдаем не сам реальный объект, а результат его взаимодействия с прибором. В таком случае можно сформулировать проблему в более общем плане: а не сказывается ли присутствие *активного* познающего субъекта на состоянии всей Вселенной? Тем более, что состояние Вселенной (по меньшей мере такого ее фрагмента, как Солнечная система) сказывается на человеке и его самочувствии, а это предполагает наличие обратной связи. Таким образом, создаваемая исследователем теория, видимо, относится не к чистой онтологии, а к ее преломлению через призму человеческой сущности.

Следовательно, необходимо предположить, что в нашем случае мы также будем иметь теорию, не совпадающую однозначным образом с онтологией. Все это позволяет сделать вывод о необходимости поиска законов более фундаментального порядка, так сказать, законов второго уровня, которые определяют и известные сейчас фундаментальные взаимодействия, и законы этих взаимодействий, т.е. речь идет о выходе на другой уровень познания. На этом уровне познания можно будет выявить причины существования именно четырех фундаментальных взаимодействий, суперсилы, их объединяющей, значение и смысл фундаментальных констант. Но здесь нам нужна принципиально иная методология, черты которой в самом общем, прикидочном виде уже намечаются.

Другой важной проблемой в постнеклассической физике, связанной с ее методологическим обоснованием, является проблема целостности. Ранее я уже отмечал, что великое объединение описывает единой теорией локальное взаимодействие, космология – глобальное, а теория великого объединения ставит своей целью установить связь между локальным и глобальным в системе взаимодействий. Разрешение парадокса Эйнштейна – Подольского – Розена в пользу признания нелокальности квантовых состояний позволяет использовать методологию холизма, требующую понимать свойство отдельной физической системы через понимание всего мира. Иными словами, состояние отдельной частицы имеет смысл только в контексте состояния Вселенной. В этом отношении представления о разделении материи “первоатома” в процессе Большого взрыва, родившего нашу Вселенную, на различного рода частицы и поля выглядят, несмотря на свою убедительность и известную эмпирическую обоснованность, несколько искусственными, а более соответствующими объективной реальности являются представления о Вселенной и микромире как целом, содержащем части, которые сами представляют собой это целое. Единая теория в таком случае должна представлять свой объект исследования не как глобальную со-

вокупность физических объектов и взаимодействий между ними, составляющих Вселенную, а как дискретно-непрерывное целое.

Подобное представление объекта исследования создает значительные трудности как логического, так и психологического плана. Чисто психологически для человека характерно стремление распространять, экстраполировать на весь мир законы, выведенные из анализа непосредственно (либо опосредованно – через приборы) воспринимаемого им мира. Мышление человека предметно в смысле вещи и поэтому дискретно, так как дискретны сами вещи. Логика и математика раскрывают связи между вещами, поэтому они также дискретны, построены по принципам “да – нет”, “ $1+1 = 2$ ”. Здесь фактически нет места непрерывному целому. Возможный выход из данной познавательной ситуации может лежать в утверждении процессуальности мира, в построении картины мира как процесса. Тогда, например, можно попытаться построить “непрерывную” логику по аналогии со сложением токов: сложение одного тока с другим (не по количеству, а по процессу) дает не два тока, а один ($1 + 1 = 1$). Это будет логика развивающихся объектов, а в математике мерность пространства решений не обязательно будет целочисленной. Видимо, придется пересмотреть и идею дискретности квантовых переходов, и идею непрерывности пространства с целочисленными значениями измерений.

Одним из следствий подобных представлений может быть изменение интерпретации причинности. Временное следование причина – следствие теряет свой смысл. Причина и следствие рожают друг друга, как рожают друг друга мать и дитя. Тогда, возможно, существует непричинный порядок, определяющий Вселенную как целое и одновременно определяемый ею. В данном случае мы видим непосредственное проявление законов сохранения состояний в их глобальном выражении. На первый взгляд это парадоксально, но уже сейчас в современной физике складываются подобные представления. В качестве примера можно привести проблему временной асимметрии в космологии.

Исследование этой проблемы – одна из задач постнеклассической физики. Традиционное ее решение уже сейчас не выглядит в полной мере удовлетворительным. Дело в том, что исходные принципы решения данной проблемы в пользу временной последовательности из прошлого через настоящее в будущее опираются на постулаты специальной теории относительности. Последние, в свою очередь, связаны с описанием электромагнитных взаимодействий, которые хотя и представляют собой широкий класс физических взаимодействий, не универсальны в полном смысле этого слова. Кроме того, выше уже отмечалась недостаточная обоснованность самих постулатов. Это касается прежде всего постулата предельности скорости света. Здесь можно возразить, что если обоснованы и эмпирически подтверждены следствия, то обоснованы и сами постулаты. Но это, на мой взгляд, не так: обоснование истинности постулата можно считать

удовлетворительным, если мы знаем физический механизм, лежащий в его основе и являющийся следствием других процессов, описываемых теорией более высокого уровня, чем та теория, в основе которой лежит данный постулат. Короче говоря, постулат можно считать доказанным, если он является следствием теории с большим полем действия¹¹. Следовательно, нельзя утверждать, что классическая специальная, да и общая теория относительности, доказывает необратимость времени, а тем самым и космологическую временную асимметричность. Скорее всего наблюдаемая нами асимметричность является частью какой-то более высокой симметрии, что соответствует методологическому принципу симметрии.

Современные неклассические теории гравитации допускают локальную обратимость времени. В качестве примера можно привести гипотезу о возможности существования нешварцшильдовских топологических ручек, где возникает проблема глобальной причинности. Дело в том, что свет может попадать по ручке в удаленные друг от друга области пространства за сроки, с точки зрения пространства ручки несовместимые с фундаментальной скоростью распространения в нем сигналов. На основе этой идеи высказывается предположение о возможности создания “машины времени” (К.Торн, И.Д.Новиков и др.), позволяющей “путешествовать” в прошлое.

Кроме того, сценарий раздувающейся Вселенной допускает существование сильных флуктуаций метрики пространства Вселенной. Флуктуации, в свою очередь, приводят к разбиению Вселенной на большие области, находящиеся в различных состояниях. Свойства пространства-времени в этих областях будут различными. Таким образом, глобальная геометрия Вселенной отличается от геометрии фридмановских вселенных, представляющих собой мини-вселенные с разными свойствами, а законы в них могут быть взаимоисключающими. Топологические ручки могут связывать эти вселенные друг с другом, что “снимает” в определенной степени остроту проблемы глобальной причинности, сводя ее к относительно локальным представлениям о причинности. И здесь возможны, видимо, случаи локального обращения времени, связанные с обращением временного порядка событий, происходящих в некоторых системах отсчета. Но отсюда возникает идея существования неких “избранных” систем отсчета (по отношению к каким-либо событиям). Нарушается принцип относительности Эйнштейна.

Введение представлений о тахионах может “снять” это нарушение и восстановить временной порядок, а тем самым объяснить временную космологическую асимметрию. Однако такой подход требует расширения принципа причинности: от обоснования данного принципа на уровне электромагнитных взаимодействий придется перейти к его обоснованию на уровне более широкого класса взаимодействий. Такая проблемная ситуация практически еще не обсуждалась, и, как мне кажется, здесь существует определенная возможность выхода на теорию более высокого уровня, чем какие-либо существующие сейчас. Но это предполагает в рамках существующих

представлений вариантов супер-суперобъединения, включающих не только известные фундаментальные взаимодействия, но и гипотетические взаимодействия, связанные с тахионами. Природа подсказывает нам великое множество вариантов объяснения и описания мира, и нельзя априори отбрасывать те из них, которые нам не нравятся по тем или иным причинам. Толерантность и плюрализм как методологические принципы здесь суть обязательные условия достижения нашей общей цели – познания мира.

Таким образом, можно видеть, что методологическое обоснование единой теории как основы постнеклассической физики лишь на первый взгляд выглядит простым и тривиальным, достаточно только признать принцип всеобщей универсальной взаимосвязи. Однако ситуация здесь гораздо сложнее. Если мы будем конкретизировать этот принцип, с одной стороны, и пойдем дальше конкретных методологических требований гипотетико-дедуктивного подхода, ставшего классическим в современной физике, – с другой, то выйдем на новые методологические представления. Причем они предполагают не только коренное преобразование мировоззрения, логики и психологии исследователя, но и уточнение предмета и объекта самой физики, направленности ее развития. Перед нами вырисовывается и новая конкретно-научная программа, и новая методологическая парадигма.

Новая парадигма предполагает, на мой взгляд, создание физики как науки не о предметах, а о процессах. Начавшись с описания фундаментальных структур микро- и мегамира, их взаимосвязи, она должна перейти к изучению процессов, формирующих эти структуры и взаимосвязи. И здесь необходимо учесть и заново проанализировать роль и содержание фундаментальных физических констант, особенно с точки зрения их взаимосвязи: возможно ли такое сочетание констант, при котором значения каждой из них отличаются от общепризнанных, но структура мира остается такой, какой мы ее наблюдаем? Дело в том, что есть известные основания сомневаться в постоянстве ряда констант, в частности постоянной тяготения. Именно процессуальный подход позволит, по первым прикидкам, построить теорию, в которой роль этих констант меняется с ведущей на вспомогательную, поскольку такой подход предполагает выделение глубинных процессов, определяющих константы. В рамках же классической физики считается, что константы сами определяют процессы: процессы таковы потому, что таковы константы.

Другое фундаментальное методологическое требование связано с разработкой подходов к описанию космологических явлений с помощью квантования Вселенной как целого (холистический подход). Одновременно с этим необходимо будет решить проблему мерности пространства, структуры пространства-времени на всех уровнях – микро-, макро- и мегауровне. Но, повторю, здесь необходимо будет кардинально изменить нашу логику.

Следует сказать еще несколько слов об эмпирическом обосновании формирующейся постнеклассической

физики. Неоднократно отмечалось, что непосредственная экспериментальная проверка современных фундаментальных физических концепций представляется на данном этапе развития науки невозможной из-за ограниченных энергетических ресурсов человечества. Поэтому основное внимание необходимо уделять разработке косвенных эмпирических методов. К ним можно отнести астрономические наблюдения и поиск редких процессов (таких, как распад протона), новых, предлагаемых теорией частиц (на основе анализа результатов взаимодействия космических лучей с земными материалами) и т. п. Видимо, математическое моделирование в такой ситуации будет одним из основных методов исследований, поскольку оно позволит проводить вычислительные эксперименты, осуществлять репрезентативную обработку результатов косвенных исследований. В какой-то мере это даст нам возможность выбирать концепции, в большей степени удовлетворяющие критериям истинности.

К эмпирическим исследованиям, которые в известной степени могут дать эмпирическое обоснование, можно отнести поиски гравитационных волн, а также анализ возможных флуктуаций реликтового *гравитационного* излучения. Здесь следует вообще расширить объемы исследований, так как они пока весьма незначительны, экспериментальные исследования ведутся эпизодически, благодаря лишь энтузиазму отдельных исследователей.

Конечно, возможно, что в ближайшем будущем мы не получим результатов, имеющих практическое значение, ибо большей мыслимой сейчас фундаментальностью, чем формирующаяся единая теория, не обладает ни одна другая. Но только она сможет дать нам такое видение мира, которого никогда не было за всю историю человечества и которое в какой-то степени скрыто в мифологических воззрениях древних. Следствием развития новой физики может быть, на мой взгляд, новый человек. Остановлюсь в заключение на этом лирическом тезисе, так как он требует некоторых разъяснений.

Под гуманизацией науки я понимаю не возрастание роли некоего человеческого фактора и не субъективизацию науки, а гармоничное и органичное включение представлений о человеке (при этом надо “иметь в уме”, что речь идет о конкретных людях) как необходимым элементом мира во все научные представления и системы.

Весомый вклад в формирование нового человека может внести именно единая теория известного нам мира. В таком случае этот новый человек предстает как человек, познавший мир и свое место в нем, понявший не только умом, но и сердцем, душой как свою зависимость от мира, так и зависимость мира от человека, не только от человечества в целом, но от каждого отдельного человека. Но в то же время такой человек будет знать и понимать, что он познал мир только как нечто особое, целое и целостное, окружающее его и включающее в себя, но не как нечто особенное, общее, может быть даже всеобщее, познание которого – возможно, бесконечный путь развития и человека, и мира.

Необходимо, видимо, постоянно иметь в виду: процесс познания, начавшись с интуитивного восприятия мира как взаимосвязанного целого и общего (мифология), идет далее через выяснение частного, описываемого системой наук, научного знания, через построение представлений о мире как особом к асимптотическому приближению к миру как всеобщему (общему). На этом пути место и роль человека видятся по-разному. На уровне мифологии весь мир сравним с человеком, а человек – с миром. Человек здесь – не просто мера всех вещей, но и сам – вещь и, как любая вещь, не только представляет собой часть Космоса, но и сам есть Космос. В дальнейшем произошел отрыв человека от Космоса, противопоставление их друг другу, резкая индивидуализация человека, которая привела к отрыву также и человека от человека. Сейчас же мы снова, возможно, возвращаемся к осознанию космической миссии человека, его взаимозависимости с Космосом, целостности человека и человечества, человека, человечества и Космоса. Идеи такого рода существуют в философских учениях всех времен и народов, получая лишь разное конкретное выражение, но сохраняя общее единое начало.

Общей чертой всех идей, связанных с обоснованием предполагаемой космической сущности человека и человечества, является представление об эволюции человека и человечества от индивидуализма к коллективизму, от индивидуального сознания к общечеловеческому коллективному сознанию. На ранних стадиях эволюции человечества господствовало сознание, которое я предлагаю называть коллективно-индивидуальным в том смысле, что у относительно изолированных общностей людей (род, племя) преобладало коллективное сознание, характерное только для данной общности, а сознание индивидуума – члена этой общности не выделялось в полной мере и однозначно. В свою очередь, это коллективное сознание по отношению к сознанию других общностей выступало как индивидуальное, ибо каждый его носитель, не выделяя себя из ментально-синкретического сообщества, выражал такое сознание вполне репрезентативно.

В процессе эволюции человечества, которая на определенном этапе стала эволюцией прежде всего техники, происходила индивидуализация сознания. Сейчас это направление развития достигло своего апогея, и перед нами стоит дилемма: либо продолжить эволюцию в сторону усиления индивидуальных возможностей человека, а тем самым и его индивидуализма, что, на мой взгляд, является тупиком, ибо всякий индивидуализм – это прежде всего накопление противоречий между людьми и между человеком и природой, даже если такие противоречия и снимаются в какой-то степени юридическими законами, регулирующими социальные и социально-экономические отношения, либо эволюционировать в направлении сотрудничества и – при сохранении индивидуальности личности – развития коллективизма и коллек-

тивного сознания. В этом последнем варианте эволюции мне видится не только разрешение проблем, стоящих перед человечеством, но и открытие новых перспектив действительно прогрессивного его развития. Эти два варианта эволюции человечества определяют, как частный случай, и варианты развития философии и методологии науки.

Действительно, развитие методологии определяется не только развитием науки, но и возможностями человека как биосоциального элемента мира. В этом смысле методология всегда субъективирована. Именно эта субъективированность и позволяет ей развиваться дуедино – подчиняясь онтологии и гносеологии одновременно. И что будет преобладать, зависит от направления эволюции человечества. Отсутствие поддержки интегративных процессов в науке, ее гуманизации, связанной с развитием не только прикладных, но и фундаментальных исследований, праксеологическая направленность развития науки, диктуемая индивидуализмом, стремлением к удовлетворению постоянно растущей потребности в материальных благах, не вызванных и не вызываемых удовлетворением насущных потребностей, приведут в конечном счете к истощению природы нашей планеты и природы самого человека, ибо такое направление развития науки связано с тем, что, так сказать, лежит на поверхности, а не с углублением в сущности. К сожалению, такая направленность развития науки сейчас является господствующей. Мы постоянно и постепенно осознаем ее пагубность, но не будет ли слишком поздно? Другое направление научного прогресса, требующее переориентации вложений в науку, изменения системы ценностей и не приносящее явно и непосредственно материальных благ, на мой взгляд, для цивилизации стратегически более перспективно. Но оно предполагает и известное ограничение роста потребления: наше общество должно перестать быть обществом потребителей и стать обществом духовного гуманитарного развития, обеспечивающего реализацию всех потенциалов, заложенных в человеке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Симапов А. Л. Методологическая функция философии и научная теория. – Новосибирск, 1986.

² См.: Салам А. // Фундаментальная структура материи. – М., 1984. – С. 178.

³ См.: Девис П. Суперсила: Поиски единой теории природы. – М., 1989. – С. 142–143.

⁴ См.: Салам А. // Фундаментальная структура... – С. 198, 200–201.

⁵ См.: Вестн. АН СССР. – 1989. – № 4. – С. М–50.

⁶ Там же. – С. 47.

⁷ Вайскопф В. // УФН. – 1968. – Т. 95, вып. 2. – С. 513.

⁸ Гейзенберг В. Введение в единую полевую теорию элементарных частиц. – М., 1968. – С. 188.

⁹ Там же.

¹⁰ Девис П. Суперсила... – С. 161.

¹¹ В известном смысле это утверждение аналогично теореме Геделя о неполноте теории.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

М.Н. ВОЛЬФ

О ТРЕХ БАЗОВЫХ АНТИТЕЗАХ ОНТОЛОГИИ ГЕРАКЛИТА*

Досократики, начиная познание вещей, на наш взгляд, должны были прежде всего определиться с тем, на что конкретно будет направлено познание и ввести иерархию познаваемых вещей. Исходя из познаваемости начала и благодаря ему познание сущего видится (во всяком случае, на первых этапах развития философии) вполне осуществимым, но эта простота кажущаяся, поскольку по мере становления ранних досократических философских концепций завершается формулировка проблемы начала и наступает осознание сложности ее структуры.

То, что множественность неприемлема в качестве основания для познания вещей и мира в целом, видно уже в изречениях Фалеса. Он был первым, кто согласно традиции заговорил о начале. Он же первый характеризует начало различными способами. Помимо воды в качестве материального начала («того, из чего все») у Фалеса, очевидно, было представление о еще одном начале (либо его атрибуте), функцию которого определить трудно, ясно только, что оно недостаточно отделено от божественного и это то, благодаря чему все происходит. Анаксимандр, вслед за Фалесом, задается вопросом: «Из чего все?». Милетцы нигде не говорят о вещах как таковых, не определяют их статус как сущего, более того, *вещи* и *явное* не различимы как *сущее*. Исходный тезис милетской школы мы могли бы сформулировать следующим образом: «Чтобы понять, каковы вещи, нужно исходить из характеристик порождающей их субстанции». Эта позиция представляется в некоторой степени неизжитым генетизмом, когда характеристики порожденного в той или иной мере соответствуют характеристикам порождающего. Тем самым видно, что сущее и его начало противопоставляются как по статусу, так и по своим характеристикам. Само начало не есть сущее, а является чем-то совершенно иным по отношению к нему. В философии Анаксимандра в добавление к схеме рассмотрения начала у Фалеса – «то, благодаря чему» и «то, из чего все» – мы находим еще одну дополнительную характеристику, характеристику действия: «то, посредством чего» начало действует, или его инструментальную характеристику. Она четко не зафиксирована в его концепции, но тенденция к ней намечена в самом блоке рассмотрения

внешних характеристик начала. Характеристики действия, как правило, соотносят начало и сущее. Начало есть нечто порождающее, но механизм этого порождения не вполне ясен.

Гераклит, вероятнее всего, уточняет позицию Анаксимандра в отношении начала. Его ἀρχή также тройко. Ум или мудрый (*γνώμη, το-σοφόν*) как управляющее начало – собственно архэ и его самостная характеристика, Огонь – материальное начало, «то, из чего» и, наконец, Логос – инструментальное начало, «то, посредством чего» осуществляется сообщение и контроль над миром. Но помимо начала у Гераклиита более четко прописана и структура сущего, заданного через противоположности, а противоположности – это способ описания космологии чувственно-данного мира. Ясно, что такая схема уже недостаточно проста, поскольку нет однозначности ни в понимании начала, ни в понимании сущего. Те варианты трактовки отношений начала и сущего, которые, вероятно, уже рассматривались философами до Гераклиита, иногда оказывались взаимопротиворечащими, как, например, понимание начала чем-то одним в ряду с порождаемыми вещами (противоположностями), как то, что возмещает «бесполезную трату» и, тем самым, вовлечено в изменения в мире (пусть не в сам процесс становления и изменения, но как нечто регулирующее эти изменения), и начало как объемлющее, «граница мира», с одной стороны, предотвращающая дальнейшую дифференциацию и тем самым упорядочивая сущее («все вещи» при всем своем многообразии все-таки величина конечная), и с другой стороны, именно начало делает сущее ограниченным, позволяя ему тем самым существовать. Именно на разрешение этих внутренних противоречий милетских взглядов на начало посредством использования концепции противоположностей и был направлен один из разделов учения Гераклиита.

Прежде чем перейти к этому разделу учения Гераклиита, остановимся на позиции, которую мы занимаем относительно способов исследования наследия Гераклиита. Многие поколения исследователей предпочитали видеть в учении Гераклиита собрание анекдотов и «темных» высказываний пророческого характера, отменяя саму мысль о рациональных основаниях философских построений. Эта точка зрения, во многом обусловленная разрозненностью и краткостью фрагментов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации – МК.2020.2005.06.

была центром притяжения для мистически ориентированных реконструкций. Другая крайне популярная позиция рассматривает Гераклита как первого диалектика античности, заложившего основы *общей теории развития* как учения о тождестве противоположностей и их взаимоотношения как противоречия. Еще одно направление, которое также весьма популярно и которое часто называют собственной деятельностью историков философии, – собрание, издание и комментарий к оригинальным фрагментам. В основном в данной области работали западные исследователи, и именно на Западе были изданы многочисленные комментарии и публикации фрагментов, как специальные, так и в рамках всей досократической философии¹. Именно в этой традиции предпочтение отдается подходу к Гераклиту как философу преимущественно рационалистических взглядов. Все перечисленные направления нередко пересекаются. Если рассматривать его учение с позиций постановки проблем – какие именно проблемы он решал, как они были поставлены, – тогда иначе чем с рациональных позиций оценить его вряд ли получится. Именно с позиций признания рациональности философского учения Гераклита в данной статье мы рассмотрим ту общую базисную структуру, которая формирует основные проблемы и варианты ответа на них, а именно проблемы начала у Гераклита.

Обычно, реконструируя учение Гераклита, принято отмечать многие пары противоположностей в духе произвольно составленной пифагорейской таблицы Аристотеля (наиболее полной представляется т.н. «Таблица противоположностей в Гераклитовой доктрине Логоса», предложенная М. Марковичем)². Но в учении Гераклита помимо противоположностей, отражающих структуру мира, есть такие, которые позволяют характеризовать не сам мир, все вещи и процессы в мире, а отношения внутри него. Другими словами, все вещи и процессы мы можем в общем виде привести к трем парам противоположностей, посредством которых формируются и задаются исходные условия для познания мира, более того, данные антитезы формулируются в попытке подвести итог представлениям милетцев и Ксенофана и разрешить те противоречия в понимании начала и сущего, которые уже успели сложиться ко времени становления философии Гераклита. Гераклит посредством формулировки этих антитез не столько предлагает способ своего прочтения проблемы, сколько систематизирует накопленный материал, классифицируя варианты понимания начала, а уже исходя из получившейся общей описательной схемы формулирует и решает проблему начала и сущего.

Итак, в основу разрешения противоречий между пониманием начала и сущего Гераклит ставит свою концепцию противоположностей, а именно «все есть противоположности». И если все вещи в совокупности суть набор многочисленных оппозиций, то для того чтобы перейти к началу и его пониманию, Гераклит задает своего рода метауровень противоположностей или противоположности следующего, более высокого, категориального уровня, чтобы описать именно взаимосвязи и отношения между вещами и началом.

Такого рода категориальных противоположностей или антитез в учении Гераклита было три и, нам кажется, он понимал их сходным с Аристотелем образом – как в некотором смысле *категориальные основы* или высшие родовые понятия. Они также не сводимы друг к другу, но при этом позволяют описывать разные аспекты вещей, и в первую очередь – их взаимоотношения с началом, разные стороны представлений об архэ. Эти «категориальные основы» таковы: «явное – скрытое» (*fanego>v – ajfane>v*), «единое (одно) – многое» (*e{n – pa>nta (pollo>n)*) и «общее – особенное» (*xuno>n (koino>n) – ijdi>on*). Постараемся показать, что представляют собой эти антитезы и почему среди множества других противоположностей, о которых ведет речь Гераклит, именно эти следует понимать как базисные.

Что касается первой антитезы, «явное – скрытое», то она определяет своего рода фундамент для установления способа познания, являясь исходной для деления бытия на умопостижимый и чувственно воспринимаемый уровни, т.е. это та антитеза, в рамках которой были поставлены и решались Гераклитом основные гносеологические проблемы. Решая проблему начала и сущего, досократики исходили из признания наличия базового познавательного метода. Иными словами, только определив исходные условия познания (в первую очередь, признав саму возможность познания), можно задумываться о том, что именно подлежит познанию, т.е. оценивать его с позиций применимости метода и познаваемости «вещи» (в самом широком смысле этого слова). Гносеология здесь определяется позициями «как познавать» (чистый метод) и «что вообще может быть познано». Согласно Гераклиту, помимо очевидных, непосредственно данных вещей имеются некоторые скрытые формы существования, которые люди (или некоторые люди) способны выявлять с помощью тех или иных способов, тем самым они становятся явными, очевидными и доступными для всеобщего познания. Гераклит указывает на невозможность познания при недостатке доказательных средств, а сам процесс познания, вероятно, понимает как переход от неочевидного к доказанному и, следовательно, получившему очевидность, или, иначе, от скрытого к явному. На основании этого можно утверждать, что Гераклит осознавал, что выявление неявного – это доказательная, рационалистическая процедура, а не мистический акт. Таковым, в частности, является способ познания начала на основании «того-что-есть» или сущих вещей³.

Две другие антитезы – «единое – многое» и «общее – особенное» – традиционно отождествлялись, особенно это касается отечественных исследований в диалектической традиции⁴. Сам Гераклит вполне четко разводит эти две антитезы.

Антитеза «единое – многое», часто подаваемая как проблема, видится исследователям наиболее разработанной проблемой в истории древнегреческой философии (особенно ионийской и элеатовской), и она же является наиболее обсуждаемой. Формулировку этой антитезы как проблемы приписывают обычно Аристотелю. Он

обращался к ней уже в ранних своих работах, в частности, «О противоположностях», в которой пишет, что каждая оппозиция внутри терминов некоторым образом сводится к противоположности между терминами «одно» и «многое»⁵. Каким образом противоположности могут быть сводимы к этой одной оппозиции, он и его комментаторы не сообщают, но из текста «Метафизики» становится ясно, что именно «единое – многое» понимается Аристотелем как первичное различие бытия.

Гераклит противопоставляет единое (ε{η}) многому, не всегда четко определяя последнее: это либо ρα>ηта либо ρολλο>η, многое или всё. Наиболее ярко эта антитеза представлена во фр. 26 Mch: «... мудрость в том, чтобы знать все как одно».

Разведение «единого – многого» и «общего – особенного» у Гераклита появляется, на наш взгляд, как следствие попытки разрешить проблему начала в том виде, в каком она была поставлена милетской школой (и, как свидетельствуют его возмущенные отзывы на учение Пифагора, пифагорейцами). Напомним, что милетцы и, вероятно, пифагорейцы в своих рассуждениях о начале четко не определили взаимосвязь множественности сущего и единственности начала. После милетцев единое мы можем понимать в двух значениях – как нечто одно (единственное и тем самым не допускающее никакой множественности в себе, противопоставленное всему как субстанциальное начало) и как нечто, состоящее из многих частей, как составное, объединяющее в себе, ограничивающее собой и включающее в себя весь набор сущих (в этом случае множественность сохраняется, но в составе единого), в любом случае оно противопоставлено многому, но каким именно оно является по своим характеристикам, не вполне ясно. Первого пути, как полагают, придерживался Парменид, а второе традиционно приписывается натурфилософам и их последователям, признающим начало состоящим из стихий (элементов или *stoiceia*-а).

Именно эту неоднозначность прочтения ε{η} мы можем увидеть во фр. 25 Mch: «сочетаются «вещи» целые и нецелые, собирающееся вместе и расходящееся в разные стороны, созвучное и несозвучное, из всего – одно, и из одного – все» (*συνάψις ὅλα καὶ οὐχ ὅλα, συμφερόμενον διαφερόμενον, συνᾶιδον διαῖδον ἐκ πάντων ἔν και- ἐξ ἐνό- πάντα*). Этот фрагмент в отношении его места в системе Гераклита и его книги «Тёмен», но зато весьма полезен в том плане, что содержит указание на то, что ε{η} является составным, оно – результат сведения вместе различных других составных принципов и тем самым является чем-то единым, что способно расчленяться на множественности различного порядка, три типа которых Гераклит и приводит: целое; сводимое, собираемое вместе; и созвучное (причем необязательно в отношении звуков, это слово может отражать гармоничное вообще, на что указывает само слово – Гераклит здесь, по мнению исследователей, использует не устойчивое понятие, а собственный неологизм⁶). Отсюда видно, что в антитезе «единое – многое» единое не подразумевает

смысл «одно» и представляет собой некоторый уровень обобщения по отношению к различным категориям *составных* групп вещей.

Более того, именно такую взаимосвязь между понятиями «единое» (ἕν), «целое» (ὅλον) и «всё» (πᾶν) хорошо показал Аристотель в своем «словаре терминов» в *Met.*, 5 (1023b26 – 1024a10). «Целым (ὅλον) называется [1] то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых оно именуется целым от природы. А также [2] то, что так объемлет объемлемые им вещи (*το- περιέχον τα- περιεχόμενα*), что последние образуют нечто одно (ἕν); ... каждая из этих вещей есть одно, или так, что из всех них образуется одно. ... целостность есть некоторого рода единство (*τῆ ὁλότητό ἐνότητό τινό*). ... [3] из относящегося к количеству, имеющего начало, середину и конец, целокупностью (πᾶν или всем) называется то, положение частей чего не создает для него различия, а целым – то, у чего оно создает различие»⁷.

Итак, ε{η}, по Гераклиту, должно пониматься как нечто исчислимое. С одной стороны, оно составное, т.е. не одно по числу, а то, что состоит из множественности, собирается из многих. Точно так же собирается из множественности, по одной из интерпретаций, начало Анаксимандра – апейрон, являя собой только границу для сущих, по сути само оказываясь составным из всей множественности. Именно этот смысл можно усмотреть в пункте [2] процитированного выше фрагмента как указание именно на такое начало, которое объемлет вещи и должно пониматься как «граница мира» и нечто, тем самым состоящее из множества сущих, которые объемлет *единое* – тем самым действительно составное, а *целое* является вариантом составности. Как видно из фрагмента 85 Mch: «Ибо мудрым можно считать только одно (ε{η}): ум (γνω>μη), могущий править всем через все», даже в том случае, если ε{η} понимается как одно по числу, отношение с множественностью сохраняется приблизительно в том же аспекте «охвата» многих вещей, в данном случае через их подчинение, управление ими.

Зачастую все же употребление ε{η} подразумевает нечто, не способное быть разделенным на части, одно по числу (как элеатовское ε{η}), у Гераклита же этот смысл подлинного, неделимого единства задается совершенно иным словом – «общее». Эта другая пара противоположностей: антитеза «общее – особенное» носит у Гераклита, как отмечалось выше, совсем иной смысл. Общее – это несомненно ξυνοῦ, что видно из разных фрагментов (например, 1 Mch, 2 Mch, 23 Mch и др.). Как может быть задана его противоположность? Гераклит использует именно ту пару оппозиций, которая до=статочно распространена и часто использовалась различными греческими авторами (Ксенофоном, Геродотом, у Платона неоднократно в «Софисте», особенно «Государстве» и других диалогах). Он противопоставляет общему частное, *ijdi>a*], как, например, во фр. 23 Mch: «*διο- δεῖ ἐπεσθαι τῶν ξυνοῦ, τουτέστι τῶν κοινῶν (ξυνοῦ γὰρ ὁ κοινός) Του λόγου δεόντος ξυνοῦ ζῶουσιν οἱ πολλοί- ὡ ἰδίαν ἔχοντέ φρόνησι*». Этот фрагмент приводит Секст Эмпирик, и он же коммен-

тирует слова Гераклита следующим образом⁸: «Чуть ниже он [Гераклит] добавляет: “Поэтому должно следовать общему”, а $\xi\nu\nu\acute{\omicron}$ – это и есть “ $\kappa\omicron\iota\nu\acute{\omicron}\sigma$ ”. “Хотя логос – общ, большинство [людей] живет так, как если бы у них был особенный рассудок”».

Смысл слова $\chi\upsilon\pi\omicron > \nu$ на ионийском диалекте – совместный, общий или касающийся всех, принадлежащий всем, т.е. общее в подлинном смысле. На аттическом в этом же смысле использовалось слово $\kappa\omicron\iota\nu\eta$, о котором Секст и говорит, что $\xi\nu\nu\acute{\omicron} \text{ } \gamma\acute{\alpha}\rho \acute{\omicron} \kappa\omicron\iota\nu\acute{\omicron}\sigma$. Общему здесь Гераклит противопоставляет $i\delta\iota\acute{\alpha}$ – частное, в буквальном смысле частной собственности, частного владения, того, что принадлежит не всем, а конкретному индивидууму, либо то, что является публичным, дано в общественном порядке.

Пример общего для всех, который приводит Гераклит – это закон. Фр. 23 (а): «Кто намерен говорить с умом, те должны крепко опираться на общее ($\xi\nu\nu\acute{\omicron}$) для всех, как граждане полиса – на закон и даже гораздо крепче»⁹. Закон, с одной стороны, объективен, но он принимается всей совокупностью граждан. В этом смысле Гераклит отличает индивидуальную точку зрения от той, которая согласная, совокупная, и потому объективная. То есть мы не складываем мнения всех по совокупности, а находим нечто общее для всех, единственное, что удовлетворяет всем.

Это значение также хорошо показывает, что общее в принципе не может быть понято как составное или многое, это антитеза с совершенно иным смыслом. Этот смысл, пожалуй, наиболее полно отражает фр. 34 Мсч: у круга начало и конец общие ($\xi\nu\nu\acute{\omicron} \text{ } \nu \text{ } \gamma\alpha \text{ } \rho \text{ } \acute{\alpha}\pi\eta \text{ } \kappa\alpha\iota \text{ } \pi\acute{\epsilon}\rho\acute{\alpha} \text{ } \acute{\epsilon}\pi\iota \text{ } \kappa\upsilon\kappa\lambda\omicron\upsilon \text{ } \pi\epsilon\rho\iota\phi\epsilon\rho\acute{\epsilon}\iota\acute{\alpha}$). В таком понимании общее предстает как предел или граница между частными владениями – переход между ними, какой-либо зазор или разрыв обнаружить невозможно, это в действительности то, что в равной мере принадлежит как одной, так и другой стороне, всем и каждому. И в этом смысле как то, что подлинное Одно (не как единое – целое и состоящее из множества элементов, а как единственное) может рассматриваться именно $\xi\nu\nu\acute{\omicron}$, и оно же является истинным. Об этом вполне справедливо говорится в следующем комментарии Секста Эмпирика, который помимо прочего подтверждает и точность выбранной нами пары в антитезе. Комментируя фрагмент Гераклита, Секст говорит: «А это разумение есть не что иное, как истолкование образа устройства *всего*. Отсюда, поскольку мы вступили в общение с памятью о нем, мы находимся в истине; а коль скоро мы возымали свои особенности ($i\delta\iota\acute{\alpha} > \sigma\omega\mu\epsilon\tau\epsilon\iota$), мы находимся во лжи.

При таком положении дел Гераклит действительно яснейшим образом выражает в приведенных словах, что общий разум есть критерий: и явное всем вообще, говорит он, вполне достоверно, будучи как бы предметом суждения для общего разума; а то, что является каждому особенно, – ложно»¹⁰.

На основании этого замечания можно полагать, что рассмотренные категории-антитезы не взаимозаменяемы,

но взаимосотносимы: через одну из них легко уточнить содержание другой: именно так *общее* (в данном случае разум) будет критерием для явного, а *частное* – для неявного, и именно посредством перевода неявного в явное через достижение общего возможно постижение истины, особенное соотносимо с ложью, общее истинно. Таким образом, можно предположить, что одна из составляющих антитез – одно, общее, скрытое – характеризует начало, другая – все, частное, явное – сущие вещи, и то и другое неразрывно связано друг с другом.

Тем самым, утверждая в Мсч – (а) [ii]: «все вещи появляются вследствие этого логоса»; [iii]: «Я объясняю те слова и вещи, различая их в соответствии с их природой и затем показываю их такими, как они есть», Гераклит разрешает через противоположности (обращение к которым действительно следует понимать как один из его методов) те противоречия, которые следовали из положений милетских философов – начало должно быть связано с сущим, но каковы характеристики этого начала и какого рода эта связь, не ясно. Именно эту проблему решал Гераклит, исходя из анализа природы сущих вещей и установив метауровень противоположностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kirk G.S. Heraclitus: The Cosmic fragments, 2nd ed. – Cambridge, 1962; Marcovich M. Heraclitus. Greek text with a short commentary. – Venezuela, 1967; Mondolfo R., Tarbón L. Eraclito – testimonianze e imitazione. – Florence, 1972; Kahn C.H. The Art and Thought of Heraclitus. An edition of the fragments with translation and Commentary. – Cambridge, 1979; Conche M. Héraclite. Fragments. – P., 1986; Kirk G.S., Raven J.E., Schofield M. The Presocratic Philosophers. – Cambridge, 1983.

Существует также несколько русских переводов, все они сделаны достаточно давно: перевод Г.Ф. Церетели в приложении к кн.: Таннери П. Первые шаги древнегреческой науки / Предисловие А.И. Введенского. – СПб., 1902; В.О. Нилендер. Гераклит Ефесский. Фрагменты / Пер. В. Нилендера. – М., 1910; А.О. Маковельский. Досократики: Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований: Историко-критический обзор и перевод фрагментов, доксографического и биографического материала А. Маковельского. – Казань, 1914–1919. – Ч. I–III. Из относительно современных переводов – Дынин М.А. Материалисты Древней Греции. – М., 1955. Следует отметить перевод фрагментов В.С. Соколова в приложении к книге: Михайлова Э.Н., Чанышев А.Н. Ионийская философия. – М., 1966. Также в российской науке была предпринята попытка С.Н. Муравьева собрать корпус свидетельств о жизни Гераклита, которая, на наш взгляд, так и не получила должного отклика у историков философии античности: Муравьев С.Н. Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. Серия публикаций в журн. «Вестник древней истории», 1984–1990 гг.). Наиболее популярным является издание Лебедева А.В. Фрагменты ранних греческих философов. – М., 1989. – Ч. 1. Других специальных попыток перевода фрагментов Гераклита на русский язык, насколько нам известно, не предпринималось.

² Marcovich M. Heraclitus. Greek text with a short commentary. – Venezuela, 1967. См. там же вкладку, с. 160–161.

³ Подробно см.: Вольф М.Н. Понятия «явное и неявное» как базис для формирования гносеологической проблематики Гераклита // Вестн. НГУ. Сер.: Философия. – Т. 3, вып. 1. – С. 80–88.

⁴ См. например: Кессиди Ф.Х. Гераклит. – М., 1982. – С. 74, 111 и др.

⁵ Stokes M.C. One and many in presocratic philosophy. – Cambridge, Massachusetts, 1971. – 355 с. – С. 8.

⁶ Marcovich M. Heraclitus... – С. 108. Мы допускаем трактовку для *συνᾶιδον διαῖιδον* как «пребывающее вместе в течение долгого времени» и «пребывающее раздельно в течение долгого времени».

⁷ Аристотель. Соч.: В 4 т. – Т. 1. – С. 174–175.

⁸ Секст Эмпирик. Против ученых, VII, 133 // Сочинения: В 2 т. – М., 1975. – Т. 1. – С. 87. Фрагмент цитируется

по изданию «Фрагменты...» с частичной заменой перевода языком оригинала.

⁹ Фрагменты... – С. 197.

¹⁰ *ἡ δ' ἐστὶν οὐκ ἄλλο τι ἀλλ' ἐξηγησί τοῦ τρόπου τῆ τοῦ παντοῦ διοικήσεω. διο- καθ' ὅ τι ἂν αὐτοῦ τῆ μνήμη κοινωῆσωμεν, ἀληθεύομεν, ἃ δε- ἂν ἰδιώσωμεν, ψευδοῦμεθα. νῦν γὰρ ῥητότατα καὶ- ἐν τοῦτοί το-ν κοινο-ν λόγον κριτήριον ἀποφαίνεται, καὶ- τα- με-ν κοινῆ φησι φαινόμενα πιστα- ὧ ἂν τῶ κοινῶ κρινόμενα λόγῳ, τα- δε- κατ' ἰδίαν ἐκάστῳ ψευδῆ.*

Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск

В.П. ГОРАН

КРИЗИС ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И ФИЛОСОФИЯ СОКРАТА (I)

Древнегреческая демократия и философия Сократа входят в число наиболее выдающихся продуктов культуры Древней Греции периода ее расцвета. Более того, каждый из этих исторических феноменов принадлежит к самым заметным явлениям не только античной, но и мировой культуры. Уже одно это обстоятельство позволяет считать заслуживающим специального рассмотрения взаимную соотнесенность их друг с другом. Разумеется, это обоснование исследовательского интереса к теме их соотнесенности является весьма абстрактным и под него можно подвести стремление соотносить любые более или менее заметные явления культуры, даже исчезающе слабо связанные между собой. Но ситуация с древнегреческой демократией и философией Сократа совсем иная. В пользу такой предварительной ее оценки свидетельствуют прежде всего исторические факты, как хронологические, так и хорологические, которые показательны даже в качестве всего лишь внешнего основания для оправданности соотнесения философии Сократа с древнегреческой демократией.

Сократ родился в Афинах в 470 г. до н. э. и там же умер в 399 г. Ему было 8 лет, когда в 462 г. в Афинах после долгой и тяжелой борьбы с аристократией прочно утвердилась демократия. Значительная часть творческой жизни Сократа приходится как раз на период расцвета афинской демократии, на так называемый век Перикла, который был апогеем развития всей древнегреческой демократии. Но вторая часть творческой жизни Сократа приходится уже на время кризиса древнегреческой демократии, на такую острую фазу этого кризиса, как Пелопоннесская война между демократическими Афинами и аристократической Спартой. Поскольку к тому времени Афины и Спарта возглавляли сильнейшие военно-политические союзы греческих полисов – Афинский морской союз и Пелопоннесский союз, то в войну были втянуты почти все греческие государства и она приобрела характер всегреческого активного военно-политического противостояния

демократии, с одной стороны, и, с другой – аристократии и олигархии. Это противостояние порой приобретало ту экстраординарную ожесточенность, которая, как правило, характерна для гражданской войны. Описав пример такой ожесточенности в случае противостояния демократов и олигархов на о. Керкира, Фукидид следующим образом резюмирует всю ситуацию, сложившуюся в охваченной войной Эллад: «...впоследствии весь эллинский мир был потрясая борьбой партий. В каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главарь олигархов – лакедемонян. В мирное время у партийных вожаков, вероятно, не было ни повода к этому, ни склонности. Теперь же, когда Афины и Лакедемон стали враждовать, обеим партиям легко было приобрести союзников для подавления противников и укрепления своих сил, и недовольные элементы в городе охотно призывали чужеземцев на помощь, стремясь к политическим переменам... Этой междоусобной борьбой были охвачены теперь все города Эллады... Политические узы оказывались крепче кровных связей... у главарей обеих городских партий на устах красивые слова: “равноправие для всех” или “умеренная аристократия”. Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут лишь борьбу между собой за господство» (Фукидид. История, III, 82)¹.

Накануне Пелопоннесской войны Афины были не только главой военно-политического союза демократических полисов, оплотом демократических сил всей Греции и ярким воплощением политических успехов древнегреческой демократии, но и признанным центром всей культурной жизни греков. Всем этим Афины наглядно демонстрировали внутреннюю взаимосвязь расцвета древнегреческой демократии с изумляющими и по сей день достижениями греков в широком спектре областей культурной жизни. Но именно в тот исторический момент, когда политическая и культурная жизнь Афин являла собой высший пункт

расцвета древнегреческой демократии, стали отчетливо проступать симптомы того, что созревают условия, определившие последующий кризис классического древнегреческого полиса и, прежде всего, кризис демократии. Пелопоннесская война стала только катализатором этого кризиса и продемонстрировала его глубину. Тот исторический факт, что после долгих перипетий этой войны, длившейся с переменным успехом для обеих сторон с 431 по 404 г. до н. э., демократические Афины в конце концов потерпели поражение от аристократической Спарты, является наглядным проявлением серьезности кризиса, в котором оказалась, в итоге, прежде всего древнегреческая демократия.

Сократ был гражданином Афин. Более того, он – первый афинянин, вошедший в число самых выдающихся представителей древнегреческой философии. В той или иной степени с Афинами были связаны определенные этапы творческой жизни и более ранних выдающихся древнегреческих философов. Но их родиной были другие полисы, а не Афины. И то обстоятельство, что в лице Сократа Афины впервые дали философскому сообществу мыслителя, масштаб значимости которого стал эпохальным для истории не только всей древнегреческой, но и всемирной философии, делает особенно показательным то, что творчество Сократа приходится на фазу развития древнегреческой демократии, когда его родной полис являлся и политическим центром всех демократических сил Греции, и местом, где развитие древнегреческой демократии достигло своего высшего пункта.

Но это – только одна сторона характеристики того общего фона, который необходимо учитывать, соотнося философию Сократа с древнегреческой демократией. Другая, еще более значимая ее сторона определяется тем, что время, на которое приходится «акмэ» Сократа (его сорокалетие как период расцвета творческих сил), совпадает со временем, когда именно афинская демократия олицетворяла достижение всей древнегреческой демократией той высшей точки восходящей стадии своего развития, которая оказывается и точкой начала нисходящей его стадии. Действительно, «акмэ» Сократа приходится на 430 г. до н. э., т.е. на следующий год после начала Пелопоннесской войны, которая сделала кризис древнегреческой демократии стремительно прогрессирующим и, в конечном итоге, ведущим к краху и всю древнегреческую демократию, и ее основу – классический древнегреческий полис.

При этом надо учитывать то обстоятельство, что демократия в Древней Греции и формировалась, и утверждалась в ожесточенной борьбе с аристократией, и это противостояние демократии и аристократии не прекращалось даже в периоды, когда демократия находилась на стадии своего расцвета. Их перманентное противостояние составляло тот политический фон, который был и в высшей степени «калорийной» питательной средой духовной жизни, особенно значимой для мировоззренческого уровня общественного сознания.

О том, что для древнего грека эпохи классического древнегреческого полиса именно политика была главным средством осуществления той ценностной ориентации, которая понималась как стремление к наивысшему благу, т.е. стремление к тому, что составляет quintэссенцию всех мировоззренческих исканий, писал Аристотель: «...больше других и к высшему из всех благ стремится то общество, которое является наиболее важным из всех... Это общество и называется государством или общением политическим» (Аристотель. Политика, I, I, 1)².

Дело в том, что исторически, в результате революционной трансформации архаического полиса, классический древнегреческий полис сложился как суверенное сообщество свободных самостоятельных граждан, отличающихся активностью в обеспечении своих жизненных интересов. Правда, население полиса включало не только свободных граждан, но и рабов. Однако социальный статус рабов был таков, что они полностью оказались вне общества полноправных граждан. А в сообществе этих последних имело место значительное социальное расслоение, в котором самым существенным было различие между демосом (народом), с одной стороны, и олигархией – с другой, причем историческое ядро последней составляла потомственная земельная аристократия. Взаимоотношения этих двух основных социальных групп, из которых состоял весь гражданский коллектив полиса, на всем протяжении истории классического древнегреческого полиса было нервом всей социальной жизни.

Политическим выражением этой особенности социальной жизни полиса явилось перманентное противостояние аристократической и демократической партий в их борьбе за власть. Поскольку такая политическая их активность была направлена на обеспечение условий, максимально благоприятных для реализации основополагающих групповых интересов указанных двух социальных групп, составляющих гражданский коллектив, то и противостояние ценностных ориентаций, являющихся концентрированным выражением этих же интересов на мировоззренческом уровне общественного сознания, не могло не быть теснейшим образом взаимосвязано с политическим противостоянием демократии и аристократии. Духовная жизнь на мировоззренческом ее уровне находилась, таким образом, в самой непосредственной зависимости от жизни политической и в значительной мере определялась этой последней. Соответственно, в сложившейся ситуации и философия как метауровень теоретической рефлексии над мировоззрением тоже была активным участником этих процессов, реализуя свою главную функцию, состоящую в осмыслении базовых мировоззренческих ориентаций и обеспечении их теоретического обоснования.

В ситуации кризиса демократии аристократия активизировалась, и противостояние этих политических партий приняло особенно острые, в определенных ситуациях даже экстраординарные формы, о чем красно-

речиво свидетельствует приведенная нами выше характеристика Фукидидом поведения и демократической, и аристократической партий во время Пелопоннесской войны. Обострилось и противостояние соответствующих мировоззренческих ориентаций в духовной жизни. Философия также не могла остаться в стороне от этих процессов. В предшествующий период истории Древней Греции, когда демократия не только была на подъеме, но и достигла высшей точки своего расцвета, среди выдающихся представителей древнегреческой философии тоже преобладали сторонники демократии. Это – прежде всего Анаксагор и атомисты. Они были творцами философских учений, важнейшей особенностью которых является онтологический плюрализм, который есть выражение на абстрактном уровне общеонтологических теорий одного из основополагающих принципов древнегреческой демократии – принципа первичности интересов самостоятельных индивидов по отношению к интересам представляющего совокупность индивидов сообщества в его целостности³. Аристократическая партия в основном была представлена тогда в философии переживающей упадок и вырождающейся пифагорейской традицией. Совсем иная ситуация складывается в философии в условиях быстро прогрессирующего кризиса древнегреческой демократии, реакцией на который со стороны аристократии была не только ее политическая активизация. Именно в этот период среди выдающихся представителей древнегреческой философии появляются новые сторонники аристократии и ее идеологи, уже не принадлежащие непосредственно к пифагорейцам, а среди выразителей демократических интенций в философии бурную активность развивают софисты, философия которых, являясь ярким симптомом кризисного состояния древнегреческой демократии⁴, была, вместе с тем, и показательной демонстрацией того, что теперь в стадию своего вырождения вступила и демократически ориентированная философия.

Все изложенные выше обстоятельства придают задаче соотнесения философии Сократа с древнегреческой демократией и прежде всего с кризисом этой последней особенную притягательность для историка античной философии. Эта притягательность становится еще более понятной, если к сказанному добавить, что поражение афинской демократии в Пелопоннесской войне лично для Сократа обернулось в конечном итоге судом над ним и смертным приговором. Тем не менее до сих пор философия Сократа недостаточно пристально рассматривалась историками философии специально под углом зрения ее соотносительности не только с кризисом древнегреческой демократии, но и с древнегреческой демократией как таковой.

В отечественной историко-философской литературе едва ли не исключение в указанном отношении составляет посвященная Сократу книга Ф.Х. Кессиди, в которой есть специальный подраздел, где рассматривается отношение Сократа к демократии⁵. Но, к сожа-

лению, не все выводы, к которым пришел при этом Кессиди, представляются нам убедительными. Один из таких выводов состоял в том, что «Сократ был сторонником умеренной демократии»⁶. А неубедительность конкретно данного вывода, касающегося важнейшей особенности политической позиции Сократа, обусловлена, на наш взгляд, следующим обстоятельством. Кессиди пришел к нему, определяя политические взгляды Сократа если не совсем безотносительно к тому, что на протяжении всей второй половины его творческой жизни он имел дело с афинской демократией, находящейся в состоянии быстро прогрессирующего кризиса, то, во всяком случае, вне специального заострения внимания к этой ситуации. Поэтому нам представляется недостаточным рассматривать политическую ориентацию Сократа, не уделяя самого пристального внимания указанной ситуации. Соответственно, свою задачу мы видим в том, чтобы выделить тему соотносительности как непосредственно политической позиции Сократа, так и релевантных сторон содержания его философского учения, с одной стороны, и кризиса древнегреческой демократии, прежде всего в тех его проявлениях, которые были характерны для афинской демократии, с другой. Именно эта тема и будет предметом внимания в настоящей статье. Данная публикация составляет только первую часть исследования, продолжение которого мы планируем помещать в последующих номерах данной серии журнала и которое, хотелось бы надеяться, хотя бы отчасти восполнит указанный пробел в исследовании философии Сократа. Задачи этой первой части статьи вполне конкретные, а именно, обоснование необходимости обращения к теме соотносительности философии Сократа именно с кризисом древнегреческой демократии, а также определение значимости прояснения вопроса о политической ориентации Сократа для раскрытия данной темы и предварительная оценка тех возможностей, которые предоставляет исследователю состояние наших источников об этой стороне взглядов Сократа.

В условиях, когда эллинский мир оказался расколотым на два политических лагеря – сторонников демократии и сторонников аристократии, противоборство которых приобрело форму затяжной войны, вопрос о политической ориентации конкретно Сократа также не может не содержать в качестве своей главной составляющей вопрос о том, была его ориентация демократической или аристократической. Понятно, что на начальном этапе обсуждения этого вопроса его решение может иметь только предварительное, но, вместе с тем, ключевое значение для реализации главной цели исследования в целом, постановка которой обозначена ее заглавием и сформулирована несколькими строками выше. Ведь прояснение вопроса о политической ориентации Сократа существенно повлияет на характер оценок относительно взаимосвязи его политической ориентации и содержания его исканий в области собственно философии, включая самые абстракт-

ные философские построения, а это, в свою очередь, определит содержание выводов относительно связи философии Сократа с кризисом древнегреческой демократии. Вместе с тем только выявление характера взаимосвязи главных сторон содержания философии Сократа с политической позицией философа позволит или подтвердить, или опровергнуть, или только скорректировать предварительное решение вопроса о его политической позиции.

Сам Сократ, как известно, не оставил письменного изложения своих взглядов ни по философским, ни по каким-либо другим вопросам. Поэтому реконструкция его позиции по любым вопросам, в том числе и по вопросу о его политической ориентации – это непростая проблема, т.е. задача, решение которой сопряжено со значительными трудностями.

Наиболее информативными для прояснения вопроса о политической ориентации Сократа могут быть прежде всего дошедшие до нас сведения о судебном процессе против Сократа в совокупности с материалами, имеющими отношение к предыстории этого дела. Предпринимаемый в данной части статьи частичный анализ привлеченных материалов имеет целью получить всего лишь предварительный ответ на вопрос о том, имел ли судебный процесс против Сократа политическую подоплеку, и, если да, то что эти материалы могут дать для реконструкции политической позиции Сократа.

Источников наших сведений непосредственно о судебном процессе против Сократа совсем немного. Это главным образом дошедшие до нас сочинения двух авторов, лично знавших Сократа, – Ксенофонта и Платона, а также таких более поздних античных авторов, как Диоген Лаэртский, которых отделяют от времени жизни Сократа многие столетия и которые, следовательно, могли черпать свои сведения только из более ранних источников, в том числе и из сочинений тех же Ксенофонта, Платона и других авторов.

Сообщения всех этих источников совпадают в том, что обвинителей Сократа было трое – активный политик и влиятельный среди сторонников демократии владелец кожевенных мастерских Анит, демагог Ликон, а также молодой трагический поэт Мелет, который и взял на себя роль официального обвинителя, сделав «клятвенное заявление перед судом» (Диоген Лаэртский, II, 40)⁷. Со ссылкой на слова Фаворина о том, что это «заявление» еще в его времена (II в. н. э.) сохранилось в Метрооне (храм Матери богов в Афинах, служивший государственным архивом), Диоген Лаэртский приводит следующий его текст. «Заявление подал и клятву принес Мелет, сын Мелета из Питфа, против Сократа, сына Софрониска из Алопеки: Сократ повинен в том, что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества, и повинен в том, что развращает юношество; а наказание за то – смерть» (Диоген Лаэртский, II, 40). Очень близкое к этому тексту (отличие всего в одном слове!) изложение содержания предьяв-

ленного Сократу обвинения приводит Ксенофонт (см.: Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, I 1, 1), но с оговоркой «сказано приблизительно так», что может быть объяснено тем, что сам Ксенофонт не имел текста подлинника, а пересказывал то, что ему было известно от других людей. Высокая степень идентичности приведенного Диогеном Лаэртским текста обвинения с его пересказом у Ксенофонта, равно как его соответствие содержанию сообщения о нем также и Платона (см. Платон. Апология Сократа, 24 b)⁸, позволяют доверять сообщению Диогена Лаэртского о том, что приведенный им текст обвинения подлинный.

Согласно данному тексту, Сократу, как видим, предьявлялось двойное обвинение – в святотатстве и в развращении юношества. Ни в одном из двух этих пунктов нет даже намек на наличие у обвинения непосредственной политической мотивации. Первый пункт выглядит как сугубо религиозный, а второй и вообще имеет неопределенно-абстрактный характер: конкретностью, да и то только относительной, отличается всего лишь указание в обвинении на круг лиц (юношество), на которые была направлена активность обвиняемого, опосредованно (только самим фактом, что она фигурирует в обвинении) характеризуемая как преступная. А содержание этой активности остается совершенно неконкретизированным – некое абстрактное развращение.

Чтобы осуществить хотя бы предварительную оценку наличия или отсутствия политической подоплеку в привлечении Сократа к суду, в том числе и в том, что ему было предьявлено то именно обвинение, которое сформулировано в приведенном заявлении Мелета, необходимо учитывать политическую ситуацию, сложившуюся после поражения Афин в Пелопоннесской войне и имевшую следствием череду политических перемен, среди которых особое место принадлежит тирании Тридцати, затем военному ниспровержению сторонниками демократии в 403 г. до н. э. этой тирании и непростой процесс восстановления демократии в Афинах уже после ее ниспровержения. Итогом всех этих событий в Афинах было примирение (при посредничестве Спарты) сторонников аристократии и демократии на определенных условиях. А среди этих условий было следующее: «За прошлое никто не имеет права искать возмездия ни с кого, кроме как с членов коллегии Тридцати...» (Аристотель. Афинская полития, XIV, 39, 6)⁹. Как сообщает Аристотель, когда все же имело место нарушение этого условия, а именно, «когда кто-то из возвратившихся начал искать возмездия за прошлое», Архин «велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда» (Там же, XIV, 40, 2), создав тем самым прецедент, после которого «уже никто никогда не искал возмездия за прошлое» (Там же). Прецедент этот имел место всего за несколько лет до суда над Сократом, так что ко времени самого суда память об этом прецеденте еще не должна была быть утратившей свою значимость для

афинян. В этой ситуации политическая мотивация обвинения, предъявленного Сократу, была невозможной и могла быть обращена против обвинителя. Это делает объяснимым отмеченный выше характер обвинительного заявления Мелета: в нем, как мы видели, отсутствует прямая политическая мотивация.

Тем не менее, то унижение, которое пережили афинские демократы в результате поражения Афин в Пелопоннесской войне и установления тирании Тридцати, равно как и острота недавнего противостояния аристократии и демократии не могли в одночасье изгладиться из памяти демократов и не могли не искать выхода. О степени этой остроты позволяет судить прежде всего то обстоятельство, что на совести аристократической коллегии Тридцати были массовые кровавые расправы над сторонниками демократии и преследование тех, кто вызывал у правителей только подозрение в нелояльности. О том, насколько руководствовался своей враждой к демократии и приверженностью аристократическому государственному строю глава этой коллегии Критий, проявляя непримиримость и жестокость по отношению даже к этим последним, позволяет судить нарисованная Ксенофонтом картина привлечения им к суду Ферамена. Критий обвинил Ферамена в злоумышлении и предательстве против возглавляемого Критием режима на том только основании, что в прошлом политическая позиция Ферамена якобы не отличалась неизменностью. За это он требует для Ферамена смертной казни, мотивируя свое требование следующим образом: «Ведь если он избегнет казни, это даст повод поднять голову многим нашим политическим противникам...» (Ксенофонт. Греческая история, II 3, 34)¹⁰. Как видим, свою жестокость и кровожадность при осуществлении террора против афинских граждан Критий мотивирует именно политически. А проаристократическую суть своих политических предпочтений Критий выражает при этом вполне прямолинейно: «Несомненно, наилучший государственный строй – это лакедемонский» (Там же).

Эти недавние реалии политической жизни в Афинах и та социально-психологическая ситуация, в которой оказались сторонники афинской демократии вследствие того, что по навязанным победившей Спартой условиям примирения сторонников и противников демократии никому не позволялось «искать возмездия» своим противникам за их политическое прошлое, делают не обоснованным следующее предположение. Если

предъявлять противникам демократии прямые обвинения за их прошлую антидемократическую деятельность оказалось недопустимо, то ничто не мешало использовать допускаемые в сложившейся ситуации иные, неполитические обвинения против тех из них, чья безнаказанность особенно раздражала представителей демократической партии и кому предъявить такие неполитические обвинения было возможно. Таким образом, тот факт, что в официальном обвинении, предъявленном Сократу, нет прямой политической мотивации, не есть основание исключать наличие политических составляющих в тех реальных мотивах, которыми в глубине души, не формулируя их в обвинительном заявлении и не давая тем самым официального повода уличить их в этом, на деле могли руководствоваться его обвинители и которыми могли также руководствоваться и судьи, когда они принимали решение о виновности Сократа. В том, что такие политические составляющие имели-таки место, причем заключались они в том именно, что Сократ был противником афинской демократии, позволяет убедиться целый ряд обстоятельств, свидетельствующих об этом по меньшей мере косвенно. Их рассмотрению будет посвящена следующая, вторая часть данной статьи, которую мы надеемся опубликовать в следующем выпуске настоящей серии этого журнала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ссылка на Фукидида делается по изданию: **Фукидид**. История. – Л., 1981.

² Здесь и далее ссылки на «Политику» Аристотеля приводятся по изданию: **Аристотель**. Политика. Афинская политика. – М., 1997.

³ См.: **Горан В.П.** Философия и расцвет демократии в Древней Греции // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 1. – С. 26–31.

⁴ См.: **Горан В.П.** Кризис древнегреческой демократии и философия софистов... // Гуманитарные науки в Сибири. – 2001. – № 1; 2002. – № 1; 2003. – № 1; 2004. – № 1; 2005. – № 1.

⁵ См.: **Кессиди Ф.Х.** Сократ. – М., 1976. – С. 34–42.

⁶ Там же. – С. 36.

⁷ Здесь и далее ссылки на Диогена Лаэртца даются по изданию: **Диоген Лаэртский**. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979.

⁸ Здесь и далее ссылки на тексты Платона приводятся по изданию: **Платон**. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1990.

⁹ Здесь и далее ссылки на «Афинскую политику» Аристотеля даются по изданию: **Аристотель**. Политика. Афинская политика.

¹⁰ Ссылка сделана по изданию: **Ксенофонт**. Греческая история. – Изд-во «Алетейя», 1993.

П.А. БУТАКОВ

МЕСТО ФИЛОСОФИИ В БОГОСЛОВИИ ТЕРТУЛЛИАНА

В историко-философской науке карфагенский христианский писатель Тертуллиан больше всего известен как противник философии и рационального знания. Вместе с тем, в истории церковного богословия он считается первым латинским христианским философом и теоретиком вероучения. В связи с этим проблема отношения Тертуллиана к философии, до сих пор почти не затронутая в исследовательской литературе, нуждается в дополнительном изучении.

О биографии Тертуллиана достоверно известно крайне мало. Основной период его творческой деятельности выпадает на самый конец II и начало III в., причем в течение своей карьеры он сначала исповедует традиционные христианские взгляды, затем увлекается учением монтанистской секты и в конце концов окончательно разрывает отношения с официальной церковью.

Скудная информация о жизни Тертуллиана не позволяет с точностью датировать его сочинения, что, в свою очередь, представляет серьезное препятствие для их адекватного анализа. Единственным надежным критерием датировки являются имеющиеся в его трактатах ссылки на исторические лица и события, а также на его более ранние работы, но и этот материал весьма ограничен. Попытки датировать его произведения на основании упоминания Тертуллианом каких-либо монтанистских идей также недостаточно убедительны, коль скоро ни дата, ни причины его перехода, ни сам характер его принадлежности к этому движению так до конца и не выяснены, и по этому признаку можно лишь грубо разделять его работы на более ранние и более поздние. Перспективным направлением исследований в области датировки сочинений Тертуллиана является анализ применяемых им стилей и способов аргументации¹.

Одним из важных факторов при анализе стиля аргументации в произведениях Тертуллиана является учет того обстоятельства, что, в то время как в своих ранних сочинениях он предпочитает лишь высмеивать философию, в его поздних трактатах появляются развернутые философские рассуждения². При этом ни в философской, ни в богословской литературе так до конца и не изучен вопрос о том, почему в одних трактатах Тертуллиана мы встречаем резкое неприятие всякого рода философствования, а в других – явную разработку традиционной для античного христианства философской проблематики. Поэтому в рамках настоящей работы мы проанализируем те его книги, в которых помимо толкования Священного Писания Тертуллиан отводит особое место философским рассуждениям, и попытаемся выяснить причины того, почему в одних своих трактатах он предпочитает избегать философии, а в других активно пользуется ею.

Для начала рассмотрим три весьма сходных по теме трактата Тертуллиана, в которых он анализирует вопрос о недопустимости повторного брака для христиан. В письме «К жене» он уговаривает ее не выходить повторно замуж в том случае, если он умрет раньше нее. В трактате «О поощрении целомудрия» он убеждает своего овдовевшего друга-христианина³ не жениться повторно. В книге «О единобрачии» он резко критикует тех церковных иерархов, которые открыто допускают повторные браки. Во всех этих трех трактатах Тертуллиан пользуется сходными аргументами, ссылается на одни и те же отрывки из Священного Писания и в конце каждого из них приводит примеры уважения к единобрачию среди язычников. Разница же между ними заключается в том, что в книгах «К жене» и «О единобрачии» отсутствует хоть какая-нибудь теоретико-философская часть, обе они сводятся к толкованию тех цитат Писания, в которых затрагивается данная проблема. Зато в письме другу «О поощрении целомудрия» Тертуллиан сначала весьма абстрактно рассуждает о проблеме теодицеи и свободы воли человека, затем развивает теорию о двух волях Бога – явной и сокрытой, а уж только потом говорит: «Я изложил эти основные начала, чтобы после руководствоваться уже наставлениями апостола»⁴ и переходит к той части, которая мало чем отличается от двух других вышеупомянутых трактатов. Чем же можно объяснить тот факт, что в одном из этих весьма схожих сочинений Тертуллиан сначала закладывает философское основание для дальнейшей работы с текстом Писания, а в двух других обходится без него?

Попытка истолковать это различие с точки зрения датировки трактатов, как если бы книги «К жене» и «О единобрачии» относились к раннему периоду творчества Тертуллиана, а «О поощрении целомудрия» – к более позднему, когда он уже начал проявлять интерес к философии, невозможна. Какие бы версии датировки трактатов мы не выбирали, книга «О единобрачии», безусловно, должна быть отнесена к одной из самых последних работ нашего автора, о чем свидетельствует и Иероним (*De vir. illustr.*, 53), и указание Тертуллиана на «сто шестьдесят лет»⁵, прошедших со времени написания апостолом Павлом Первого послания к коринфянам, и то обстоятельство, что ее автор уже окончательно порвал с католической церковью, а это произошло только в самом конце творческой карьеры Тертуллиана. Итак, наличие философского раздела в трактате «О поощрении целомудрия» не может быть объяснено более поздней датой его написания.

Прежде чем высказать наше предположение о причине того, почему в своем письме овдовевшему другу

(«О поощрении целомудрия») Тертуллиан не ограничивается лишь толкованием Писания, но предварительно выстраивает философский фундамент для последующей работы со священным текстом, нам следует обратить внимание на еще одно весьма красноречивое обстоятельство. На закате своей творческой карьеры Тертуллиан, уже окончательно разорвав отношения с католической церковью, пишет несколько трактатов, подвергающих резкой критике те решения церковных иерархов, которые, как ему кажется, явно противоречат христианскому учению. Эти трактаты перечисляет Иероним (*De vir. illustr.*, 53) и называет их написанными специально против церкви. Из этих поздних сочинений Тертуллиана до наших дней сохранились лишь четыре: «О стыдливости», где он осуждает эдикт римского епископа о порядке допуска к причастию совершивших прелюбодеяние; «О бегстве во время гонений», в котором Тертуллиан порицает тех, кто советует христианам скрываться от гонений во избежание мученической смерти; «О посте», где он критикует недостаточное, на его взгляд, количество постов, установленных католической церковью; и вышеупомянутая нами книга «О единобрачии». Все эти трактаты весьма сходны и по стилю, весьма резкому, едкому и даже грубому, и по его антиклерикальным экклезиологическим взглядам⁶, и по способам аргументации с помощью отрывков Писания, и даже по некоторой недостаточной убедительности доводов автора. В самом деле, цитаты из Священного Писания в этих трактатах Тертуллиан приводит небрежно, стараясь, скорее, выиграть спор посредством количества приведенных отрывков, а не качества их осмысленного анализа. Его доводы явно «хромают», так, например, он посвящает большую часть трактата «О посте» тому, чтобы указать на необходимость и пользу соблюдения постов вообще, а затем обрушивается на тех, кто придерживается лишь тех постов, которые установила католическая церковь и не соблюдает дополнительных постов, введенных монтанистами. О тех, кто всего лишь строго соблюдает все католические церковные посты, Тертуллиан пишет: «Богом тебе стало брюхо, легкие – храмом, жертвенником – твой желудок, священником – повар, Духом Святым – ароматы, Духа дарами – приправы, отрыжка – пророчеством»⁷. Но никаких веских доводов в пользу того, что католических постов христианину недостаточно, у Тертуллиана нет.

Несмотря на вышеупомянутое стилистическое и методологическое сходство четырех последних трактатов Тертуллиана, один из них – «О бегстве во время гонений» – резко выделяется тем, что в нем, в отличие от трех остальных, вначале приводятся некоторые философские рассуждения. Тертуллиан обращается к проблеме происхождения зла в мире, свободы воли человека и того, почему всемогущий Бог допускает страдания. Развиваемую им в данном трактате теорию в некотором смысле можно назвать «теодицеей наоборот», поскольку он утверждает, что виновником страданий в жизни человека является сам Бог, ведь никакому диаволу не под силу противостоять Его замыслу, и Бог

просто использует диавола в качестве орудия для испытания людей. Заложив, таким образом, теоретическое основание для своего трактата, Тертуллиан далее переходит к цитированию Писания и критике тех, кто стремится избежать страданий, посылаемых Богом. В чем же отличие этого трактата от трех остальных, в которых Тертуллиан не считает нужным приводить хоть какие-нибудь философские аргументы?

Возможно, ключ к ответу кроется в том обстоятельстве, что трактат «О бегстве во время гонений», в отличие от трех остальных, Тертуллиан адресует своему другу (Фабию), в то время как остальные три не имеют конкретного адресата. Как уже отмечалось выше, среди трех трактатов Тертуллиана о недопустимости второго брака философский раздел имеется только в том, который написан другу («О поощрении целомудрия»). На основании этого мы можем предположить, что решение Тертуллианом вопроса о том, снабжать ли трактат дополнительными философскими размышлениями или ограничиться лишь разбором библейских цитат, зависел от того, кому этот трактат был адресован, что вполне логично.

Вооружившись данной гипотезой, мы далее рассмотрим те работы Тертуллиана, в которых сможем обнаружить отдельные главы, посвященные построению философского основания для его последующей работы с текстом Священного Писания. При этом мы попытаемся обратить особое внимание на то, для кого или при каких обстоятельствах были составлены эти трактаты.

В первую очередь нам следует обратиться к тем произведениям Тертуллиана, в которых он наиболее полно раскрылся как теоретик христианского вероучения. К таким работам относятся его основные догматические сочинения: «Против Гермогена», «Против Праксея», «Против Маркиона» и «О воскресении плоти». Особенность указанных книг состоит в том, что в них Тертуллиан явным образом уделяет внимание не только богословской, но также и философской проработке обсуждаемого вопроса. В каждом из этих весьма объемных произведений автор отводит несколько глав на то, чтобы с помощью философских аргументов заложить теоретическое основание для дальнейшей богословской аргументации.

В трактате «Против Гермогена» Тертуллиан приводит умозрительные доводы в пользу того, что Бог сотворил мир не из вечной материи, а из ничего; разбирает проблему движения, считая его акциденцией материи; уделяет внимание вопросам теодицеи, свободы и необходимости, а также свободы воли человека. В книге «Против Праксея» Тертуллиан разрабатывает понятийно-категориальный аппарат будущей церковной триадологии и христологии. По аналогии с мышлением человека он описывает процесс происхождения Бога-Слова из Ума (*Ratio*) Отца, на основании чего затем утверждает единство сущности Отца и Сына, провозглашенное впоследствии на Никейском соборе в 325 г. Кроме того, он рассматривает вопрос о том, каким образом в Иисусе Христе божественная природа могла соединиться с человеческой, чем явно предвосхищает догматические формулировки Хал-

кидонского собора 451 г. В трактате «Против Маркиона», самом монументальном его труде, состоящем из пяти объемных книг, Тертуллиан дает философское определение понятия Бога, выводит из него невозможность существования двух богов, подробно рассуждает о согласовании неотъемлемых божественных атрибутов благодати и справедливости, пытается примирить представление о карающем божественном правосудии с утверждением о Божией благодати и тем самым переходит к проблемам теодицеи и свободы воли. В книге Тертуллиана «О воскресении плоти» излагается его философская антропология, он рассуждает об устройстве и взаимодействии души и тела, а также о телесности души как о необходимом условии этого взаимодействия. Учение о воскресении плоти он обосновывает требованием полноты божественной справедливости, так что на Страшный Суд должен явиться весь человек, а не одна только его душа.

Теоретическая проработка философских проблем, затронутых в этих трактатах, нужна Тертуллиану для того, чтобы именно на ее основании в дальнейшем выстраивать толкование священного текста. Так, например, теоретико-философский раздел книги «О воскресении плоти» он заканчивает следующими словами: «Теперь я сделал фундамент, чтобы укрепить смысл всех тех мест Писания, которые обещают восстановление плоти»⁸. Но даже и после этого Тертуллиан не сразу переходит собственно к толкованию, а посвящает еще три следующие главы изложению тех герменевтических принципов, согласно которым он будет работать со священным текстом, подчеркивая, какие места следует истолковывать буквально, а какие – аллегорично.

Сам процесс толкования Священного Писания в этих четырех трактатах также отличается крайней последовательностью, вдумчивостью и систематичностью. Тертуллиан подробно анализирует каждый цитируемый им отрывок, пытается выяснить точное значение слов и периодически обращается к греческому оригиналу. Разбираемые им отрывки расставлены в строгой логичной последовательности, структура аргументации вполне очевидна. Во многих других своих полемических работах Тертуллиан нередко стремится победить противника количеством цитат из Писания (о чем мы упоминали выше), но в этих трактатах он не опускается до такого уровня полемики, да и характерного для него риторического сарказма в этих трактатах заметно меньше⁹.

Кому же были адресованы эти сочинения? Маркиона, Апеллеса и Валентина, с которыми Тертуллиан полемизирует в этих книгах, как бы обращаясь к ним, в то время уже давно не было в живых. О личности Гермогена нам практически ничего не известно, но, судя по тексту трактата «Против Гермогена», он к тому времени также был фигурой из прошлого. Таким образом, Тертуллиан писал эти свои работы не «на злобу дня», стремясь быстро отреагировать на недавно возникшую проблему, а старался создать серьезное теоретическое опровержение давно существующих и распространенных ересей. Как считает большинство исследователей, на составле-

ние трактата «Против Маркиона» Тертуллиану понадобилось несколько лет, и каждую из пяти книг этого трактата он издавал по мере написания. Очевидно, Тертуллиан рассчитывал на то, что эти труды будут читать не только в Карфагене и не только его современники, поэтому и старался ориентироваться на самые образованные круги общества¹⁰.

Весьма показательным также является сочинение Тертуллиана «О душе». Эту книгу с уверенностью можно назвать христианским философским трактатом. В ней содержатся весьма оригинальные, хотя и перекликающиеся с представлениями стоиков рассуждения Тертуллиана о телесности и форме души, а также о душе как об особой субстанции, передающейся от родителей к детям; обсуждается состояние души во время сновидений и после смерти. В этой работе Тертуллиан излагает учения многих древних мыслителей о природе души, что представляет для нас ценнейший историко-философский материал. В отличие от ранее упомянутых работ, книга «О душе» не разделяется на философскую и богословскую части – она вся посвящена философской проблематике. Каждый тематический раздел этой книги включает в себя критику тех мыслителей древности, с которыми Тертуллиан расходится во мнении по данной теме, ссылки на тех авторов (чаще всего стоиков), с мнением которых на этот счет он согласен, приводятся его собственные философские доводы и в дополнение цитаты тех мест Священного Писания, которые, по его мнению, свидетельствуют в его пользу. Оппонентами Тертуллиана и здесь являются не его современники, а философы древности, поэтому и сам трактат написан, скорее, как философское упражнение и предназначен лишь для образованной публики.

В один ряд с вышеупомянутыми трактатами Тертуллиана, содержащими философскую проблематику, следует поставить еще два – «О покаянии» и «О терпении». Эти сочинения, в отличие от предыдущих, не имеют полемического характера и являются нравоучительными рассуждениями о пользе названных добродетелей. Но, как и в предыдущих произведениях, Тертуллиан отводит в них отдельное место для собственных философских теорий. В трактате «О покаянии» он рассуждает о природе добра и зла, о высшей благодати Божества, постулирует моральный декретализм¹¹ и на основании антропологической дихотомии плоти и духа строит теорию двух видов грехов: грехов телесных, т.е. содеянных, и грехов воли, т.е. только помысленных. И в трактате «О терпении» Тертуллиан размышляет о высшей благодати Бога, дает определение понятия зла как нетерпимости к добру, ссылается на единомышленников философов в их высокой оценке добродетели терпения и задается вопросом о том, насколько доступна божественная истина постижению светскими науками. Очевидно, что и эти два сочинения Тертуллиан писал не с целью спора с современниками по поводу какой-либо насущной проблемы, а для самой обширной публики на тему, актуальную для всех поколений христиан.

Итак, почему же в одних работах Тертуллиан демонстрирует свою способность к философским рассуждениям и построению последовательной богословской аргументации на заложенном им философском фундаменте, а в других – ограничивается лишь толкованием Писания, да еще стремясь зачастую к цитированию как можно большего количества отрывков в ущерб качеству аргументации?

Мы уже указывали на то обстоятельство, что уважительное отношение к философии начинает проявляться лишь в более поздних трактатах Тертуллиана, относящихся к монтанистскому периоду его творчества¹². И действительно, ни в одной из его более ранних «католических» работ, по какому поводу они бы ни были написаны, мы не найдем стремления к построению собственных философских теорий. Но ведь и далеко не во всех его «монтанистских» сочинениях можно обнаружить отдельные философские главы и проблематику. Упомянутые выше самые поздние работы Тертуллиана «О единобрачии», «О посте» и «О стыдливости» состоят лишь из обвинений и множества цитат, и сочинение «К жене» он не считает нужным дополнять философскими рассуждениями, да и в других его явно «монтанистских» трактатах «О девичьих покрывалах», «О женском убранстве» и «О венке» философская проблематика отсутствует.

Дело в том, что все вышеперечисленные «монтанистские» трактаты Тертуллиана, в которых отсутствуют философские рассуждения, написаны им по поводу тех практических вопросов, которые, очевидно, горячо обсуждались в христианской общине Карфагена. Это вопросы о том, как и когда нужно поститься («О посте»), что делать с теми христианами, которые совершили грех прелюбодеяния, но раскаиваются («О стыдливости»), пристойно ли христианкам носить богатые украшения («О женском убранстве»), должны ли девушки покрывать в церкви голову, как и замужние («О девичьих покрывалах»), можно ли христианам вступать во второй брак («О единобрачии», «К жене») и служить в армии («О венке»). Таким образом, в те сочинения, которые Тертуллиан писал для простых карфагенских христиан по насущным проблемам, он не считал нужным вставлять свои философские рассуждения. Да и выстраивание последовательной аргументации в этих работах он тоже считал не обязательным, так как простых людей, видимо, больше убеждало обилие цитат из Писания и красочные аргументы *ad hominem*, а не логические выкладки и философские рассуждения. В тех же теоретико-догматических произведениях, которые Тертуллиан писал для широкого круга христианских читателей (а значит, и для образованных людей), он придерживался более спокойного и рассудительного стиля, старался проводить подробный анализ библейских текстов и снабжал свое богословие философской базой.

Тертуллиан происходил из богатой семьи римского центуриона и получил блестящее образование. Очевидно, что и после обращения в христианство он сохранил свое элитарное положение в карфагенском обществе: ве-

роятно, имел рабов¹³, а также мог написать личное письмо самому проконсулу Африки¹⁴. О принадлежности Тертуллиана к элите свидетельствует и его трактат «О плаще», в котором объясняются те причины, по которым он дерзнул появиться на публике не в традиционной римской тоге, а в греческом плаще – паллии. Вряд ли появление на улицах Карфагена какого-то простолюдина в плаще могло бы хоть у кого-нибудь вызвать удивление. Тертуллиан же считает своим долгом обосновать в виде изящного литературного опуса факт своего переоблачения в паллий. Оценить трактат «О плаще» по достоинству могли только представители интеллектуальной элиты, ведь в этом бессмысленном по содержанию произведении, Тертуллиан проявил великолепное владение софистикой, риторикой и латинским языком, знание античной мифологии, литературы, истории и философии. И поскольку такая демонстрация эрудиции предназначалась лишь для карфагенской элиты, то неудивительно, что во всем этом трактате кроме последнего предложения нет даже и намека на христианскую принадлежность автора, и Тертуллиан предстает в нем скорее в образе более приемлемого для языческой публики философа-киника, осуждающего стремление к роскоши.

Факт принадлежности Тертуллиана к карфагенской элите может пролить свет на множество загадок, связанных как с биографией, так и с творчеством этого автора. Например, привычка считать себя принадлежащим к особой породе людей вполне могла стать одним из факторов его обращения в христианство, ведь в своих ранних, еще «неофитских» работах Тертуллиан с нескрываемым удовольствием постоянно заявляет о том, что лишь христианам принадлежит уникальное право на обладание истиной и что все ценности языческой культуры и философии ничего не стоят в сравнении со Священным Писанием, правом на которое обладает лишь небольшая группа христиан¹⁵. Несмотря на прекрасное образование и знания в области философии, Тертуллиан поначалу лишь обрушивается на философию с огульной критикой, ведь в самом начале своей христианской жизни он вынужден был заимствовать новые для него мировоззренческие идеи у других христиан, большинство которых было из простых и бедных людей. Простые люди зачастую с подозрением относятся и к образованности, и особенно к философам, поэтому амбициозный неофит Тертуллиан охотно перенимает это, в общем-то, не свойственное ему пренебрежительное отношение к философам, коль скоро новая религия дает ему право считать себя принадлежащим к элитарному кружку знатоков истины. Конечно, тяга к элитарности была далеко не единственным мотивом обращения Тертуллиана.

По прошествии нескольких лет неофитский задор Тертуллиана спадает, и он начинает все чаще обращаться к накопленному им ранее багажу философских знаний. Привычка принадлежать к элите находит себе очередное применение – Тертуллиан увлекается идеями «нового пророчества», или монтанизма. Последователи это-

го движения считали себя полноценными членами католической церкви, но практиковали более жесткую аскезу и претендовали на то, что, в отличие от обычных христиан, в их среде присутствовал дополнительный источник познания истины, а именно дар некоторых монтанистов получать экстатические пророчества от Святого Духа. Поэтому Тертуллиан охотно причисляет себя к очередному особому кругу «знатоков истины», что позволяет ему возвыситься до «сословия» наиболее нравственных, духовных и сведущих христиан. Возможно, желание принадлежать к элите сказалось и на изменении его экклезиологических взглядов. Сам он так и не стал епископом, но мысль о том, что в церкви есть правящая группа хранителей и толкователей христианского учения, к которой он не принадлежит, привела его к пересмотру взглядов на устройство церковной власти и к выводу о том, что эта власть должна принадлежать не законным епископам, а людям, имеющим особые духовные дары, например, монтанистским пророкам¹⁶.

Увлечение Тертуллиана монтанизмом и в силу этого осознание собственной принадлежности к особой элите внутри христианства позволило ему дистанцироваться от мнений основной массы верующих и вследствие этого снова открыть себе дорогу к философии. К философии он относится как к занятию сугубо элитарному. В тех трактатах, которые он адресует простым карфагенским христианам, Тертуллиан старается обойтись без глубоких рассуждений, а в тех, которые он пишет для образованной аудитории, он охотно демонстрирует свою способность владеть философской проблематикой и аргументацией. Показательно и то, что в трактатах, написанных для интеллектуальной элиты, Тертуллиан даже противопоставляет себя простакам и невеждам: «Ведь многие необразованны, многие сомневаются в своей вере и еще больше простаков, которых нужно будет научить, направить и укрепить»¹⁷.

Таким образом, мы выявили несколько факторов, которые необходимо учитывать при датировке и анализе сочинений Тертуллиана. Во-первых, следует обращать внимание на наличие в них раздела, посвященного философским рассуждениям. Причем его отсутствие еще не может быть достаточным основанием для ранней датировки, тогда как его наличие является веской причиной для отнесения трактата к «монтанистскому» периоду.

Во-вторых, при анализе его работ необходимо учитывать то, кому они адресованы и какого рода проблемы в них обсуждаются, поскольку при обращении к простым верующим по поводу насущных практических проблем он предпочитает убеждать необразованную публику обилием цитат из Священного Писания и красноречивым высмеиванием недостатков его противников и не утруждать слушателей затянутой аргументацией. В тех же своих теоретико-догматических и нравоучительных сочинениях, которые адресованы широкой образованной аудитории, он охотно использует и философские рассуждения, и пространные хорошо структурированные доводы.

И, наконец, в-третьих, при изучении жизни и творчества Тертуллиана не стоит забывать о его принадлежности к высшим кругам карфагенского общества. По-видимому, стремление всегда и во всем причислять себя к элите сказалось как на его пренебрежительном отношении к философии в начале его творческой карьеры, так и на его дальнейшем избирательном применении философских аргументов при обращении к интеллектуальным кругам. Возможно, что тяга к элитарности могла стать одной из причин и его обращения в христианство, и последующего увлечения монтанизмом, и дальнейшего разрыва с официальной властью епископов церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве примера можно привести недавнюю публикацию работы Дж. Данна, в которой он анализирует риторическую структуру и методы аргументации в трех сходных по тематике трактатах Тертуллиана и в результате располагает их в следующем хронологическом порядке: 1) «О молитве», 2) «О венке», 3) «О девичьих покрывалах». – См.: **Dunn G.D.** Rhetoric and Tertullian's De Virginibus Velandis // *Vigiliae Christianae*. – 2005. – V. 59, No. 1. – P. 1–30. (Brill Academic Publishers, Leiden).

² См.: **Бутаков П.А.** Отношение Тертуллиана к философии // *Философия: история и современность*. 2002–2003. – Новосибирск, 2003. – С. 131–141.

³ О личности этого друга ничего не известно. Тертуллиан обращается к нему «брат» (*frater*) и «любезнейший брат» (*frater dilectissime*). Для нас не принципиально, имеется ли здесь в виду родной брат Тертуллиана или «брат по вере».

⁴ «О поощрении целомудрия». – Цит. по: **Тертуллиан К.С.Ф.** Избр. соч. – М., 1994. – С. 360.

⁵ «О единобрачии», 3.

⁶ См.: **Бутаков П.А.** Мировоззренческие основания экклезиологии Тертуллиана // *Философия: история и современность*. 2004–2005. – Новосибирск; Омск, 2005. – С. 247–261.

⁷ «О посте», 16. – Цит. по: *Quinti Septimi Florentis Tertulliani Opera / Corpus Christianorum, Series Latina*. – V. 2. – Turnholt: Typographi Brepols Editores Pontificii, 1954 (перевод с латыни наш).

⁸ «О воскресении плоти», 18. – Цит. по: **Тертуллиан.** Апология. – М.; СПб., 2004. – С. 28.

⁹ Хотя совсем без этого Тертуллиан, похоже, обойтись не может, ведь аргументы *ad hominem* всегда были его излюбленным оружием.

¹⁰ К указанным четырем основным теоретико-догматическим сочинениям Тертуллиана можно было бы добавить еще один его объемный трактат «О плоти Христа», но в нем нет никакого самостоятельного философского раздела, а работа с текстом Писания в нем проведена не настолько систематично, как в вышеупомянутых четырех. На основании этого можно либо предположить, что данный трактат был написан автором для менее образованной аудитории, либо поставить под сомнение принятую в исследовательской литературе его позднюю датировку, относящую это произведение к «монтанистскому» периоду творчества Тертуллиана.

¹¹ «Что Бог заповедал, то есть благо – и благо высочайшее. Я считаю дерзостью спор о благе Божественной заповеди. Ибо мы должны ей повиноваться не потому, что она благо, а потому, что заповедана Богом» («О покаянии», 4). – Цит. по: **Тертуллиан К.С.Ф.** Избр. соч. – С. 310.

¹² См.: **Бутаков П.А.** Отношение Тертуллиана к философии. – С. 141.

¹³ См.: «О терпении», 4; «О покаянии», 4; «О воскресении плоти», 57.

¹⁴ См.: «К Скапуле».

¹⁵ См.: «О прескрипции против еретиков», 7, 15, 37, 45.

¹⁶ См.: **Бутаков П.А.** Мировоззренческие основания экклезиологии Тертуллиана. – С. 260.

¹⁷ «О воскресении плоти», 2. – Цит. по: **Тертуллиан К.С.Ф.** Избр. соч. – С. 190.

В.В. МАРХИНИН

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СЛАВЯНОФИЛОВ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Проблема, исследуемая в настоящей статье, относится к числу активно обсуждаемых сюжетов истории отечественной философии. В историко-философской литературе последних лет предметом особого интереса стало содержание славянофильских доктрин, в которых идея национальной самобытности философии занимала очень важное место. В литературе в качестве расхожего мнения утвердился следующий тезис: национальная идея славянофилов в своем генезисе связана с осмыслением святоотеческого наследия и отечественной церковной мысли Средневековья. К сожалению, этот тезис, основанный на интерпретации некоторых высказываний авторов первой половины XIX в., до сих пор не получил достаточно убедительной проверки, для которой необходимо сопоставить программные декларации идеологов славянофильства с ходом мысли, прослеживающимся в их же текстах, и с общей философской и культурной ситуацией 30–40-х гг. XIX в.

Для выявления принципов, в соответствии с которыми русские авторы 1830–1840-х гг. в ходе создания своих философских концепций осваивали наследие отечественной культуры, необходимо прежде всего выяснить, каким образом они представляли себе ее специфику по отношению к западно-европейской культуре и с какими пластами мировой истории они связывали формирование этой специфики.

Начнем с анализа представлений славянофилов – тех авторов, для которых осмысление цивилизационной специфики России было краеугольным камнем всего их мировоззрения.

Общим для них правилом является самое пристальное внимание к древнейшим периодам русской и европейской истории. Так, наиболее значимыми для формирования особой исторической судьбы России М.П. Погодину представляются события IX в., связанные с взаимоотношениями варягов и славян. Основой для развития политических сообществ в раннем европейском Средневековье являются отношения победителей (различных германских племен) и побежденных (автохтонных народов римской эпохи). Эти отношения являются фундаментом сословной и классовой структуры западных стран, их правовой, политической культуры, мировоззрения в целом. И этой фундаментальной предпосылки европейской истории Россия не знает: вместо завоевания у нас имело место добровольное подчинение славянского населения варяжской знати¹.

В сущности, интерес Погодина именно к истории призвания варягов в процессе выработки концепции исторического своеобразия России случаен. Более того, По-

годин, которого часто характеризуют как «норманиста», был исследователем, настаивавшим как раз на второстепенной важности норманнской проблемы, которая находилась в центре внимания более ранней историографии (этническая принадлежность варягов, их географическая локализация, происхождение этнонима «русь» и т.п.)². Предмет его настоящего интереса в древнейшей русской истории – процесс возникновения государства и специфика этого процесса в России и в странах Запада.

Такое направление исторических исследований было задано французской историографией периода Реставрации и стало общим для отечественной мысли, в том числе и для славянофилов. А значит, события, которые, с их точки зрения, имели определяющее для русской истории значение, могли быть отодвинуты и в гораздо более далекое прошлое: то, что становление государственности у славян начинается гораздо раньше IX в., было уже хорошо известно.

И действительно, Хомяков, пытаясь выявить «начала», отличающие русскую историю от западноевропейской, обращается в ранний период своего творчества к тому же варяжскому сюжету³, а позже начинает увязывать формирование этих начал с эпохой Великого переселения народов⁴. В этом же контексте внимание к переселению народов обнаруживают Савельев и Морошкин – авторы, на выводах которых базировалась историческая концепция журнала «Маяк».

Авторы, полемизировавшие со славянофилами, обращаются при выявлении предпосылок специфики русской истории либо к той же эпохе становления государства (Кавелин), либо к допускавшей еще больше произвольных обобщений интерпретации ее естественного-географических предпосылок.

Фундаментом для понимания отечественной истории в целом становились события, наименее исследованные на тот момент. Обоснование исторических обобщений при помощи отсылки к столь древним моментам отечественной истории имело свои специфические результаты.

По сути дела, русскими авторами были воспроизведены не только социально-философские подходы Гизо и Тьерри, но была механически скопирована сама схема их рассуждений. Нетрудно заметить, что французские историки и отечественные авторы находились далеко не в одинаковом положении. Исследователи европейского раннего Средневековья и поздней античности могли опираться на огромный корпус письменных источников, в которых были не только зафиксированы соответствующие события, но и описаны современные

им социальные институты. Археография славянской древности гораздо беднее, да и ее исследование находилось еще в самом начале; в поистине плачевном состоянии находилась и археология, без данных которой сколько-нибудь адекватное знание славянской древности в принципе невозможно. Общие концепции российской истории зачастую оказывались самыми фантастическими спекуляциями и причина этого могла быть и не в недобросовестности их создателей⁵.

Таким образом, действительным источником восприятия цивилизационного своеобразия России становились не столько знания о ее истории, сколько ценностные ориентации тех или иных авторов и общеполитические предпосылки их мировоззрения. Это, в свою очередь, создавало такое положение вещей, при котором создатели историософских концепций не ощущали жизненной потребности в приобщении к фактическому материалу прежних традиций духовной культуры.

Рассмотрим теперь принципы рецепции славянофилами святоотеческого наследия. Включение патристики в состав отечественной культурной традиции, конечно, двусмысленно: восточные отцы церкви жили в Византии несколькими веками раньше того момента, с которого в первой половине XIX века было принято начинать отсчет отечественной истории; и все же, славянофилы без колебаний говорили об их творениях как об элементе «русской образованности».

Выше уже отмечалось, что этот сюжет обсуждается – особенно в литературе последних двух десятилетий – очень активно. Объем статьи не позволяет остановиться на его историографии; отметим лишь одну ее черту, наиболее важную, с нашей точки зрения.

Методологический принцип реконструкции взаимоотношений патристики, отечественной богословской традиции и славянофильских учений, используемый в большинстве случаев, предполагает осуществление трех стереотипных процедур: реконструкция круга философских и мировоззренческих проблем, исследуемых славянофилами (характерных для этого направления подходов и полученных им результатов и т.д.), реконструкция подходов к соответствующему кругу проблем отцов церкви и соотнесение реконструированных концепций византийских и русских мыслителей. На основании наличия в этих концепциях аналогий делается вывод о зависимости славянофильства от восточной христианской мысли.

На наш взгляд, использование такого способа исследования исторических корней славянофильства недопустимо. Само по себе наличие тех или иных аналогий в учениях тех или иных школ еще не говорит о зависимости более поздних школ от более ранних.

Справедливости ради следует заметить: упомянутые выше методологические предпосылки – антиисторичные по своему содержанию – дополняются еще одной: сторонники тезиса о зависимости славянофильства по отношению к византийской философии и богословию указывают на принадлежность и отцов церкви, и славянофилов к единой духовной традиции вос-

точного христианства. Думается, что это положение само по себе не спасает от вышеотмеченного антиисторизма: следует, на наш взгляд, не только зафиксировать принадлежность к традиции, насчитывавшей к тому времени более полутора тысяч лет, но и проследить механизмы ее видоизменения и трансляции на протяжении этого чрезвычайно длинного периода. Только в зависимости от результата, который даст такое исследование, можно будет говорить о характере преемственности явлений, находящихся на двух крайних точках пятнадцативекового отрезка времени.

Прежде чем приступить к анализу рецепции наследия отцов церкви русскими авторами 30–40-х гг. XIX века, выскажем одно положение, которое будет аксиомой для всех дальнейших рассуждений.

Любые идейные влияния одной школы на другую находят отражение в текстах мыслителей, которые принадлежат к школе, рассматриваемой в качестве объекта влияний. При этом, чем выше степень зависимости, тем более явственным должно быть это отражение. Мы будем исходить из того, что о влиянии одного мыслителя на другого можно говорить лишь в том случае, когда имеет место знакомство того, кто влияние испытывает, с учением того, кто влияние оказывает (знакомство это может быть прямым или же опосредованным). Знакомство, является условием (необходимым, а не достаточным) влияния и – если оно имело место – оно тоже прослеживается в текстах. Если тексты не дают оснований говорить о таком знакомстве, нет оснований делать вывод и о влиянии. В противном случае легко можно попасть в ту же ситуацию, в которой оказался Шеллинг во время своих знаменитых Берлинских лекций: немецкий философ упомянул влияние, которое Спиноза оказал на... Якоба Беме⁶.

Это положение является, на наш взгляд, очевидным, но оговорить его необходимо, поскольку именно зримое, текстуальное воплощение зависимости славянофильства от патристики и древнерусской книжности до сих пор, как ни странно, не привлекло внимания исследователей.

Логично предположить, что влияние богословов древности на мыслителей XIX века должно было иметь место, в первую очередь, в их богословских работах.

Автор этих строк не считает себя компетентным в вопросах богословия и его истории, да и предмет настоящего исследования напрямую с богословием не связан, поэтому позволительным представляется в вопросе о происхождении богословских взглядов Хомякова сослаться на авторитетное мнение богословов, комментировавших его теологические труды.

Ряд фрагментов Хомякова вызывает у современных комментаторов-богословов ассоциации с текстами восточных отцов церкви. Но ни в одном из случаев, когда ими такие ассоциации усматриваются, текст Хомякова не содержит каких бы то ни было ссылок на святоотеческие творения и уж тем более на древнерусских книжников. Комментатор, поясняя один из фрагментов такого рода, решается предположить, что зна-

комство Хомякова с некоторыми произведениями этой литературы «можно заподозрить», «хотя до сих пор нет никаких достоверных данных о чтении Хомяковым «Добротолубия»⁷. Заметим, что комментатор очень сдержанно определяет статус своего предположения о знакомстве Хомякова с отцами церкви («можно заподозрить»): единственное основание здесь – сравнительная близость последнего издания «Добротолубия» к периоду активного творчества Хомякова (1822 г.⁸) и сравнительная его доступность. Можно согласиться с тем, что Хомяков не мог не заметить это издание, но это соображение само по себе не только не говорит о том, насколько могут быть зависимы богословские выводы Хомякова от святоотеческих творений, но даже не дает основания утверждать о знакомстве с ними.

Даже самое поверхностное знакомство с теологическими статьями Хомякова и комментарием к ним показывает, что те фрагменты, где компетентные богословы усматривают аналогии с патристикой, содержат лишь второстепенные аргументы в пользу главных, с точки зрения самого Хомякова, тезисов, да и встречаются такие фрагменты крайне редко. Кроме того, далеко не во всех случаях аналогии такого рода говорят о соответствии взглядов Хомякова взглядам его предшественников в традиции православной мысли. Так, комментатор отмечает, что трактовка Хомяковым «умного делания» противоположна той, что принадлежит Серафиму Саровскому⁹.

Очевидно, что в деятельности Хомякова доминировали теоретические искания, а не аскеза, и освоение той же патристики должно было отразиться в текстах его работ. Резонным, с этой точки зрения, является вопрос: отчего среди многочисленных сочинений Хомякова нет ни одного, посвященного анализу писаний отцов церкви и средневековых русских авторов? Отчего ни один из его текстов не дает достоверных оснований говорить даже о знакомстве с ними?

Несколько иначе, на первый взгляд, обстоит дело с влиянием святоотеческой традиции на философские взгляды Киреевского: факт его знакомства с этой традицией и увлечения ею хорошо известен. Известно и то, что Киреевский стал одним из главных организаторов перевода и издания святоотеческих творений. При том, что корпус его работ многократно уступает по объему трудам Хомякова, этот корпус содержит гораздо большее количество упоминаний отцов церкви.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что различия не так уж велики: во всех случаях, когда Киреевский говорит об отцах церкви, его высказывания имеют характер самого общего одобрительного отзыва о них. Наличие в его программных произведениях тщательного анализа путей развития западной мысли контрастирует с полным отсутствием исследования истории мысли христианского востока.

И ситуация эта вполне объяснима. Во-первых, Киреевского в святоотеческом наследии привлекла его аскетическая практика, и его интерес к этому наследию был реализован не столько в теоретическом осмыслении,

сколько в приобщении к аскетике Оптиной пустыни. Во-вторых, Киреевский считал, что национальная философская традиция должна иметь отправную точку в действительной жизни народа. Тот факт, что Византию и современную ему Россию разделяет бесконечное расстояние, Киреевский осознавал вполне: «возобновить философию святых отцов в том виде, как она была в их время, невозможно. Возникая из отношения веры к современной образованности, она должна была соответствовать и вопросам своего времени, и той образованности, в среде которой она развилась. Развитие новых сторон наукообразной и общественной образованности требует и соответственного им нового развития философии»¹⁰.

В свете такого отношения к византийской учености, высказанного самим Киреевским, по меньшей мере странными представляются слова современного исследователя его творчества: «Киреевский преклонялся перед авторитетом Паисия Величковского, в его переводах он видел особую «паисиеву систему», когда слова при некоторой своей формальной неуклюжести наиболее адекватно передают духовный смысл»¹¹. Не является ли тезис о «преклонении перед авторитетом» слишком сильным? Если такое «преклонение» имело место, отчего нет ни единой ссылки на труды Паисия ни в программных статьях Киреевского, ни в работах, которые к печати не предназначались¹²? Заметим: все работы эти относятся именно к тому времени, когда Киреевский занимался изданием переводов Паисия, а несколько ранее и его биографии.

В жизни Киреевского увлечение патристикой сыграло очень важную роль, события, которые были с этим увлечением связаны, несомненно, воздействовали и на его мировоззрение, и на творчество. Но при исследовании его философии брать в качестве отправной точки именно это увлечение и именно эти события – ход как минимум произвольный. Так, Флоровский, который, к слову сказать, выявляет массу расхождений (даже чисто догматических) между идеологией славянофилов и патристикой, обращает внимание читателей и на другие моменты его идейной биографии, связанные, например, с принадлежностью многих окружавших его людей к масонству, а также с поиском Киреевским альтернативы Просвещению в трудах шотландской школы, с его близким знакомством с мистическими настроениями Жуковского и т.п.¹³

«Хомякову и его единомышленникам предстояло доказывать, что специфика национальной философии неизбежно связана с ее истоками: византийским богословием и книжностью Древней Руси, с учением митрополита Иллариона, Климента Смолятича, Феодосия Печерского, Максима Грека, Нила Сорского и других»¹⁴. – В работах славянофилов по философии часто можно встретить высказывания, произнесенные так, как если бы их достоверность была очевидной без каких бы то ни было доказательств. Думается, что такие суждения говорят либо о сознательном игнорировании перечисленных выше фактов, либо о слабом знаком-

стве исследователей с интерпретируемыми ими текстами славянофилов.

В процитированной выше интерпретации «специфики национальной философии», якобы присущей славянофилам, удивляет уже перечисление имен русских средневековых писателей. Тексты Хомякова и Киреевского не дают оснований даже «заподозрить» их в сколько-нибудь близком знакомстве с их творчеством, и перечислены они, очевидно, по той причине, что «рождение самобытной русской философии не могло произойти вне общерусского христианского сознания, вне православной традиции»¹⁵. Но ведь носителями «общерусского христианского сознания» и «православной традиции» были и такие писатели, как Иван Грозный, Андрей Курбский, Аввакум, Симеон Полоцкий, церковные деятели Петровской эпохи и другие авторы, творчество которых содержало осмысление интересовавшей славянофилов проблематики и в то же время дистанцировалось от патристичности и исихазма¹⁶. Думается, что редукция русской духовной культуры к этим двум явлениям свидетельствует не в пользу состоятельности приведенных выше расхожих трактовок славянофильства.

Анализ работ Киреевского и Хомякова показывает, что учение отцов церкви являлось для них своего рода ориентиром: с возможностью его актуализации в контексте проблем современного теоретического мышления и социальной практики они связывали преодоление в будущем кризиса европейской цивилизации и становление русской цивилизации как магистрального пути для всего мира.

Оценка святоотеческой традиции была ключевым моментом в деле формулирования славянофильского идеала. Эта оценка являлась и важным элементом их программы выявления новых предпосылок для дальнейшего развития философии и мировой цивилизации. Утверждать же, что эта традиция была *источником* славянофильской доктрины, что ее освоение стало отправной точкой философии славянофилов, нет ровным счетом никаких оснований, поскольку такая роль святоотеческих писаний не прослеживается в соответствующих текстах.

Чтобы проверить оправданность этого суждения, обратимся к случаю, когда отечественная религиозная мысль стала предметом изучения одного из представителей раннего славянофильства – Ю.Ф. Самарина. Именно его творчество является, на наш взгляд, наиболее показательным для выяснения того, как в славянофильстве происходила рецепция наследия православной мысли: ее многолетнее изучение Самариним документировано гораздо подробнее, чем религиозные искания Хомякова и Киреевского.

Диссертация Самарина – беспрецедентный для раннего славянофильства памятник: это единственная работа, где не только высказаны общие соображения о специфике русской мысли, но и проведено детальное исследование мировоззрения, богословских трудов и административной деятельности двух крупных отечественных мыслителей XVIII в.¹⁷

О том, как повлияло на взгляды Самарина детальное знакомство с историей православной мысли, говорит его переписка с Поповым и Хомяковым, упомянутая в предшествующем параграфе. Вскоре после окончания работы над диссертацией Самарин пришел к выводу о том, что православие, которое, с его точки зрения, является основой мировоззрения русского народа, не имеет, если исходить только из его догматики, предпосылок для того, чтобы в своем прежнем качестве существовать в будущем: «католицизм и протестантизм разорвали на две части церковь, присвоившую себе название православной, и ... ее существование, от начала призрачное, теперь кончилось. В подтверждение всему этому придет жалкое положение духовенства в России, его порабощение светской властью и страшный произвол в мнениях его представителей»¹⁸.

Излишне, видимо, доказывать, что при такой трактовке истории православия использование каких-либо положений отечественной религиозной мысли в качестве метатеоретического инструмента решения значимых для славянофильства мировоззренческих задач было, с точки зрения Самарина, невозможно. Дальнейшие перспективы православия Самарин связывал с осознанием его взаимоотношений с внерелигиозным мировоззрением: согласно его выводам, только в православии правильно решен вопрос об отношениях религии, науки и искусства; протестантизм и католицизм их, напротив, деформируют и провоцируют кризис всей христианской цивилизации¹⁹. От этого взгляда Самарин позже отошел, но главное в его исследовательской позиции не изменилось. Христианство, в том числе православное, и церковь остались одним из главных предметов его осмысления, а вот писания отцов церкви или же церковных деятелей более знакомой ему Петровской эпохи не стали для него ни источником теоретических положений, ни, тем более, непререкаемым авторитетом.

Вывод о неразрывной связи славянофильства со святоотеческой традицией и мировоззрением древнерусской книжности, как видим, чрезвычайно сомнителен. Эти традиции привлекли внимание славянофилов, но их действительное освоение дошло только до стадии создания программы их актуализации. Ничего, подобного «Столпу и утверждению истины» П. Флоренского, славянофильство на свет не произвело. К творениям отцов церкви славянофилы обратились так же, как обращались они к немецкой классической философии, т.е. в контексте решения теоретических задач, которые формулировались вне этих традиций, задач, выход на которые при нахождении в этих традициях зачастую был невозможен. И, справедливости ради, следует признать, что в содержательном плане немецкая классика воздействовала на славянофильство гораздо сильнее, чем византийская.

Выше применительно к славянофилам уже был поставлен вопрос о характере связей философских концепций 30–40-х гг. XIX в. с учениями, возникавшими на русской почве в предшествующее время. Рассмотрим теперь

этот вопрос в связи с философской ситуацией того времени в целом.

Книжность Древней Руси, как было показано выше, оказала в содержательном плане лишь незначительное влияние даже на славянофилов, в программе которых ей отводилась, тем не менее, одна из главных ролей.

Ничего странного здесь, на наш взгляд, нет: ни один из отечественных образцов философского творчества прежних веков не оказал заметного воздействия на интеллектуальные процессы 30–40-х гг. XIX в.; более того, интеллектуальное сообщество обычно их просто не замечало. Говорить об «исключительной роли» древнерусской и византийской традиций возможно лишь в том смысле, что на них, в отличие от *остального* отечественного интеллектуального наследия, обратили внимание, хотя и сравнительно небольшое.

Рассмотрим единственное исключение из этого правила, связанное с отношением в 30–40-х гг. XIX в. к философии Сковороды. Интерес к этому автору был, на первый взгляд, значительным: Сковорода – единственный из философов России, чье собрание сочинений готовилось в эти годы к публикации.

Аутентичность текстов, которые А.Ф. Хиждеу собирался издать в задуманных им сочинениях Сковороды в 6 (!) томах в 1833 г. в Одессе, является дискуссионным вопросом. На наш взгляд, мистификаторство Хиждеу не подлежит сомнению: нет никаких оснований предполагать, что совсем недавно вставший со школьной скамьи литератор (в 1833 г. Хиждеу было 20 лет) мог обладать корпусом текстов Сковороды, который должен был превосходить объем *всех* известных на сегодняшний день произведений украинского философа в несколько раз²⁰. И при этом трудно сомневаться в том, что такое издание действительно планировалось Хиждеу: о начале издания было официально объявлено, издатель известил о своих замыслах министра просвещения и рассчитывал на поддержку министерства. Вероятнее всего, Хиждеу предполагал под видом текстов Сковороды издавать какие-то свои работы (косвенно об этом говорит, что, согласно программе, шесть томов издания должны были быть дополнены седьмым, содержащим книгу самого Хиждеу «Сковорода и современное общество»; этот том, так же как и остальные, напечатан не был; кроме того, известно о поистине наполеоновских творческих замыслах Хиждеу). Однако издание не состоялось потому, что достаточное количество подписчиков не было собрано.

Хиждеу некоторое время не оставлял своей идеи популяризации творчества Сковороды. Но резонанс его статей в «Телескопе» был неожиданно слаб, если учесть популярность идеи создания самобытной русской философии. Отклик А. Краевского в ЖМНП был только добросовестным пересказом статьи Хиждеу; отклик архимандрита Гавриила в «Истории философии» был пересказом недобросовестным (без ссылки на автора оригинального текста). Ни один из представителей философского общества не проанализировал в это время ни учение Ско-

вороды, ни его интерпретацию у Хиждеу. Полемика о Сковороде, происходившая в те годы, имела узко специальный, этнографический характер и явно региональное украинское значение²¹. Единственной попыткой использовать учение Сковороды в качестве отправной точки собственного философствования было, по всей видимости, только творчество самого А.Ф. Хиждеу²².

Такая ситуация с творчеством Сковороды особенно примечательна, потому что в работах этого философа обсуждалась проблематика, интересовавшая многих авторов 30–40-х гг. XIX в. Многочисленные созвучия с учением Сковороды можно обнаружить у славянофилов и С.О. Бурачека. Что касается последнего автора, налицо были и многочисленные предпосылки для его знакомства с философией Сковороды²³. Тем не менее, это знакомство так и не состоялось: в противном случае на страницах «Маяка», испытывавшего трудности с поступлением авторских материалов, непременно появились бы соответствующие публикации, тем более, что Сковорода можно было без труда интерпретировать в духе идейной позиции журнала.

Очевидно, для освоения отечественной философской мысли прошлого в 30–40-х гг. XIX в. еще не пришло время: материал для обоснования своего мировоззрения авторы того периода были склонны искать скорее в прошлом самом далеком, дописьменном, при тогдашнем состоянии науки почти доисторическом.

Хорошо иллюстрирует такое положение вещей интерес самых разных авторов данного периода к устному народному творчеству. О нем как прообразе будущей самобытной философии любого народа говорят и архимандрит Гавриил, и С.О. Бурачек, и В.Г. Белинский²⁴, и В.Н. Майков²⁵. Очевидно, что содержание загадок, пословиц, былин и т.п. не могло быть «источником» философских взглядов любого из этих авторов. Зато предметом метамировоззренческой рефлексии этот литературный материал вполне мог стать.

Любое из направлений отечественной мысли 30–40-х гг. XIX в., как видим, не может быть отождествлено с какой-либо из предшествующих философских традиций. Причина этого не в недостатке у отечественных авторов сведений о текущей философской ситуации и об истории философии. Выявить причину такого положения вещей поможет соотнесение принципов воздействия на философию 30–40-х гг. отечественно-иностранного философского наследия.

Философское образование в России того времени существовало уже не один десяток лет, тем не менее, в творчестве авторов 1830–1840-х гг. трудно найти хотя бы самые малозначащие отсылки к наработкам их учителей и предшественников. Философская жизнь России начала XIX века и тем более века XVIII не слишком богата событиями, но все же, нельзя сказать, чтобы этих событий не было вовсе. Достаточно плодотворным оказалось шеллингианство; начало XIX в. отмечено интенсивными спорами о философии Канта; в конце XVIII в. сформировалось просуществовавшее

до начала XIX в. просветительское деистико-материалистическое направление; в русских университетах некоторое время преподавали достаточно заметные в тогдешней Европе специалисты, такие как Шад и Буле. Можно привести много примеров такого же рода.

Как показывает литература 1830–1840-х гг., из памяти философского сообщества этого времени вышеперечисленные явления уже изгладились²⁶. Воспоминание – да и то почти исключительно в ироническом контексте – сохранилось лишь о шеллингианской натурфилософии. События отечественной философской жизни двадцати – сорокалетней давности не были в это время фактором развития философского процесса.

Здесь ситуация совершенно непохожа на ту, что имела место во взаимоотношениях отечественной философии 30–40-х гг. с более поздним философским процессом.

На наш взгляд, это говорит о том, что в 30–40-х гг. XIX в. генезис русской философской традиции еще только начинался. И, если учесть это, то реконструированный выше характер рецепции отечественных философских традиций в России в интересующее нас время выглядит уже как вполне типичный.

Заметим также, что генезис этой традиции не был процессом порождения более поздних его стадий более ранними. Активной стороной в нем были сами авторы 30–40-х гг. XIX в., ставившие современные им вопросы перед более ранними традициями. Содержание их концепций явилось, таким образом, результатом интеллектуального творчества, а не трансляцией неких инвариантов мировоззрения, свойственных национальной культуре.

Русская философия в указанный период переживает переломный этап своего развития²⁷. И на этом этапе внутренние по отношению к самой философии детерминанты ее развития играют роль, второстепенную по сравнению с детерминантами внешними. Развитие философского процесса определяется прежде всего осмыслением его участниками современных им социально-мировоззренческих реалий. Достижения же более ранних ступеней развития данного процесса приобретают статус элементов теоретического кругозора, что и позволяет мыслителям совершать перелом, в смысле перехода к качественно новому состоянию философии внутри отечественной интеллектуальной жизни в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сжатое и в то же время чрезвычайно детальное изложение этой концепции Погодина см.: **Погодин М.П.** Параллель русской истории с историей западных европейских государств относительно начала // Москвитянин. – 1845 – № 1.

² Так, на первых же страницах своего учебника он прямо говорит о том, что для понимания дальнейшей русской истории ответ на все эти вопросы не имеет значения. – См.: **Погодин М.П.** Начертание российской истории для гимназий. – М.: Типография Моск. ун-та, 1835.

³ См.: **Хомяков А.С.** Записки о всемирной истории // А.С. Хомяков. Полн. собр. соч. – М., 1900. – Т. 5–7.

⁴ Там же.

⁵ Примером этого может служить уже упомянутый выше Н.В. Савельев: даже такой критик, как А.Н. Пыпин, говоря о его

трудах с плохо скрываемой издевкой, вынужден – на сей раз совершенно серьезно – признавать большие познания Савельева и обширную фактическую базу его концепции. См.: **Пыпин А.Н.** История русской этнографии. – СПб., 1890. – Т. 1.

⁶ Факт, отмеченный многими современниками, слушавшими лекции; из русских слушателей этот факт упоминается, например, Одоевским. – См.: **Сакулин П.Н.** Из истории русского идеализма. Князь Одоевский. Мыслитель-писатель. – М., 1913. – Т. 1, ч. 1. – С. 383.

⁷ Примечания // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. – М.: Медиум, 1994. – С. 370.

⁸ Возможностей для знакомства с «Добротолюбием» у Хомякова, в действительности было даже еще больше: кроме упомянутого комментатором издания 1822 г., «Добротолюбие» выходило в свет еще в 1832 г., в 1847 г. вышла книга «Житие и писания старца Паисия Величковского». См.: **Паисий Величковский** // Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. – СПб., б.г. – Т. 14.

⁹ Примечания // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. – М.: Медиум, 1994. – С. 348. На аналогичные расхождения И.В. Киреевского с учениями отцов церкви также есть указания в литературе. – См. напр.: **Аулова Е.П.** Проблема синтеза восточной и западной культур под эгидой православия – исходный пункт историософии Киреевского // Оптина пустынь и русская культура: Тез. докл. конференции. – Калуга, 2000.; историософия Киреевского вызывает, по мнению этого автора, ассоциации со взглядами Максима Исповедника, но свидетельствуют эти ассоциации о переосмыслении Киреевским учения византийского богослова. Заметим, что и здесь, говоря о близости взглядов двух мыслителей, автор не отсылает читателя к сопоставлению каких-то конкретных текстов.

¹⁰ **Киреевский И.В.** О необходимости и возможности новых начал для философии // Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – С. 322.

¹¹ **Гвоздев А.В.** Концепция цельного духа И.В. Киреевского как реминисценция мистико-аскетической традиции православия // Оптина пустынь и русская культура. – С. 37.

¹² Рамки статьи не позволяют провести необходимое текстологическое исследование всего корпуса трудов Киреевского; по этой причине сошлемся на именной указатель к одному из последних переизданий избранных сочинений Киреевского (**Киреевский И.В.** Разум на пути к истине. – М.: АСТ-Пресс, 2002.) В сборнике дана довольно репрезентативная картина творчества Киреевского; кроме программных статей в нем приводится переписка со старцем Макарием, избранные письма единомышленникам, принадлежащим к славянофильскому кругу, и дневниковые записи. Паисий Величковский упоминается Киреевским исключительно в переписке с Макарием и в дневнике, относящемся ко времени работы Киреевского над переизданием перевода Величковского.

¹³ См.: **Флоровский Г.** Пути русского богословия. – Киев.: Христианское братство «Путь к истине», 1991.

¹⁴ **Благова Т.И.** Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. – М.: Высшая Школа, 1995. – С. 65.

¹⁵ Там же. С. 62. Заметим, кстати, что концепция «национальной» философии, которая вырастает из исторического прошлого и поставленных им духовных задач цивилизации данного народа, не является специфически славянофильской, более того, такой взгляд на философию уже в начале 40-х гг. XIX в. представлялся некоторым банальностью, набившей оскомину, хотя и безусловно неоспоримой. Ср. с отзывом на статью И.И. Давыдова (**Давыдов И.И.** Возможна ли у нас германская философия? // Москвитянин. – 1841. – № 4.) одного из корреспондентов М.П. Погодина: «у нас должна быть своя философия, осадок пережитой, так сказать, народной умственной жизни. Это не новость, кроме того, такого рода вещи можно говорить natoшак, не читавши ни единой философской книги» (Цит. по: **Сакулин П.Н.** Из истории русского идеализма. Князь Одоевский. Мыслитель-писатель. – М., 1913. – Т. 1, ч. 1. – С. 368.)

¹⁶ Сопоставление славянофильства с этими течениями русской мысли в современной литературе представлено слабо. О том, что предпосылки для такого сопоставления имеются, говорит исследование О.В. Парилова. (См.: **Париллов О.В.** Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания. – Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2000.)

¹⁷ Диссертация Самарина представляла собой солидную по объему монографию (См.: Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Сочинения. – М., 1880. – Т. 5). Хотя на защите рассматривался весь текст, опубликована – отчасти по цензурным соображениям – лишь ее третья, заключительная часть. Работа не ограничивалась анализом творчества Яворского и Прокоповича: ее главной задачей было соотнесение мировоззрений православия, католицизма и протестантизма (с которыми полемизировали русские богословы). О фундаментальности работы свидетельствует привлеченный ее автором огромный исторический материал; история богословия не была предметом постоянных занятий Самарина после защиты магистерской, но наработки, сделанные в этот период, позволили ему уже гораздо позже откликнуться на инвективы иезуита о. Мартынова циклом статей – а по существу, еще одной капитальной монографией – об иезуитском ордена. (Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России // Сочинения. – Т. 5). О резонансе диссертации Самарина в современном ему русском обществе говорит отзыв Чаадаева – человека, вряд ли имевшего пристрастие в пользу славянофильского направления. (См.: Чаадаев П.Я. Письмо к Тургеневу А.И. VI. // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. – М.: Наука, 1991. – Т. 2).

¹⁸ Цит. по: Самарин Д. Данные к биографии Ю.Ф. Самарина за 1840–1845 гг. // Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М., 1880. – Т. 5. – С. LXIV.

¹⁹ «Итак, религия должна быть признана за вечно-присущий момент в развитии духа, но высшим моментом является философия, которая однако не упраздняет религии – таков был взгляд, к которому привело Самарина изучение Гегеля». (Самарин Д. Данные к биографии Ю.Ф. Самарина за 1840–1845 гг. // Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М., 1880. – Т. 5).

²⁰ О проблеме аутентичности текстов, которые Хиждеу приписывал Сквороде см., напр.: Барабаш Ю. «Знаю человека...» Григорий Скворода: поэзия, философия, жизнь. – М.: Правда, 1989.

²¹ См., напр.: Срезневский И.И. Выписки из писем Гр. Сав. Сквороды // Молодик на 1844 г. – Харьков, 1845.

²² Хиждеу было написано несколько книг: «О цели философии» «Задача нашего времени» «История славянской философии».

(Об этом см.: Иванько И.В. Молдавско-русско-украинские литературные связи в первой половине XIX века // Очерки по истории молдавско-русско-украинских философских связей XVII–XX вв. – Кишинев: Наука, 1977.). Ни одна из этих работ не опубликована; по утверждению издателей сочинений Хиждеу (1986), его рукописи, хранящиеся в Республиканском Музее литературы в Кишиневе с момента передачи в архив не исследовались. (О неопубликованных работах Хиждеу и ситуации с исследованием его рукописных фондов см.: Очерки молдавско-русско-украинских литературных связей (с древнейших времен до середины XIX века). – Кишинев: Наука, 1978.)

²³ Бурачека связывала дружба с писателем Г.Ф. Квиткой-Основьяненко, семья которого в свою очередь дружила со Сквородой (См.: Квитка // Русский писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Российская энциклопедия, 1992. – Т. 2.). Другой близкий друг Бурачека – литератор И.Г. Кулжинский также владел сочинениями Сквороды (См.: Хиждеу А.Ф. Избранное. – Кишинев: Искусство, 1986. – С. 147). О Хиждеу Бурачек мог слышать от И.И. Срезневского, который был постоянным автором «Маяка»; кстати, упомянутая выше статья Срезневского также приходится на период его сотрудничества в «Маяке» и т.д.

²⁴ Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 5.

²⁵ См.: Майков В.Н. А.В. Кольцов. Стихотворения // Собр. соч. – Киев: 1902. – Т. 1.

²⁶ Характерный пример – преподавание И.Г. Буле. Среди его учеников были такие заметные в 1830–1840-х гг. авторы, как Чаадаев и И. Давыдов (См.: Хлопников А.М. Философское наследие профессора Московского университета И.Г. Буле / Историко-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1997.). Ни один из этих авторов не использует наследие Буле; как самостоятельный теоретик он был забыт уже своими непосредственными учениками.

²⁷ Концепция переломных этапов в истории философии сформулирована В.П. Гораном. – См.: Горан В.П. Переломные этапы истории европейской философии // Философия науки. – 1999. – № 1–2.

*Новосибирский государственный
театральный институт*

О.А. ДОНСКИХ

ПРОСТАЯ МАГИЯ ФИЛОСОФИИ

Вершиной синтеза философии и литературы стало творчество таких корифеев русской культуры, как Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Их философия и по сей день остается влиятельным фактором не только русской, но и в мировой культуры.

*Из программы курса
«История русской философии» МГУ*

Две беспредельности были во мне,
И мной произвольно играли оне.

Ф.И. Тютчев

Философия без берегов

Леонгард Турнейсен, лейб-медик Бранденбургско-курфюрста, в своей классификации магов указывал: «Следующими по рангу являются те маги, которые понимают кое-что в философии, как например доктор Фауст, или долговязый поп из Зальцбурга, или камюцкий монах, и могут (по их словам) силой своего колдовского искусства превратить все, что человек держит в

руках, в нечто иное, а также доставить в назначенный час и в условленное место любое известное лицо, как бы далеко оно ни находилось, да и сами они могут мгновенно переноситься, куда им только заблагорассудится. Могут они, кроме того, так рассказать все, что говорилось о них в их отсутствие, как если бы они сами присутствовали при разговоре и слышали его, и еще они могут, подобно волхвам фараоновым (Исход 7,8,9), превращать и изменять все, что угодно»¹.

Обратим внимание, что под «философией» здесь понимается способность превращать и изменять все, что угодно. Перемещать людей в пространстве и времени. Если принять такое понимание философии, то доктор Фауст, конечно, гораздо больше философ, чем, скажем, Кант. Ректор Кенигсбергского университета Кант не умел переноситься в мгновение ока из Гальберштадта в Любек или расплачиваться талерами, которые через несколько дней обращались в мусор, да он бы и не позволил себе это делать, потому что практический разум ставил выше чистого. А маг-философ Фауст умел и никакой моралью долга не стеснялся. Если обобщить сказанное, то окажется, что под философией в первую очередь понимается не размышление, а практическое умение делать что-то необычное.

Пример с доктором Фаустом нужен мне для того, чтобы поставить вопрос о границах философии, который и будет предметом дальнейшего обсуждения.

Есть расхожее мнение, что Толстой был великим художником и слабым философом. Л. Шестов высказывает идею, что «смысл всей философии «Войны и мира» в том и заключается, что человеческая жизнь находится за пределами, поставляемыми нам всю совокупностью имеющихся в языке отвлеченных слов»². Далее он поясняет свою мысль, говоря, что философия Толстого выразилась в художественных образах. «Разве пребывание в плену Пьера, старческая прозорливость Кутузова, трагическая смерть кн. Андрея, ... разве все это, с такой законченностью и яркостью изображенное гр. Толстым, не включает в себя «вопросы» о свободе воли, о Боге, нравственности, историческом законе?»³ И еще: «Гр. Толстой в «Войне и мире» – философ в лучшем и благороднейшем смысле этого слова, ибо он говорит о жизни, изображает жизнь со всех наиболее загадочных и таинственных сторон ее»⁴. И еще цитата: «“Война и мир” – истинно философское произведение; в ней граф Толстой допрашивает природу за каждого человека, в ней преобладает еще гомеровская или шекспировская «наивность», т.е. нежелание воздавать людям за добро и зло, сознание, что ответственность за человеческую жизнь нужно искать выше, вне нас»⁵.

Шестов достаточно четко определяет задачи философии (в отношении художника, а не академического философа). Из процитированного легко выделить критерии философии по Шестову: 1) рефлексивность, или, иначе говоря, позиция над добром и злом, т.е. позиция не судящая, а размышляющая (в противоположность проповеди); 2) обсуждение традиционного набора так называемых «философских» проблем – о свободе воли, Боге, и т.д.; 3) способность говорить о жизни с наиболее загадочных сторон, т.е. открывать новые аспекты жизни и вовлекать их в сознательное обсуждение по отношению к жизни как таковой, *ко всем сторонам* ее.

Сразу нужно заметить, что выбранные критерии являют собой вполне общепринятое представление о философии – рефлексивность, и набор ключевых проблем, на которые а) невозможно дать окончательный ответ,

и б) обсуждение каждой из которых требует определенного понимания бытия как целостности. Относительно загадочных и таинственных сторон сложнее, но, по-видимому, можно переформулировать так: философия берет жизнь *в целом* как загадку. Правда, остается одно недоумение – как же возможна философия вне слов. Пока просто замечу, что и сам Шестов ведь не случайно формулирует идеи именно с помощью абстрактной лексики, а не пишет картину или рассказ по поводу своих мыслей о Толстом. Он даже не выражает их в танце. Ведь только когда идеи сформулированы, становится понятно, что в художественных образах заключена философия. А не наоборот. Причем – и это принципиально – Шестов приходит к выводу, что там, где Толстой философствует традиционным образом (т.е. выражает мысли с помощью абстрактной лексики), он говорит или нечетко и плохо, как в «Эпilogue» к «Войне и миру», или уходит в проповедь, которая оказывается чем-то существенно отличным от философии как таковой. Потому что Толстой здесь не анализирует, а учит, занимая позицию судящую, а не размышляющую.

Итак, по Шестову, на словах Толстой философствует плохо, а с помощью образов хорошо. Да еще так хорошо, что это философствование можно называть, как это делают на философском факультете МГУ, «вершиной синтеза философии и литературы». А что, собственно, Толстой говорит в области философии о свободе воли, о Боге, об историческом законе? Да ничего особенного, такого, что можно было бы считать серьезной философией. Он говорит, что попытка понять историю приводит к абсолютному фатализму по той причине, что исторический процесс движется совокупностью воли всех действующих субъектов, т.е. всех людей, и поэтому он в принципе неопределим. Эту позицию можно принять, она понятна⁶, но она исключает всякое развитие. Шестов показывает, как своей идеей Бога, отождествленного с добром, Толстой в своих проповеднических и считающихся собственно философскими произведениях, убивает искусство, а вместе с ним жизнь. Т.е. он своей страстью свести все к простым до примитивности формулам убивает философию и, соответственно, перестает быть философом.

Если продолжить мысль Шестова о философии художественных образов, то, конечно, есть философия и в образах великих живописцев. Своей картиной «Христос в гробу» Гольбейн задолго до конца XIX в. не менее убедительно, чем Ницше, заявляет, что Бог умер. И тогда Пикассо занимается философией, когда многократно переписывает «Менины» Веласкеса. Он рефлектирует над этой картиной, «философствует». Об иконописи как об умозрении в красках говорит Е. Трубецкой в своих знаменитых статьях. Но умозрение, мировоззрение, рефлексия – обязательно ли это философия? Ведь если мы принимаем философию в таком качестве, то она растворяется в искусстве, религии, науке и оказывается лишь одним из аспектов этих форм общественного сознания. И критерии ее теряются.

Поэтому и получается так, что философские заслуги Толстого оцениваются настолько по-разному, что все их мнения в принципе не пересекаются.

Так, Н.О. Лосский показывает, что философия Толстого такой в собственном смысле считаться не может. Он утверждает, что важнейшая философская заслуга автора «Войны и мира» – призыв к бытовой демократии. Но этот призыв Лосский философствованием не считает. Для Лосского философ – это человек, способный увидеть высший план бытия: «...Художник видит мировую целостность в конкретных содержаниях живого бытия, а мыслитель видит мировое целое через очки отвлеченных понятий, бесплотных схем. ... Художественное видение есть не только эстетическое *созерцание*, но и *постижение* мира, не рефлексивное, а непосредственное...»⁷. В конечном итоге истинно философское понимание мира обязывает исследователя «путем рационального мышления прийти к познанию сверхрациональных основ бытия»⁸. Но Толстой не увидел за внешней оболочкой мира ничего. Следовательно, его нельзя отнести к философам.

В.В. Зеньковский, наоборот, ценит Толстого за то, что ни Шестов, ни Лосский философией не считают. Он говорит (выделяя эти слова особенно), что Толстой стал «проповедником и пророком возврата к религиозной культуре»⁹. Если проповедником – значит уже не философом. В отличие от Лосского Зеньковский утверждает, что огромное философское значение Толстого состоит именно в его «призыве к построению культуры на религиозной основе»¹⁰. Почему «призыв» оказывается философией, остается непонятным.

Для Э. Радлова Толстой – западник, в противоположность славянофилу Соловьеву. Главная проблема Толстого – проблема жизни, у Соловьева – проблема смерти. И дальше идут замечательные по своей откровенной нелепости рассуждения. Радлов говорит о Толстом, что «...на основные философские вопросы у него нельзя найти ясного и точного ответа. Он верит в Бога, но отрицает в нем все определения; однако в то же время говорит о его благодати и т.д. Неопределенны и представления Толстого о душе и бессмертии...»¹¹. А показав эти противоречия, Радлов говорит: «Но в сущности вопросы чисто философские, теоретические, мало интересуют Толстого, поэтому легко отыскать противоречия в его мировоззрении, но это труд бесполезный»¹². Для Радлова очевидно, что раз Толстой великий писатель, он не может не быть философом. И причина здесь совершенно ясна: она лежит в отождествлении философии и мировоззрения.

И сейчас нет единого мнения в оценке Толстого-философа. А.Д. Сухов пишет: «Философично в значительной своей части и его литературное творчество. Помимо суждений о сущности жизни, предназначении человека, ходе истории, выраженных в художественной форме, произведения его (не только «Война и мир») содержат немало философем – в виде афоризмов, вставных фрагментов»¹³. И дальше говорится о том, что Толстой интересовался философией всю жизнь, что Толстому рано оп-

ротивела жизнь привилегированного круга, что он любил мужика, что возненавидел насилие и отождествил религию и нравственность, что нельзя противиться злу насилием (но последовательно провести это учение ему не удалось), что, согласно Толстому, искусство должно служить народу, а не обслуживать верхушку общества. Непонятно только одно: где здесь философия? Получается, что любое высказывание общего порядка, вроде «труженик лучше лентяя» или «чтобы жить, человек должен работать», нужно однозначно относить к философии. Происходит отождествление философии с любыми высказываниями общего порядка.

Нет, конечно же, Толстой не философ. Он резонер и проповедник. Особенно в своей проповеди непротивления злу насилием. Это и не систематическая философия по немецкому образцу, но это и не философия жизни, потому что в том виде, в каком эта проповедь ведется Толстым в его сочинениях, она убивает мысль. (Справедливости ради нужно сказать, что сам Толстой был, конечно, много интереснее своей проповеди. В.В. Розанов писал: «Все было высокопоучительно... Так много нового было и в движениях его мысли, и так было ново, поучительно и любопытно наблюдать его. Учился и из слов и из него. Он не давал впечатления морали, учительства, хотя, конечно, всякий честный человек есть учитель, – но это уже последующее и само собою. Я видел перед собою горящего человека, ... бесконечным интересующегося, бесконечным владевшего, о веренице бесконечных вопросов думавшего»¹⁴.) Более того, сам Толстой в «Эпизоде» к «Войне и миру» сказал потрясающую фразу: «Если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, – то уничтожится возможность жизни». Но он же, понимая невыразимость жизни, как никто другой, пытался свести эту жизнь к примитивным формулам.

Из вышесказанного видно, что оценка того, является ли писатель философом, определяется каждым автором по-разному в зависимости от критериев. Но во всех случаях, когда делается попытка определить Толстого как философа, требуется серьезное насилие над понятием философии вплоть до его полного обесмысливания. Понятие философии размывается либо до понятия мировоззрения вообще, либо до любого общего утверждения, либо философия растворяется в образах искусства.

Это очень странная ситуация. Получается, что есть философия, которая стоит над определениями, как Платон, – ему не нужно определений, его работы есть философия *per se*. И есть философия, которая зависит от понимания каждого: и тогда можно философски летать из Гальберштадта в Любек, философски призывать к построению культуры на религиозной основе или к бытовой демократии, или доказывать, что искусство только тогда искусство, когда оно полезно, как витамин С; или говорить о философии художественных образов и считать философией мертвого Бога Гольбейна. Это философия без берегов. Но есть систематическая философия немецких классиков и образно-тематизирующие откровения экзистенциалистов. И это разные традиции. Можно найти

оба этих способа философствования у Платона. Поставим здесь многоточие и обратимся к Достоевскому.

За пределами сферы существующего

С Достоевским неуютно. Насколько тепло и душевно с Гончаровым или Тургеневым, настолько же прохладно и беспокойно с Достоевским. Как будто стоишь на сквозняке и негде спрятаться. Но при этом чувствуешь, что тебя вытолкнули на этот сквозняк с какой-то целью, для того чтобы ты открыл что-то для себя. Ты сопротивляешься, но любопытство и странная затягивающая сила заставляет тебя терпеть, и ты обнаруживаешь, что это состояние становится для тебя все важнее и важнее.

Если в этом отношении сравнивать Достоевского с Толстым, то возникает чувство, что из дома ты попал на улицу, по которой мимо тебя проходят, пробегают странные, исковерканные жизнью и собственными страстями люди. Они останавливаются перед тобой и начинают выворачивать душу, то вдруг начинают издеваться и над собой, и над другими... При чем здесь философия? Но в то же время ее присутствие явно ощущается.

Я думаю, что ключ к ответу скрыт именно в метафоре выхода из дома на улицу и попробую это показать.

Мир Толстого – это яркий и красочный мир четко определенных, до иллюзии реальности, достоверных образов, размещенных в ясно обрисованном пространстве и времени. И все его герои осознанно (как Левин) или неосознанно (как Николай Ростов) стремятся занять в этом пространстве и времени свое четко определенное место. Они знают, что это непросто, потому что в мир может ворваться смерть (Иван Ильич) или страсть (Анна Каренина), и это ведет к разрушению их мира. Но мир как целое, законченное и отгороженное от бесконечности выживает, несмотря ни на что.

В мире Достоевского нет этих четких границ. Невозможное, немислимое, бесконечное находится в нем и может в любой момент разорвать (разрывает) хрупкую ткань привычной жизни. Вот как это происходит в самом, наверное, поэтическом произведении писателя – «Петербургских сновидениях в стихах и прозе»: «И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были странные чудные, фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколочки двигались, а он хохотал и всё хохотал»¹⁵. Или в «Идиоте» Достоевский говорит о красоте Настасьи Филипповны: «Это необыкновенное по своей красоте и еще по чему-то лицо сильнее еще поразило его теперь. ... Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!»¹⁶ *Невыносимая* красота – это не красота тургеневских героинь или красота Элен в «Войне и

мире». *Это реальное присутствие невозможного в нашем мире*. И эта невыносимая, невозможная красота становится той силой, которая движет людьми. Князь Мышкин переживает состояние, которого быть не может, но он-то его переживает: «Ощущение жизни, самосознания почти удесятерились в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом; все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствием той окончательной секунды (никогда не более секунды), с которой начинался самый припадок. Эта секунда была, конечно, невыносима»¹⁷. *Невыносимая* секунда, которую приходится выносить, чтобы ощутить высший покой и гармонию. Кириллов в «Бесах» говорит Шатову: «... Бывают с вами ... минуты вечной гармонии? ... Есть секунды, их всего зараз проходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда»¹⁸.

Нет настоящей грани между сном и действительностью, об этом размышляет князь Мышкин: «Почему ... пробудясь от сна и совершенно уже войдя в действительность, вы чувствуете почти каждый раз, а иногда с необыкновенною силою впечатления, что вы оставляете вместе со сном что-то для вас неразгаданное? Вы усмехаетесь нелепости вашего сна и чувствуете в то же время, что в сплетении этих нелепостей заключается какая-то мысль, но мысль уже действительная, нечто принадлежащее к вашей настоящей жизни, нечто существующее и всегда существовавшее в вашем сердце ...»¹⁹. То же чувство у Тютчева: «Земная жизнь кругом объята снами». И так же сквозь сны и ночную явь в нашу жизнь входит нами же созданный хаос²⁰. Здесь удивительное совпадение поэта и писателя.

И, конечно, в этом мире Достоевского обязательно присутствует вечный покой, абсолютная гармония, т.е. Бог (ситуация, невозможная по определению, потому что *вечный* покой отрицает *время*). Степан Трофимович («Бесы») перед смертью говорит: «Мое бессмертие уже потому необходимо, что бог не захочет сделать неправды и погасить огонь раз возгоревшейся к нему любви в моем сердце. И что дороже любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил Его и обрадовался любви моей – возможно ли, чтоб он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть бог, то и я бессмертен!»²¹ В «Братьях Карамазовых» старец Зосима говорит о чувстве бесконечного, пронизывающего конечное: «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и возрастил

сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе». «Бог здесь, Он во мне, во всем, что рядом со мной»²². Количество цитат можно легко умножить. *Человек переживает то, что пережить нельзя*. Он живет рядом с тем, с чем жить нельзя. Он ощущает бесконечность, которую, в принципе, нельзя ощутить.

Конечно, рядом с бесконечным неуютно. Можно обустроить свой мир, если закрыть его. Для этого нужно представить Бога как нравственность, сведенную к набору самых простых и добрых правил. Но в принципе нельзя обустроить мир, если он открыт во все стороны, и ты не понимаешь, почему ты здесь и почему бесконечно добрый Бог допускает страдания невинных. Достоевский ощущает парадокс присутствия Бога в нашем мире не менее остро, чем Тертуллиан («Сын Божий распят; нам не стыдно, ибо полагалось бы стыдиться. И умер сын Божий; это вполне достоверно, ибо ни с чем несообразно. И после погребения он воскрес; это несомненно, ибо невозможно»²³). Парадокс рождает удивление, а удивление требует осмысления ситуации. Достоевский не боится парадокса и продумывает его до конца, в отличие от Толстого, который, открыв парадокс невозможности разумного постижения жизни, тут же пытается задавать плоские формулы. Но для того, чтобы увидеть бесконечное в жизни, надо выйти за пределы жизни. Достоевский движется в этом направлении. Собственно философия как метафизика начинается с Парменида, с категории бытия. Но ее можно было сформулировать, лишь поднявшись над бытием. А это вопрос о рефлексивной позиции.

Существует несколько уровней рефлексии. Можно рефлексировать внутри некоего очерченного мира, задавая аспекты перемещением Я из одной точки в другую и выстраивая отношения между ними. Но совершенно другое качество возникает с принятием идеи единого стоящего над всем Бога. Я, отождествляя себя с Ним, прорывается к идеям вечности и бесконечности. Лишь через отождествление себя со всем Я обнаруживает свою неизбыточную конечность.

Позиция над бытием – это, конечно, *contradictio in objecto*. Можно стать над бытием, только если оно продолжено, потому что иначе оказываешься в ничто, которое не существует. Это в свое время обнаружил Мелисс. И сразу разрушил неподвижный, определенный мир Парменида. А Достоевский разрушает любой возможный уютно очерченный мир, потому что поднимается над ним, и, как только появляется определенность, тут же отстраняется и попадает в новую неопределенность.

Созидание через разрушение?

Немецкий философ Р. Лаут, попытавшийся решить невозможную задачу – систематически изложить философию Достоевского – цитирует такие слова Р. Гварди-

ни о писателе: «Быть может, самая загадочная его способность состояла в том, что ему удавалось представить в человеческом бытии внечеловеческое, нечеловеческое, внешне- или сверхчеловеческое существование, причем выраженное не фантастически, как это делали многие романтики, а в образе человека, который стоит здесь, который создан как действительно данный индивид, который живет, действует, у которого своя судьба»²⁴. Речь идет здесь о человеческом бытии, а не о бытии вообще, но ведь у нас нет и другого способа увидеть бытие вообще как только в рамках индивидуального человеческого бытия. Особенность Достоевского заключается в том, что он делает индивидуальный мир любого человека своим и взрывает его изнутри логикой выхода в запредельное. Один из самых глубоких исследователей творчества Достоевского К. Мочульский пишет, что писатель открыл бесконечность работая уже над ранними произведениями: «Нечто «безобразное и неумолимое» стоит на пороге сознания и готово вторгнуться в наш «разумный мир». Это нечто не существует и в то же время может осуществиться в любую минуту, стать перед человеком как «неотразимый факт». Оно – ничто, но оно есть; небытие, но существует; темная бездна, перед которой изнемогает рассудок, но которую чует сердце. Небытие – самый мучительный кошмар Достоевского; он преследует его героев: Свидригайлова, Ставрогина, Версилова, Ивана Карамазова. Чтобы избавиться от этого призрака, писатель ищет *мистической реальности*, подлинного бытия»²⁵. Мистическая реальность – это бесконечная реальность, взятая как конечное, как целое, реальность, радостно воспринимаемая нами вместе с Богом. Но человек боится этой реальности, боится вступить в нее, потому что боится потерять свое Я. Он знает, что должен потерять его, чтобы увидеть бесконечное целое мира и стать его частью. Это и манит, и пугает. Так же у Тютчева (о льдинах):

Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли оболыщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не таково ль судьба твоя?²⁶

Достоевского отличает от Толстого его способность к *безостановочной рефлексии*, постоянно влекущей его за пределы осознанного бытия. Поэтому у него совершенно отсутствует та черта, которая так сильна в Толстом, – учительство, резонерство. Достоевский развивает любую поднятую им тему не до того логического конца, когда можно закончить рассуждение определенным тезисом, а до того пункта, когда обнаруживается, что принятие одного утверждения тут же влечет за собой принятие противоположного, что принятие тезиса влечет принятие антитезиса, и наоборот. *Тем самым он преодолевает и саму религию*. Например: «...человек стремится на земле к идеалу, *противуположному* его натуре. Когда человек

не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил *любовью* в жертву своего я людям или другому существу ... он чувствует страдание ... человек непрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновешивается райским наслаждением исполнения закона, то есть жертвой»²⁷. Здесь парадоксально и противоречиво все: наслаждение состоит в страдании и жертве, развитие личности, т.е. Я, должно дойти до своего отрицания. Рай у Достоевского не просто окружен болью, как говорил Мухаммед, но он растет из боли.

Герои Достоевского, в подражание своему создателю, очень озабочены решением важнейших вопросов, связанных с базовыми ценностями их существования. Теории прямо формулируются героями его романов, и обнаруживается, что нет никакой грани между героями и их трактатами – все вплетено в одну художественную ткань. Теоретическое становится неотъемлемой частью художественного. У Достоевского не герои романов являются ходячими концепциями, как в плохой литературе, а, напротив, концепции становятся героями, оказываясь участниками художественного действия.

Вот, например, Кириллов и Шигалев. Даем слово первому: «Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит ... Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог ... Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен смочь убить себя ... Вся свобода будет, когда будет все равно, жить или не жить»²⁸. Чтобы человечеству жить дальше, каждый человек должен убить себя. Свобода парадоксальным образом реализуется для Кириллова в ситуации, не порождающей выбора. Его мучает Бог, но при этом он убивает себя, потому что без Бога он не может жить. Значит, он делает выбор, но тем самым доказывает только то, что не свободен и что мысль оказалась сильнее, чем он сам. Шигалев – автор системы, которая строится на парадоксе: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»²⁹. Мысль двоится и троится: свобода трансформируется в деспотизм, который раскалывает общество на две неравные части, чтобы люди утратили то, что делает их людьми и ради свободы стали рабами.

Следует оговориться, что рефлексия сама по себе еще не создает философии. Великая литература рефлексит по поводу общественного сознания, создавая типы «лишних людей», обломовых со штольцами и дон-кихотов. И на этом же уровне можно говорить, что живопись и скульптура также путем рефлексии создают обобщенные образы богов и людей. Это рефлексия, но это еще не философия. Здесь нужна не просто рефлексия, а которая выходит на уровень бесконечности и вечности, когда Я обнаруживает в себе Бога и становится на грань исчезновения, растворения в существующем; и, кроме того, рефлексия должна выражаться в понятиях. Результат процесса рефлексии можно фиксировать в словесных формулах.

Если обратиться к истокам, то легко заметить, что по первому признаку (рефлексии, открытой в бесконеч-

ность) античная философия действительно не отделяла себя от пророков и художников слова: Гомер, Гесиод, Акусилей, Софокл и другие рапсоды, пророки и трагики обычно упоминаются в одном ряду с теми, кого мы называем собственно «философами». Выход же философской рефлексии к беспредельному и божественному как принципиально важный признак также совершился в самом начале. Уже Фалесу Диоген Лаэртский приписывает такие изречения: «Древнее всего сущего – бог, ибо он не рожден... Больше всего – пространство, ибо оно объемлет все...»³⁰.

И признак необходимости выражения общего именно в словах все более четко маркирует философию в процессе ее становления. К этому можно добавить тот факт, что именно философы придумали много слов для обозначения отрелектированных ими понятий здесь и «логос» Гераклита, и «атом» Демокрита, и «идея» Платона...

Религия и философия связаны между собой как все формы общественного сознания, но философия становится философией только тогда, когда она становится в особую позицию по отношению к религии, так же, как и по отношению к литературе. При этом от литературы (изначально от мифа) она принимает традицию осмысления действительности, а от религии возможность встать в позицию абсолютной рефлексии.

Что же касается критериев философии, то Достоевского отличает от Толстого и приближает к античным философам его рефлексия, во-первых, не отталкивающая себя от бесконечности, а принимающая ее и благодаря этому принимающая позицию Бога, позицию над бытием, и, во-вторых, рефлексия, прямо выражающая себя в понятиях.

Возвращаясь же к определению философии, можно утверждать, что она принципиально не совпадает ни с практикой преобразования реальности, ни с мировоззрением, ни с литературой, даже великой, ни с искусством, ни с религией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Легенда о докторе Фаусте. – М., 1978. – С. 21.

² Шестов Лев. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше. Философия и проповедь. – СПб., 1900. – С. 74.

³ Там же. – С. 75.

⁴ Там же. – С. 76.

⁵ Там же. – С. 77.

⁶ Как и другие ясно сформулированные тезисы Толстого, например, искусство должно быть полезно народу, так это понимал и Н.С. Хрущев.

⁷ Лосский Н.О. Толстой как художник и как мыслитель. – М., 1928. – С. 2.

⁸ Там же. – С. 3.

⁹ Зеньковский Василий. История русской философии. – Харьков; М., 2001. – С. 382.

¹⁰ Там же. – С. 388.

¹¹ Радлов Э. Очерк истории русской философии // Общая история философии. – СПб., 1912. – Т. 2. – С. 261.

¹² Там же.

¹³ Сухов А.Д. Философ ли Толстой? // История философии. – № 4 / РАН (http://www.philosophy.ru/iphrras/library/i_ph_4/index.html).

¹⁴ Цит. по: Сухов А.Д. Указ. соч. – С. 6.

¹⁵ Если не указано иное, все цитаты Достоевского даются по изданию Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. – Т. 3. – С. 487.

¹⁶ Т. 6. – С. 83.

¹⁷ Там же. – С. 227.

¹⁸ Т. 7. – С. 550.

¹⁹ Т. 6. – С. 454–455.

²⁰ См.: Донских О.А. «Вслушиваясь в гулкую тьму ушедшего (Тютчев о Хаосе)» // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4.

²¹ Т. 7. – С. 618–619.

²² Т. 9. – С. 360.

²³ Перевод С.С. Аверинцева (см. БСЭ).

²⁴ Цит. по кн.: Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. – М., 1996. – С. 28–29.

²⁵ Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995. – С. 246.

²⁶ Тютчев Ф.И. Лирика. – М., 1965. – Т. 1. – С. 130.

²⁷ Там же. – С. 175.

²⁸ Т. 7. – С. 112.

²⁹ Т. 7. – С. 378.

³⁰ Диоген Лаэртский о жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979. – С. 74.

Новосибирский государственный университет экономики и управления

М.В. БАБАК

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ «КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ» Г. МАРКУЗЕ

Задача настоящей статьи – проанализировать образ советского общества, представленный книгой Герберта Маркузе «Советский марксизм: критический анализ», а также метод построения этого образа ее автором. Маркузе известен, прежде всего, в качестве представителя так называемой Франкфуртской школы философии, основным достижением которой считается «критическая теория общества»; программа этой теории изложена в первую очередь в двух статьях – «Традиционная и критическая теория» М. Хоркхаймера (1937 г.) и «Философия и критическая теория» Г. Маркузе (1937 г.); таким образом, Маркузе выступил одним из «основателей» «критической теории». Показательными являются заявления этих авторов о том, что является предметом «критической теории». По Хоркхаймеру, «предмет ее – тотальность общества, а не единичные факты, которые сами обусловлены существованием этой тотальности»¹. Маркузе говорит о критике «целостности социального бытия»². Так что предметом «критической теории» является общество как целое, все ее высказывания относятся к обществу в целом. Следует, конечно, учитывать, что и Хоркхаймер и Маркузе говорят не о теоретической разработке образа современного общества, а о практике его преобразования, что и подчеркивается в противопоставлении «критической» и традиционной теории. Однако если взять, например, работы Маркузе «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек», то там предпринимается как раз попытка применения концептуального аппарата Фрейда, Гегеля, Маркса с целью построить и развить именно теоретический образ «развитого индустриального общества». Этому же посвящен и труд Маркузе «Советский марксизм», являющийся объектом анализа данной статьи.

Если говорить об упомянутых выше работах данного автора («Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек»), то следует отметить, что их предметом является абстрактное «развитое индустриальное общество», основной и определяющей (в том числе и для рассуждений,

приводимых в этих работах) характеристикой которого выступает его репрессивность, т.е. тенденция подавлять «трансцендентные» устремления человека, или, иначе выражаясь, его попытки выйти за пределы этого общества – и в мыслях, и в поведении³. Важной чертой упомянутых исследований является то, что данный образ репрессивного общества разрабатывается фактически в отрыве от реальности, обращение к которой в этих произведениях фрагментарно и случайно⁴. Учитывая это, книга «Советский марксизм» представляет первостепенный интерес для исследователя «критической теории», поскольку в ней предпринимается попытка исследовать конкретное общество в конкретный исторический период. Ведь интересна прежде всего не абстрактная «критическая теория», а попытки ее приложения к описанию социальной реальности конкретным автором⁵.

Итак, учитывая вышесказанное, цель настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: на основании анализа книги Г. Маркузе «Советский марксизм» попытаться сделать предварительные выводы о реалистичности притязаний «основоположников» «критической теории» иметь своим предметом общество в целом; указанная книга при этом будет использоваться как прецедент приложения воззрений критических теоретиков к реальности⁶.

В первую очередь, необходимо проанализировать метод, используемый Маркузе для создания теоретического образа советского общества. Сам Маркузе называет его методом «имманентной критики». Эта критика «использует концептуальные средства предмета, а именно, марксизма, для того чтобы прояснить действительную функцию марксизма в советском обществе и его историческое направление»⁷. Означает это не что иное, как использование в описании реальности того же в точности терминологического аппарата,

что применяется и советским марксизмом. Такой подход с самого начала обещает быть достаточно проблематичным – он и оказывается таковым. Объект исследования данной книги – советское общество⁸. Советский марксизм – это в немаловажной степени описание советским обществом самого себя и своей внешней среды в их взаимодействии; и Маркузе так его и рассматривает. Однако неразведение образа советского общества, созданного самим советским обществом, и его же образа, который хочет создать сам Маркузе, здесь неуместно в свете различий, которые проводят, в частности, сами франкфурты между обществом и его идеологией.

Конечно, такая «имманентная критика» позволяет, например, не анализировать высказывания советских авторов любого ранга, а просто встраивать их в повествование как его неотъемлемую часть: ведь теоретико-исследовательский язык Маркузе тот же, что и у советского марксизма. Эта критика также помогает вычленивать факты из жизни советского общества, не обращаясь к самому обществу, а просто выделяя их из советско-марксистских заявлений⁹. Однако что дает такая позиция, кроме постоянного неумолимого смыслового смещения в понятиях, когда одну и ту же фразу можно интерпретировать и как описание Маркузе реальности с собственных позиций, и как изложение им советско-марксистского описания этой же реальности, т.е. как один из аспектов объекта исследований Маркузе, подлежащий «критическому анализу»?

В силу сказанного напрашивается предположение, что стремление описать общество в целом, не отвлекаясь на отдельные факты, которые могут затемнить понимание этого предмета, приводит лишь к предзаданному толкованию именно идеологии¹⁰ этого общества, без обращения к ее подоплеке, т.е. к тем самым «реалиям», которые обуславливают те или иные высказывания и описания различных (лояльно настроенных) авторов-представителей данного общества и влияние которых Маркузе так усиленно подчеркивает на протяжении всей своей книги. Однако что это за «реалии» – об этом он не произносит ни слова, кроме того, что они «объективны» и несомненно существуют¹¹.

Итак, создается впечатление, что Маркузе рассчитывает, рассматривая лишь различные высказывания различных, но *лояльно настроенных* по отношению к советскому обществу (по крайней мере, в своих официальных высказываниях) авторов, составить полную и исчерпывающую картину советского общества в целом. Такое устремление подразумевает, как минимум, два неявных, но очень важных и спорных¹² предположения: а) советский марксизм представляет из себя целостную, связную и объективно существующую концепцию, которую способны адекватно воспринимать и передавать в своих формулировках анализируемые авторы, и б) что существует некая единая тенденция развития советского общества, которая жестко и напрямую связана с развитием этой концепции¹³. Поскольку Маркузе нигде явно не рассматривает эти предпосылки, то и крайне важный вопрос о ха-

рактере влияния упомянутой объективной тенденции на советско-марксистскую концепцию им не ставится. Однако не рассматривая подобные вопросы, проводимый анализ естественно обречен остаться поверхностным¹⁴.

В ходе анализа создается образ советского общества. Основная его характеристика такова: оно репрессивно. Это проявляется в том, что в нем происходит «уничтожение всех запредельных¹⁵ психологических и идеологических элементов», т.е. человек может мыслить и вести себя лишь в пределах данного общества; в нем «прогрессивные понятия идеологии лишаются своей запредельной функции и превращаются в клише желаемого поведения»; в этом обществе чрезвычайно повышается власть слов¹⁶. «Различие между иллюзией и реальностью стирается»¹⁷; «советское государство административными декретами запрещает запредельность искусства»¹⁸. В советском обществе происходит упадок официального языка¹⁹. В общем, советское общество – это один к одному одномерное общество, описанное Маркузе в книге «Одномерный человек», вышедшей несколькими годами позже. Все, что он может сказать *конкретно* о советском обществе, он без изменений переносит на «развитое индустриальное общество» *вообще*²⁰. Сам Маркузе видит в этом прогресс в своих взглядах: он, дескать, избавился от иллюзий относительно западного мира, «освободив себя от пропаганды “холодной войны”»²¹; однако, следовало бы назвать это скорее распиской в бесплодности критической теории при исследовании «общества как целого» (а она притязает именно на это; вопрос о том, состоятелен ли вообще такой теоретический объект как «общество в целом», здесь не рассматривается) и в том, что подобное исследование будет лишь «иллюстрацией» на конкретном примере априорных представлений исследователя о современном ему обществе, т.е. интерпретацией материала с уже вполне устоявшихся позиций.

В результате чего в данном конкретном анализе советское общество ушло глубоко в тень «критической теории»? По-видимому, ответ следует искать именно в основном требовании теории иметь своим предметом общество *как целое*, общество *в целом*. В рассматриваемом случае стремление видеть в любом социальном факте не просто факт, а проявление некой целостности подавляет намерение остановиться хотя бы на каком-нибудь отдельном факте с тем, чтобы действительно проанализировать его. Та целостность, которая проявляется в фактах, для критических теоретиков (по крайней мере, для Маркузе) уже задана заранее: это образ репрессивного (позднее более ярко: одномерного) общества. Этот образ позволяет очень просто (и вполне буквально) интерпретировать идеологию анализируемого общества, «раскрывая», таким образом, те «объективные социальные реалии и исторические тенденции», которые и тащат общество ко все большей репрессивности²².

Интересно было бы выяснить основную цель, подвигнувшую Маркузе произвести данное исследование.

Стремился ли он больше показать то, что советский марксизм – это не марксов марксизм, к которому апеллировали сами критические теоретики, или же первоначальный интерес вызвало само советское общество, являвшееся в то время (1950-е гг.) крайне актуальной темой. В любом случае, это исследование, конечно, нельзя считать сознательной попыткой испытать «критическую теорию» в деле, т.е. проверить ее способность дать глубокий и адекватный анализ конкретно существующего общества. Однако волей-неволей Маркузе затронул в своей книге советское общество (в целом, конечно же), и оно стало основным ее предметом; и «критическая теория» вполне выявила свое бессилие в разработке этого предмета.

Как отмечено выше, само общество подменяется образом, реконструируемым на довольно спорных предпосылках из заявлений советских авторов, а «социальные реалии», стоящие за спиной этих заявлений, рассматриваются лишь на уровне некой «объективной тенденции», которая вносится в анализ как предпосылка: это тенденция развития к репрессивному обществу.

Такой «априоризм» неудивителен: ведь «критическая теория» задумывалась франкфуртскими теоретиками именно в целях преобразования общества как целого²³. А цель эта стала для них насущной, поскольку современное «развитое индустриальное общество» в их понимании имеет тенденцию развития к репрессивности. Так что предмет «критической теории», по-видимому, и не может носить другого характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Д. Критическая теория Франкфуртской школы // Немская социология / Под ред. Р.П. Шпакова. – СПб.: Наука, 2003. – С. 376. (В настоящее время оригиналы статей мне недоступны, поэтому я опираюсь на их изложение, данное Ивановым.)

² Там же. – С. 377.

³ Об этом см.: Бабак М.В. Понятие трансцендирования в работе Г. Маркузе «Одномерный человек» // Философия: история и современность. 2004–2005. – Новосибирск; Омск, 2005. – С. 318–333.

⁴ Подробнее см. Там же.

⁵ Именно конкретным автором: бесплодными представляются попытки описать «критическую теорию» как некое самостоятельное образование, этакий объект попперовского «World 3», к которому имеет доступ определенная группа людей, как раз-таки и характеризующаяся тем, что она имеет доступ к этому объекту. Необходимо, на мой взгляд, обращать взгляд в первую очередь на конкретные попытки реализации теоретических требований, нежели на теоретические требования сами по себе.

⁶ Помимо всего прочего, необходимо, на мой взгляд, указать на невнимание российских и советских исследователей к данной книге. В советской критической литературе, посвященной Франкфуртской школе, книга «Советский марксизм» упоминается лишь бегло: читателю сообщают, что она содержит служащую целям империализма клевету на советское общество, а затем речь заходит о чем-нибудь другом (ср. например, очень краткую и затушевывающую характеристику этой книги в коллективной монографии: Социальная философия Франкфуртской школы. – Москва; Прага, 1978. – С. 43.). Факт этот сам по себе заслуживает внимания: либо действительно считалось, что это исследование Маркузе имеет второстепенное значение, либо казалось опасно пускаться в опровержения вполне конкретных обвинений, а проще было оспаривать общие формулировки, ко-

торые можно было повернуть и так и сяк; если верить тому, что исследования, подобные указанному, проводились с целью познакомить советского читателя с интересными идеями на Западе, и эти исследования приходилось маскировать под уничтожающую критику, – тогда такое игнорирование указанной книги было бы немаловажной чертой этой маскировки. Впрочем, исследование этого факта не является целью данной статьи, да и вообще, оно относится к самому творчеству Маркузе лишь постольку-поскольку и представляет интерес, скорее, для историков советской философии и идеологии. Примечательно то, что немаловажный элемент «критической теории» (или ее развития) – а именно, книга «Советский марксизм» – сознательно или нет, но выпускался из анализа этой теории как явления интеллектуальной жизни.

⁷ Marcuse Herbert. Soviet Marxism. A critical Analysis. – New York: Columbia University Press, 1985. – P. 1 (ссылки на Маркузе будут и далее производиться по данному изданию, поэтому в дальнейшем я указываю только страницу). Маркузе пишет: «если критика, исследуя развитие и использование марксистских категорий в терминах их собственного требования и содержания, входит в это самое [марксистское] измерение, она может оказаться способной проникнуть в истинное содержание, скрытое за идеологической и политической формой, в которой оно предстает» (P. 10). Потребность «проникнуть в истинное содержание» советского марксизма Маркузе обосновывает тем, что он «не просто идеологически пропагандируется Кремлем для того, чтобы рационализировать и оправдать свою политику, но выражает в различных формах реалии советского развития» (P. 1). О том, что Маркузе понимает под «реалиями советского развития», см ниже.

⁸ Хотя книга (вполне вероятно, что неслучайно) и называется «Советский марксизм», а не «Советское общество», например. Об этом речь подробнее пойдет ниже.

⁹ Выразительным примером служит такой фрагмент: «Мы предположили выше, что характерные черты возникшего ленинизма, т.е. сдвиг в революционном субъекте от классово-сознательного пролетариата к централизованной партии как авангарду пролетариата и подчеркивание роли крестьянства как союзника пролетариата, развились под влиянием устойчивой мощи капитализма на “империалистической стадии”». (P. 40). Совершенно не ясно, с чьей точки зрения выступает здесь Маркузе: с марксистской, т.е. описывает объективную историческую ситуацию в марксистских терминах; с советско-марксистской, т.е. описывает то же самое в советско-марксистских терминах (а ему следует отличать одни от других, учитывая свою собственную позицию, которую он занял в своей книге); или же он описывает изменение соотношения между марксистскими понятиями в ходе эволюции теории (или общества?) – причем, опять-таки, с какой позиции: марксистской или советско-марксистской? Если учитывать, что отличительной чертой ленинизма именно и является концепция усиления мощи капитализма на «империалистической стадии», то из этого просто с необходимостью следует, что ленинизм развился под влиянием устойчивой мощи капитализма на «империалистической стадии»: ведь Маркузе не отличает свой концептуальный язык от языка советского марксизма, и его логика здесь просто железная, придаться не к чему. Вся книга полна подобных выводов и предположений.

¹⁰ В связи с этим замечательно признание Дугласа Келльнера – автора вступительной статьи к изданию книги в 1985 г.: «На мой взгляд, критика Маркузе советской идеологии более эффективна, чем его критика советской политической системы» (Kellner Douglas. Introduction to the 1985 Edition // Marcuse Herbert. Soviet Marxism. A critical Analysis. – P. XVI). И действительно, все ссылки, относящиеся к самому советскому обществу, а не к информации о нем из вторых рук, которые приводит Маркузе, – это ссылки на высказывания советских лидеров о развитии советского общества, о капиталистическом окружении и пр., это также ссылки на различных советских авторов, создающих картину советского общества в тех или иных его аспектах, – короче говоря, именно то, что и имеется обычно в виду под словом «идеология» (здесь нет нужды ворошить этимоло-

гию и историю этого слова: у Маркузе оно не принимает никакого специфически строгого значения, как, вероятно, и у Келльнера). Так что лучше было сказать, что в книге нет и следа критики *советской политической системы* (а только лишь критика абстрактной политической системы, которую обязательно должно иметь общество, чтобы быть *репрессивным*, по определению).

¹¹ Например, говоря об отрицании советскими марксистами «взрывного» развития при социализме (т.е. о том, что, по мнению этих авторов, при социализме возможно планомерное разрешение противоречий), Маркузе сообщает изумленному читателю, что эти заявления никоим образом не пропаганда, а укоренены они «в объективных условиях, в которых действует советское государство» (Р. 178). Также: «преemptивность между сталинизмом и пост-сталинизмом все еще могла бы быть preemptивностью основных пропагандистских требований, не указывая она на возможность того, что она может отражать динамику, присущую самой советской социальной системе» (Р. 169). Все это заявления, не получающие дальнейшей проработки.

¹² Требующих серьезной аргументации и разъяснений. Дело в том, что Маркузе этих разъяснений и аргументации не дает.

¹³ Предположения крайне утрированы, однако, пользуясь тем, что Маркузе нигде не приводит даже намека на то, что он их не принимает, но наоборот: своими таинственными высказываниями относительно объективных тенденций и реалий всячески дает понять, что именно эти предположения и управляют ходом его рассуждений, – пользуясь всем этим, я смело приписываю ему эти предпосылки.

¹⁴ Начиная вторую часть своей книги, Маркузе пишет: «Анализ привел к заключению, что особые условия и цели индустриализации, проводимой в антагонистическом соперничестве с западным миром, определили даже наиболее теоретические черты советского марксизма» (Р. 195). Крайне плодотворное заключение, если учитывать, что сам Маркузе в первой части приводил множество цитат советско-марксистских авторов, в которых они подчеркивают, *особые условия* советского общества, находящегося в «капиталистическом окружении», *особые цели индустриализации* советского общества (достигнуть промышленного базиса, на котором возможен переход к коммунизму), *соперничество* западного и советского лагерей (например, «догнать и перегнать»). Курсивом я выделил те понятия, которые фигурируют и в *заключении* Маркузе.

¹⁵ Понятие *transcendent* в употреблении его Маркузе, я без колебаний перевожу как «запредельный», поскольку не вижу необходимости использовать перегруженное историко-философскими коннотациями понятие «трансцендентный». Обоснование этой точки зрения можно найти в моей упоминавшейся выше статье «Понятие трансцендирования в работе Г. Маркузе “Одномерный человек”».

¹⁶ Р. 91.

¹⁷ Р. 88.

¹⁸ Р. 133. Маркузе поясняет: «Гармоничные формы, в их реалистическом, а также классическом и романтическом развитии, потеряли свою запредельную, критическую силу; они более не противостояли реальности, но представляли как часть и украшение ее – как инструмент подгонки» (Ibid.).

¹⁹ Советско-марксистские положения – это «безусловные, негибкие формулы, призывающие к безусловному, негибкому ответу» (Р. 87); «высказывания теряют свою познавательную ценность, приобретая взамен способность осуществления желаемого эффекта ... их надлежит понимать как директивы для специфического поведения» (Ibid.); «ритуализованный язык сохраняет исходное содержание марксистской теории как истину, в которую надлежит верить и которую надлежит постановлять против всех свидетельств обратного» (Р. 89).

²⁰ В книге «Одномерный человек» он пишет (цит. по: **Маркузе Г.** Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002): «Языковой контроль осуществляется с помощью сокращения языковых форм и символов рефлексии, абстрагирования, развития и противоречия, с помощью замещения понятий образами. Этот язык отрицает или поглощает способную к трансцендированию лексику, он не ищет, а устанавливает и предписывает истину и ложность» (с. 367). «Методический перевод всеобщих понятий в операциональные оборачивается репрессивным сворачиванием мышления» (с. 372); в «развитом индустриальном обществе» (т.е. одномерном) «высокая культура» лишается своих «опозиционных, чуждых (этому обществу. – М.Б.), трансцендентных (т.е. запредельных в отношении этого общества. – М.Б.) элементов», в результате чего в одномерном обществе происходит «сглаживание антагонизма между культурой и социальной действительностью» (с. 320). Вообще, возникает впечатление, что Маркузе чрезвычайно вдохновляется, отвлекаясь от рутины рассмотрения советских авторов и вырываясь на свободу в развертывании негативных черт репрессивного общества; советское общество в эти моменты остается в стороне и подключается к делу лишь формально.

²¹ Цит. по: **Kellner Douglas.** Op. cit. – Р. XVIII.

²² Невероятно интересны, естественно, вопросы о том, как формировался этот образ, как вообще устроен механизм восприятия фактов сквозь призму этого (и вообще любого) образа, действительно ли Маркузе был поглощен этим образом или можно более глубоко раскрыть мотивы его творчества, и т.п. Однако данная статья посвящена фиксации выводов, проистекающих из анализа одной лишь работы Маркузе с некоторым ее сопоставлением с двумя другими его работами. Поэтому ответу на указанные вопросы здесь совершенно не отведено места.

²³ **Иванов Д.** Указ. соч. – С. 377.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

В.В. БОБРОВ

О ПРЕДМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Актуальность постановки проблемы предмета социальной философии обусловлена, прежде всего, неясностью с определением содержания и границ применения исходного для данной научной дисциплины понятия, понятия «социальное». В абсолютном большинстве работ, написанных по социально-философской и социологической проблематике, это понятие, как правило, обходят молчанием¹. Аналогичная ситуация наблюдается с понятием «общественные отношения», также не имеющим ясного и научно обоснованного содержания и границ его применения.

Сложность решения проблемы предмета социальной философии для российских философов порождена и психологическим барьером, вызванным сменой названия. Хотя предметом исторического материализма являлась «марксистско-ленинская теория развития общества и методология его познания», а социальная философия была представлена в 1990 г. как «раздел философии, включающий рассмотрение качественного своеобразия общества»², желание многих российских исследователей «быть большими католиками, чем папа римский» толкает их на тотальное пренебрежение достижениями исторического материализма³.

Автор учебника по социальной философии В.С. Барулин предмет социальной философии видит с двух позиций. С одной стороны, «как философское рассмотрение общества», а с другой, – как «общественное рассмотрение философии»⁴. Свообразным стержнем, «который объединяет проблематику социальной философии во всех позициях», он назвал «философское рассмотрение отношений человека и общества во всей сложности»⁵. Однако суть исходных понятий «социальное» и «общественные отношения» им не представлены, что серьезно обесценивает все содержание учебника.

К.С. Пигров назначение социальной философии рассматривает в особенностях постижения всеобщего через изучение социума. Он считает, что «устремленность социальной философии как философской дисциплины связана с общим философским порывом вверх, к постижению предельных оснований». Это общее положение, как правило, не вызывает возражений. Действительно, любая философская дисциплина стремится оперировать предельными понятиями для адекватного отражения ис-

следуемой реальности. Только для этого необходимо опередиться с методологией подхода к ней. Например, диалектический материализм в основу всех своих концептуальных положений ставит представление о формах движения материи. К.С. Пигров же поясняет сформулированное им положение следующим образом: «Именно по причине своей нацеленности на выяснение предельных оснований бытия социальная философия занимается не только собственно социальными, но и межличностными проблемами»⁶. Следовательно, собственно «социальное» не только не определяется им в качестве исходного понятия, но даже рассматривается вне межличностных проблем, что полностью отразилось на структуре и содержании учебного плана. В частности, в нем отсутствуют даже тема общественных отношений (нравы, обычаи и нормы позитивного права) и их ядро – отношения собственности.

Аналогичный подход представлен в программе по социальной философии для бакалавров в Российском университете дружбы народов на 2003–2004 учебный год: «Анализ “предельных оснований” социального в трех его основных формах: истории, обществе, человеке. В первой части выявляются возможные траектории или фигуры (циклическая, линейная, спиралевидная, ковариантная, ризоматическая и “утопическая”) исторического развития, во второй – основные социальные парадигмы (коллективизм, индивидуализм, плюрализм), в третьей – природа человека и смысложизненные горизонты его бытия»⁷. Нетрудно заметить, что единственным основанием для программы избраны не факты объективной действительности, а лишь отдельные умозрительные представления автора о них. Понятие «социальное» по умолчанию подразумевается уже якобы известным и не нуждающимся в определении.

В терминологическом минимуме учебного пособия по социальной философии В.Л. Бенина и М.В. Десяткиной, состоящем из 48 понятий, отсутствует содержание таких категорий как «социальное», «потребности человека», «социальная группа», «социальный институт», «государство», «общественные отношения», и т.д.⁸

Можно и далее приводить примеры из учебников, учебных пособий и учебных программ, в том числе для аспирантов, в которых избилуют частные вопросы из

общественной жизни без единой концептуальной линии, однако и представленных фактов вполне достаточно, чтобы говорить об актуальности постановки проблемы предмета социальной философии.

Подход автора данной статьи к определению сущности и содержания предмета социальной философии предполагает четырехуровневую систему понятий. Первый уровень основан на необходимости признания трех аксиом⁹.

Аксиома первая. Живое существо является открытой системой, находящейся в режиме непрерывного обмена с внешней средой веществом и энергией. Эта аксиома отражает необходимость для каждого живого существа удовлетворять на постоянной основе свои потребности в пище и воде, поддерживать оптимальную температуру тела, производить утилизацию отходов биохимической работы организма и т.д. Если учесть, что все живое включено в пищевые цепи, то вопросы обеспечения индивидуальной и коллективной безопасности от хищников также являются важнейшим компонентом в «межтелесных» связях, разрешающих противоречие между организмом и внешней средой.

Аксиома вторая. Жизнь отдельных организмов конечна. Из этой аксиомы вытекают два следствия: проблема существования жизни и проблема поведения особей, особенно тех, которые обладают самосознанием. Осознание своей зависимости от внешнего мира и понимание конечности своего существования объективно порождает мечты о вечной жизни, а также стремление к идейному обоснованию, объяснению или оправданию своих планов (намерений) и практических действий.

Аксиома третья. Жизнь на Земле существует за счет размножения живых организмов, представленного в четырех формах: клеточное деление, вегетативное, девственное и половое. Данное положение является ключевым для понимания сущности социального, ибо только половое размножение требует непосредственного взаимодействия («межтелесных» связей) между полами, а рождение потомства обуславливает необходимость его кормления и обеспечения безопасности (аксиома первая), обучения самостоятельной жизни и воспитания для жизни в социуме (аксиома вторая), и т.д.

Следующий, второй уровень описания и объяснения сущности и содержания предмета социальной философии связан с непосредственным выявлением конкретных движущих сил, обуславливающих содержание и направленность «межтелесных» (социальных) связей между отдельными организмами, а также процессов возникновения, функционирования, преобразования и распада социальных объектов и явлений. Первым фактором, толкающим индивидов на взаимодействие, являются их актуализированные потребности (интересы) в совместной деятельности. Бессмысленно вести разговор о социальных объектах, процессах и явлениях без исследования содержания актуализированных потребностей живых организмов в услугах друг друга, без выявления действия между ними механизмов взаимозависимости (симбиоза), и т.д.

Любое взаимодействие нуждается в приеме-передаче информации об отношении (эмоционально-волевой установке) одного индивида к другому, к сложившейся ситуации, объектам взаимного интереса и т.д. Эта информация содержательно включает в себя мотивацию и планы поведения, объяснение или оправдание индивидами своих намерений, действий (поступков). Без информационного взаимодействия ни одно сообщество не может быть создано, и, тем более, оно не способно функционировать.

Любая совокупность отдельных организмов (индивидов), охваченных одной актуализированной потребностью (интересом) и находящихся в информационной взаимосвязи друг с другом, не может совместно действовать без наличия лидеров, т.е. без влияния третьего фактора – деятельности организаторов (зачинателей, инициаторов). Природа выработала для этого механизм подражания, а люди в процессе эволюционного развития добавили к нему пространственно-временную координацию совместной деятельности под общим руководством в интересах достижения многоплановых целей.

Наконец, фактор четвертый – порядок и правила совместной деятельности в интересах достижения общезначимых целей. Они могут вырабатываться стихийно, т.е. под влиянием сложившейся ситуации, заставляющей всю совокупность индивидов вынужденно согласовывать свои действия. Или, наоборот, порядок и правила формируются заранее, в соответствии с назначением и целями того или иного сообщества посредством распределения правомочий, обязанностей и ответственности каждого из его членов в интересах решения общих задач. Следовательно, действие данного фактора может быть представлено в форме нравов, как природной организации общественных отношений, или в форме обычаев, т.е. неписанных норм и правил поведения, или в форме законов, т.е. норм позитивного права.

Если обобщить действие всех четырех факторов, детерминирующих возникновение, функционирование, преобразование и распад социальных объектов, процессов и явлений, то можно сделать следующий вывод. *Социальное – это способ удовлетворения индивидами своих потребностей посредством распространения своей воли всеми формами насилия по отношению к другим индивидам в интересах достижения личных или коллективных целей в процессе совместной деятельности под общим руководством и по единым правилам поведения.* Следует подчеркнуть, что без наличия действия хотя бы одного из этих факторов никакого сообщества индивидов, т.е. социального объекта не будет¹⁰.

Описание и объяснение особенностей возникновения, функционирования, преобразования и распада всех социальных объектов является третьим уровнем выявления сущности и содержания предмета социальной философии во всех сферах жизнедеятельности людей. Сами социальные объекты подразделяются на четыре группы. Любое сообщество индивидов, образовавшееся под воздействием указанных выше четырех

факторов социального, называется *социальной организацией*. То, что оно имеет какое-либо частное название (группа, толпа, митинг, бригада, банда, подразделение, учреждение), его сущность и значение как социальной организации от этого не меняются.

Совокупность социальных организаций, функционирующих в одном секторе общественного разделения труда по общим правилам и под единым управлением, является *социальным институтом*. Эти четыре признака чрезвычайно важны для понимания объективно существующих такого рода социальных объектов. Однако абсолютное большинство исследователей ограничиваются фиксацией одного или, максимум, двух из перечисленных выше признаков. Например, Д.К. Норт институтами называет только «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми»¹¹. Автор игнорирует очевидное: правила поведения устанавливаются кем-то и посредством введения соответствующих норм.

Для показа сущности социального института авторы других работ предпочитают использовать общие выражения, представляя его высокоорганизованной системой, отличающейся «устойчивой структурой, глубинной интегрированностью своих элементов, многообразием, гибкостью и динамичностью их функций, а следовательно, и всей системы»¹². Вполне понятно, что из данного определения нельзя сделать практические выводы и сформулировать процедурно решаемые задачи по описанию и объяснению деятельности социальных институтов. Задача же социальной философии заключается в обеспечении целостного представления исследователей о сущности и назначении социальных институтов, позволяющего представителям общественных и гуманитарных наук качественно анализировать историю и практику их функционирования во всех сферах жизнедеятельности людей.

Социальные организации и социальные институты, объединенные единством занимаемой территории, условиями общественного разделения труда и общими органами управления, представляют собой *общество-государство*. Эти признаки достаточно очевидны и являются наиболее устойчивыми характеристиками для любого подобного социального объекта, однако именно они отсутствуют в определениях государства, представленных в работах большинства историков, политологов, правоведов и представителей других общественных наук. Между тем, именно данные признаки определяют структуру, направленность и результативность функционирования любого государственного объединения.

Четвертой группой социальных объектов являются *межгосударственные союзы*. Процессы их образования, функционирования, преобразования и распада аналогичны для социальных организаций, хотя в качестве участников выступают руководители органов государственного управления стран-участниц. Разница между ними состоит

лишь в возможностях их членов реализовывать свои интересы. Если индивид, входя в состав социальной организации, приносит в нее только то, чем он лично обладает, то участник межгосударственного союза включает в него потенциал возглавляемого им общества-государства. Только социально-философский анализ функционирования данной группы социальных объектов может выявить их общественную сущность и обеспечить общественным и гуманитарным наукам, исследующим различные процессы и явления, единый подход при оценке полученных результатов.

Распределение социальных объектов на четыре группы объективно подводит нас к необходимости выявления структуры и содержания доминирующих в них потребностей, моделей социального поведения индивидов и общностей в целом, социальных позиций руководителей и господствующих норм, регулирующих общественные отношения. Например, на уровне социальных организаций и социальных институтов четко выявляются интересы (актуализированные потребности) социально-группового содержания. Общество-государства, объединенные единством занимаемой территории и условиями общественного разделения труда, логически отражают общегосударственные интересы, требующие решения внутривнутриполитических и внешнеполитических задач. Их руководители оказывают влияние на социальные организации через соответствующие социальные институты посредством установления и поддержания в работоспособном состоянии единых норм и правил поведения в системе общественных отношений, направляя потенциальную энергию людей в русло предписанных актуальных действий. В межгосударственных союзах в зависимости от целей их образования доминируют, как правило, интересы их организаторов.

Вполне понятно, что все эти социальные объекты находятся в состоянии постоянного развития. В существующей социально-философской литературе эта проблема старательно обходится молчанием или обозначается понятием «изменение». В качестве таковых изменений выступают распределенные во времени количественные характеристики совокупностей индивидов по их различным социализирующим признакам: полу, возрасту, состоянию здоровья, этнической, территориальной, профессиональной, конфессиональной и другой принадлежности. Сам процесс социального развития, приводящий к этим изменениям, находится фактически вне поля зрения исследователей, хотя актуальность такого рода деятельности несомненна.

Основываясь на вышеизложенных аксиомах, факторах социального и социальных объектах, следует признать естественным распространение живыми существами своей воли вовне в интересах удовлетворения актуализированных потребностей с целью производства и воспроизводства своей жизни. Эта воля может распространяться в индивидуальном или коллективном порядке в формах физического воздействия на

объекты внешней среды и/или посредством экономической деятельности, и/или вводом тех или иных нормативных требований в целях определения желательного поведения людей, и/или осуществления на них духовного влияния. Целью и результатом воздействия индивидов и их сообществ на природную и социальную среду является установление контроля над ресурсами жизнедеятельности, средствами и сферами для их производства, распределения, обмена и потребления, что осуществляется в рамках отношений собственности. Следовательно, социальное развитие представляет собой четвертый уровень предмета социальной философии. Этот уровень основывается на сформулированных выше аксиомах, факторах социального и социальных объектах. На нем рассматривается динамика процессов возникновения, существования и распада всех типов социальных объектов, устанавливаются наиболее устойчивые причины, тенденции и направления происходящих перемен. Его можно представить как *процесс распространения индивидами своей воли всеми доступными им формами насилия по отношению к природным и социальным объектам в интересах производства и воспроизводства жизни в составе социальных организаций и социальных институтов на условиях общественного разделения труда в том или ином обществе-государстве, занимающем определенную территорию в биосфере Земли*¹³.

Если обобщить все сказанное, то предметом социальной философии являются «межтелесные» контакты индивидов в интересах производства и воспроизводства своей жизни. Это выражение в какой-то степени созвучно с определением К. Маркса о том, что «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»¹⁴. Автора данной статьи всегда удивляли два обстоятельства, связанные с этим определением. Почему К. Маркс не развернул в своих работах положение об «общественном производстве своей жизни» и почему философы, занимающиеся марксистским наследием, не обращают внимания на эту емкую часть столь часто цитируемого ими определения. Вместо этого они концентрируют свое внимание на экономической стороне проблемы. Между тем именно в данном положении заключается предельное обобщение сущности социальных процессов и явлений. Все остальное является лишь детализацией «общественного производства своей жизни», в том числе утверждение о том, что «сущность человека ... есть совокупность всех общественных отношений»¹⁵.

Предмет социальной философии можно представить в примерном учебном курсе, структурно составленном по следующему плану.

Учебный план по социальной философии

№ пп	Название темы занятий	Количество часов		
		всего	лекции	семинары
1	Сущность и содержание понятия "социальное"	2	2	–
2	Индивид – источник социальных процессов и явлений	4	4	–
	Структура и содержание потребностей индивида	2	–	2
	Социализирующие (морфологические, филогенетические, фенотипические) признаки индивида – основа социальных процессов	2	–	2
	Основные формы и способы распространения индивидом своей воли в целях удовлетворения актуализированных потребностей	2	–	2
	Социальное пространство индивида и способы его завоевания	2	–	2
3	Основные факторы, формирующие образование социальных объектов, процессов и явлений	2	2	–
	Актуализированные потребности индивидов в совместной жизнедеятельности	2	–	2
	Информационное взаимодействие	2	–	2
	Инициаторы, организаторы и руководители социальных объектов, процессов и явлений	2	–	2
	Общественные отношения (нравы, обычаи и нормы позитивного права)	2	–	2
4	Социальные объекты: особенности формирования, функционирования, преобразования и распада	4	4	–
	Социальные организации	4	–	4
	Социальные институты	4	–	4
	Общества-государства	4	–	4
	Межгосударственные союзы	4	–	4
5	Социальное развитие: сущность, содержание и критерии устойчивости	4	4	–
	Источники, механизмы, направленность и цикличность социального развития	4	–	4
	Развитие социальных организаций	4	–	4
	Развитие социальных институтов	4	–	4
	Движущие силы и направленность развития общества-государства	4	–	4
6	Развитие межгосударственных союзов	4	–	4
6	Актуальные проблемы социально-философских исследований на современном этапе социального развития России	8	4	4
7	Экзамен	4	–	–
ИТОГО:		80	20	56

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта проблема подробно представлена в монографии автора статьи. См.: **Бобров В.В.** Социальное развитие: сущность, условия и критерии устойчивости. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 7–33.

² Современная западная социология: Словарь. – М., 1990. – С. 319.

³ В частности, на философском факультете МГУ нет даже кафедры социальной философии.

⁴ **Барулин В.С.** Социальная философия. Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – Ч. 1. – С. 3.

⁵ Там же. – С. 4.

⁶ См.: **Пигров К.С.** Программа кафедры социальной философии и философии истории СПбГУ по социальной философии // <http://social.philosophy.spbgu.ru>

⁷ **Гречко П.К.** Социальная философия: Программа для бакалавров // <http://www.humanities.edu.ru/db/sect/>

⁸ **Бенин В.Л., Десяткина М.В.** Учебное пособие по социальной философии. – Уфа: Изд-во БГПУ, 1997.

⁹ Постановка аксиом в качестве исходных положений чрезвычайно актуальна. Например, один из специалистов по социальной философии читает для студентов спецкурс «Топология культуры». В этом названии четко обозначены два понятия, отражающие (1) учение о пространственном месте (2) результатов рукотворной деятельности человека. Вполне справедливо ожидать, что слушатели получают знания о распределении в пространстве и во времени результатов рукотворной, т.е. культурной деятельности человека в сферах материального, социального и духовного производства. В области материальной культуры – от каменного топора до космических кораблей, в области социальной культуры – от первых запретов («табу») на те или иные действия до развернутых законода-

тельных систем, в области духовной культуры – от простых вербальных и невербальных знаков, отражающих элементы материального и социального миров, до сложнейших информационных систем. Однако в представленных автором спецкурса 16-ти темах нет даже намека на такое понимание топологии культуры. Если бы он понимал на уровне аксиом различие между «натурой» и «культурой», а структуру последней, состоящей из материальной, социальной и духовной сфер, то его учебный план отражал бы объективную реальность (см: http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/courses.htm).

¹⁰ Факторы, определяющие структуру и содержание социальных процессов и явлений, представлены автором в монографии. См.: **Бобров В.В.** Социальное развитие: сущность, условия и критерии устойчивости. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 7–33.

¹¹ **Норт Д.К.** Институты и экономический рост: историческое поведение // Thesis. – 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 73. Аналогично рассуждает О.Г. Филатова: «Социальный институт... – устойчивый комплекс правил, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему социальных ролей и статусов» (**Филатова О.Г.** Социология: Учебник для вузов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – С. 246).

¹² **Тадевосян Э.В.** Социология: Учебное пособие. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Знание, 2001. – С. 184. Аналогичный вывод напрашивается из определения, сформулированного А.А. и К.А. Радугинными (см.: **Радугин А.А., Радугин К.А.** Социология: Курс лекций. – 3-е изд., перераб. и дополн. – М.: Центр, 2000. – С. 152).

¹³ Более подробно см.: **Бобров В.В.** Социальное развитие: сущность, условия и критерии устойчивости. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.

¹⁴ **Маркс К.** К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 13. – С. 6.

¹⁵ Там же. – Т. 3. – С. 3.

*Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск*

Н.С. РОЗОВ

ЦИКЛЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: АНАЛИЗ ПОРОЖДАЮЩЕГО МЕХАНИЗМА

Долгие и короткие циклы в истории России

Плавный вначале, а потом все более крутой поворот современной российской политики к авторитаризму делает актуальными уже не модернизационные и переходные схемы, а представления о цикличности российской истории.

Трудно перечислить и тем более проанализировать многочисленные схемы и концепции российских циклов, упомянем только современных авторов. Различные по характеру и длительности циклы описывали А. Янов, А. Ахиезер, В. Пастухов, В. Цимбурский, Д. Драгунский, Р. Вишневский, Э. Кульпин, В. Пантин, В. Лапкин, А. Фурсов и Ю. Пивоваров, А. Зубов и др. Не будем пытаться умножать и так уже чрезмерно разноразличившиеся схемы циклов. Вместо этого сосредоточимся на изучении причинных факторов, порождающих циклы российской истории. Для этого структури-

руем известные взгляды и выделим согласно явно сформулированным критериям концепции циклов, которые будут подлежать объяснению.

Если вынести за скобки откровенно мистические, религиозные, моралистические, органицистские и нумерологические схемы, то основная масса концепций российских циклов распадается на две группы: схемы долгих циклов (где, например, вся эпоха от Петра I до Александра II попадает в один цикл, равно как и вся советская эпоха) и схемы коротких циклов (где эти эпохи распадаются на несколько циклов, отражающих все основные повороты российской истории). Воспользуемся общим системным представлением о том, что циклы разной длительности обычно сосуществуют и накладываются друг на друга и будем далее рассматривать в истории России как долгие, так и короткие циклы.

Из обеих групп выделим те концепции, которые выигрывают по следующим параметрам:

а) трезвый научный анализ с минимизацией идеологических оценок,

б) уважение к историческим реалиям и отказ подверстывать их под априорные схемы,

в) четкое выделение и единство переменной, меняющейся в ходе циклических изменений,

г) понимание того, что циклы порождаются разнообразными и изменчивыми факторами объективного и субъективного характера,

д) учет комплексного характера внешних (прежде всего, геополитических) и внутренних (социально-экономических, политических, культурных и поколенческих) аспектов.

Согласно данным критериям в выигрышной позиции оказалась концепция долгих модернизационных циклов мобилизации/либерализации Р. Вишневого¹ и концепция кратких циклов политических реформ и контрреформ А.Л. Янова, позже развитая В. Лапкиным и В.И. Пантиним². Оставим в стороне вопрос – верно или не верно были выделены циклы этими авторами (что, строго говоря, требовало бы построения диагностических шкал и обобщения результатов, полученных независимыми экспертами по единой методике кодирования исторических данных)³. Вместо этого сосредоточимся на анализе причин циклов разной длительности, как будто бы указанные авторы угадали действительные циклы. Даже если впоследствии характеристики самих долгих и коротких циклов будут пересмотрены (на основе скрупулезной эмпирической проверки), это не отменит значимости теоретических объяснительных орудий, которые, если уж однажды выкованы, то потом, как правило, могут быть применены к разным эмпирическим данным. Прежде всего, составим синтетическую модель исторической реальности, совместив друг с другом долгие и короткие циклы.

Вложение циклов

Пересечение начинается с правления Александра I (1801–1825). По Вишневскому, Крымская война (1853–1856) завершает долгий «Петровский цикл модернизации». По Лапкину и Пантину, правления Александра I, Николая I и начало царствования Александра II составляют I цикл, начинающийся с либеральных реформ 1801–1811 гг., включающий контрреформы Николая I 1825–1854 гг. и завершающийся переходом к новым реформам 1855–1859 гг.

Далее у Вишневого выпадает из общей схемы циклов отрезок с середины XIX в. до нэпа, заполненный у Лапкина и Пантина двумя циклами: «II цикл: реформы (1859–1874) – переход к контрреформам (1874–1881) – контрреформы (1881–1894) – переход к реформам (1894–1905). III цикл (укороченный): реформы (1905–1911) – переход к контрреформам (1911–1917) – контрреформы (1917–1921) – переход к реформам (1921–1922). Ниже мы покажем, что выпадение этого

важнейшего отрезка истории из схемы Вишневого имеет свои основания.

Следующий долгий «Сталинский цикл модернизации», по Вишневскому, также включает два кратких цикла, по Лапкину и Пантину: «IV цикл: реформы (1922–1927) – переход к контрреформам (1927–1929) – контрреформы (1929–1953) – переход к реформам (1953–1956); V цикл: реформы (1956–1968) – переход к контрреформам (1968–1971) – контрреформы (1971–1982) – переход к реформам (1982–1985)».

Наконец, обе схемы сходятся в том, что реформы Горбачева («перестройка») начинают новый цикл. Как видим, краткие циклы достаточно гладко и органично вписываются в долгие циклы, схемы не противоречат, но, скорее, подкрепляют друг друга.

Теперь уже в содержательном плане сопоставим переменные, паттерны изменения значений которых позволяют авторам фиксировать цикличность. У Вишневого такую переменную можно представить как «военно-промышленная мобилизация и геополитический престиж». Каждый цикл начинается с внешнеполитического провала и осознания правящей элитой отставания страны от западных соперников, прежде всего, в военно-техническом отношении. Как в Петровском, так и в Сталинском циклах именно благодаря мобилизационной политике (включавшей помимо прочего концентрацию власти, репрессии, массовый принудительный труд, социальную перестройку и культурную революцию) страна достигала внушительных геополитических успехов, после чего элита обращала мобилизационный механизм сугубо в свою пользу, что приводило к застою, отставанию, новому геополитическому провалу и новому циклу.

У Янова, Лапкина и Пантина главной циклически меняющейся переменной можно считать степень либеральности социально-политического устройства, которую авторы связывают также с его сложностью и разнообразием. Реформами Лапкин и Пантин называют действия, направленные на либерализацию, а контрреформами – действия, направленные на рост принудительного характера власти, упрощение и унификацию политических структур и социально-экономических укладов⁴.

Нетрудно заметить, что *мобилизационные усилия* власти в концепции Вишневого почти прямо соответствуют *контрреформам* в концепциях Янова, Лапкина и Пантина. Есть ли у Вишневого аналог *либеральных реформ*? Да, есть: «Первый этап модернизационного цикла назван автором начальным. На его протяжении правящая элита пыталась решить возникшие проблемы путем незначительного улучшения существующей социально-экономической системы и механического привнесения в экономику страны некоторых передовых элементов, позаимствованных на Западе. Так в экономике возникал модернизационный уклад». Также в обеих схемах подчеркивается неуспех, конфликтность или чрезмерные издержки начальных попыток решить возникшие проблемы путем либерализации (как правило, навязанной западным влиянием). Последующие контрреформы (автори-

тарная мобилизация) приводят к видимым социально-экономическим и геополитическим успехам, но в долгосрочном плане порождают стагнацию.

По Вишневному, отрезок с середины XIX в. по 1920-е гг. выпадает из схемы просто потому, что значимого и долговременного успеха достичь не удалось. Напротив, унижительная отмена победительного Сан-Стефанского договора с Турцией, острые внутренние конфликты – терроризм народолюбцев в 1870-х гг., стачки рабочих и крестьянские бунты в 1905–1907 гг., поражение в Русско-японской войне, наконец, поражения в Первой мировой и крах Империи в 1917–1918 гг. показывают, что ни либеральные реформы, ни мобилизационные контрреформы не достигали успеха и нового долгого модернизационного цикла не получилось. Зато два кратких цикла реформ и контрреформ достаточно точно структурируют этот отрезок истории.

Выявление причин российских циклов: исходные концепции и модели

Какой же комплекс причинных факторов порождает вышеуказанные долгие и краткие циклы в истории России последних 200 лет? Если он будет обнаружен, то резонно считать, что тот же комплекс причин (пусть с некоторыми модификациями) продолжает действовать сейчас и при сохранении базовых условий (!) будет определять историю страны в ближайшие десятилетия.

В качестве базовой используем универсальную модель исторической динамики⁵. Кратко, модель объединяет три контура фазовых переходов. Общая часть контуров включает *стабильное состояние социальной системы* (например, общества) и действие *базовых факторов исторической динамики*, вызывающее систематический дискомфорт (*вызовы* по А.Тойнби⁶).

Выделяются *три типа ответов*, задающие три соответствующих контура фазовых переходов.

– *Компенсаторные ответы* возвращают систему к стабильности (ср. с «постепенным налаживанием» и «поэлементной инженерией» по К.Попперу⁷).

– *Неадекватные ответы* ведут к *конфликтам, обострению вызовов*, а при сохранении неадекватности последующих ответов – к *кризису, эскалации конфликтов, мегатенденции «колодец» и распаду системы* (чьими ресурсами непременно воспользуется соседняя или новая поднимающаяся система).

– Наконец, третий, в эволюционном плане наиболее значимый, контур задается *перспективным ответом*, вызывающим консолидацию влиятельных групп и социально значимых слоев населения (*социальный резонанс*), *формирование комплекса динамических стратегий*⁸, а при достаточных возможностях развертывания – *мегатенденцию «лифт»*, *системную трансформацию, выход в новую фазу эволюции* и при неизбежном усилении негативных связей – *переход к новой стабильности*, где

опять начинают действовать базовые факторы исторической динамики.

Модель учитывает субъективный момент – решения и действия лидеров и групп, вместе с объективным моментом – накоплением факторов, снижающих комфорт, действием мегатенденций, меняющих условия для будущих решений и действий;

Кроме того, модель позволяет соединять в единое целое многие другие концепции и модели, в том числе вышеперечисленные.

– Реформы и контрреформы Лапкина и Пантина понимаются как ответы правящей элиты на вызовы.

– Мобилизационный цикл Вишневного представляется как особый комплекс динамических стратегий (см. ниже).

– «Дуальные оппозиции» А.С. Ахиезера⁹ трактуются как культурные образцы, в рамках которых воспринимается вызов и дается ответ лидерами и группами.

– Модифицированная концепция динамических стратегий Снукса входит как составная часть в универсальную модель исторической динамики.

– Модифицированная эволюционная модель фаз социального развития Сервиса – Карнейро – Дьяконова, совмещенная с концепциями идеального типа М. Вебера и аттракторов И. Пригожина, напротив, охватывает эту модель, поскольку каждый прорыв в новую эволюционную фазу концептуализируется как мегатенденция «лифт» и системная трансформация – следствие действия комплекса динамических стратегий, сложившегося в результате серии перспективных ответов на некий прошлый вызов и последующие вызовы развития¹⁰.

Каким же образом объяснить краткие циклы реформ-контрреформ, вложенные в долгие модернизационные циклы в истории России?

Краткие циклы – инверсия ответов, долгие циклы – комплексы мобилизационных стратегий

На протяжении всей отечественной истории реально значимыми для российской власти являются два типа вызовов: *падение геополитического престижа* (главным образом в глазах Европы) и *ощутимый рост общественного недовольства*, чреватый делегитимацией, подрывом и сменой власти. Поскольку начиная с воцарения Романовых и особенно ярко – с Петровских времен – центром геокультурного престижа, источником образовательных, социально-политических и ценностных образцов стала Европа, то и первоначальные ответы на вызовы часто были ориентированы на европейские и западные образцы (англо-голландские, французские, прусские, германские, англо-американские).

Резонно полагать, что ответы, бывшие более или менее адекватными в европейских условиях, оказывались неадекватными в условиях российских (природу этой неадекватности еще предстоит выяснить). Тако-

вы попытки либерализации по Вишневному и реформы по Лапкину-Пантину. Согласно универсальной модели исторической динамики, неадекватный ответ ведет к росту конфликтов и кризису. Таковы стрелецкий бунт 1698 г. после первых вестернизаторских шагов Петра I, восстание декабристов 1825 г. после либеральных реформ Александра I и их свертывания, народничество и терроризм народовольцев после реформ Александра II, двоевластие и государственный коллапс после либеральной Февральской революции 1917 г., крестьянское неповиновение, продовольственный кризис и внутривластная борьба 1927–1928 гг., появление разномыслия, неофициальных общественных и культурных движений, государственный переворот, «Пражская весна» и рост диссидентства после хрущевской «оттепели», распад Варшавского блока, конфликты в Тбилиси, Баку, Вильнюсе как следствие горбачевской перестройки.

Каждый раз перед властными элитами встает необходимость нового ответа уже для преодоления кризиса. Также вполне естественно предположить, что новый вариант ответа будет противоположным прошлому ответу, воспринятому как неудачный и пагубный. Здесь оказывается полезным принцип инверсии А.С. Ахиезера – радикальная смена ценностного полюса и соответствующая смена направленности ответа¹¹. Таковы мобилизационная стратегия по Вишневному и контрреформы по Янову – Лапкину – Пантину. Опять же в зависимости от наличных условий (отложим их анализ) новый «антизападный» ответ может оказаться либо *компенсаторным*, что ведет к восстановлению и «замораживанию» на некоторый период социальной системы (случаи контрреформ Николая I, Александра III, Брежнева и, вероятно, Путина), либо *неадекватным* (случаи контрреформ Павла I, Николая II после 1911 г., введения «военного коммунизма» Лениным и Троцким, «восстановления порядка» Андроповым, путча ГКЧП), либо *перспективным* (мобилизационная модернизация Петра – Елизаветы – Екатерины в XVIII в. и Сталина – Хрущева – Косыгина в 1930–1960-х гг.).

Заметим, что в двух случаях неадекватные ответы вели к углублению кризиса, новым неадекватным ответам, мегатенденции «колодець» и распаду системы. Таковы контрреформы Николая I (разгон Государственных дум, расстрел демонстраций, фактический отказ от конституционализма, игнорирование протестов оппозиции и рабочих движений) и ГКЧП (грубая и неподготовленная попытка силовой реставрации коммунистического режима). Следствиями стали, соответственно, коллапс Российской империи и распад СССР – могущественнейших социальных систем своего времени. Таким образом, наша модель позволяет концептуализировать стержневую структуру российской истории: досоветское, советское и постсоветское время.

Два случая перспективных ответов прямо соответствуют двум модернизационным периодам в схеме Вишневного. Заметим, что в обоих случаях социальный резонанс (консолидация влиятельных групп) и ди-

намические стратегии складывались благодаря мобилизационным (а вовсе не либеральным!) ответам на вызовы. Постоянно муссируемые в «коммуно-патриотической» прессе идеи «консервативной революции» (Кургинян, Дугин, Проханов и проч.) недвусмысленно выражают надежду на новый взлет России именно путем новой мобилизационной стратегии – ответа на вызов постсоветского унижения.

Укажем на динамические стратегии в каждом из реальных исторических мобилизационных этапов. Реформы Петра, Елизаветы и Екатерины и их социальные последствия включали *завоевательную стратегию* (экстенсивную стратегию насилия), *социоинженерную стратегию* (построение армии и госаппарата по голландским и немецким образцам с помощью импортированных офицеров и чиновников), *технологическую стратегию* (государственную организацию кораблестроения, железнодорожных и военных заводов), *культурную стратегию* (создание коллегий, академий и университетов, газет и журналов, европейского театра и оперы, введение балов и манер и языка, обязательное образование дворянских детей, начальная эмансипация женщин – выход из теремов, женское образование и т.д.). Почему это не просто реформы, а динамические стратегии? Потому что первоначальные реформы запустили долговременные процессы на несколько поколений вперед: военные и бюрократические структуры порождали новые штабы и полки, коллегии и департаменты, заводы требовали дорог и сырья, для чего создавались новые заводы, столичные университеты порождали новые университеты в губернских городах, принудительно обучавшиеся боярские дети и новые дворяне стали уже сами давать образование детям.

Сталин начал с *социоинженерных и технологических реформ* (коллективизация, приведение партии и госаппарата к полному подчинению на основе страха, систематически возобновляемого компаниями НКВД, индустриализация), была запущена также *интенсивная стратегия насилия* (массовое обращение «врагов народа» в государственное рабство, причем с каждого арестованного требовали списки «сообщников» для будущих витков репрессий). В 1930-е гг. продолжалась *завоевательная стратегия* в Средней Азии. Победа в Великой Отечественной не превратилась в завоевательную паневропейскую стратегию только из-за противодействия англо-американских сил. Зато некоторое время относительно успешно велась *экстенсивные социоинженерная и культурная стратегии* по коммунизации Восточной Европы и отдельных стран Азии, Африки и Южной Америки.

Эволюционный эффект мобилизационных стратегий

Привела ли каждая из этих модернизаций к системной трансформации и переходу на новый эволюционный уровень? Будем использовать представление о трех фа-

зах социального развития: *общества со зрелой государственностью* (полифункциональная бюрократия при самоуправляемых провинциях и общинах), *общества со сквозной государственностью* (гражданские и юридические права и обязанности, налогообложение достигают каждого члена общества) и *сензитивные общества* (систематически и эффективно использующие социальные науки для диагностики решения возникающих проблем)¹².

Оказывается, ни одна мобилизационная модернизация в России полного прорыва не совершила. Социоинженерные стратегии, запущенные реформами Петра и Екатерины, значительно продвинули российское общество с его уже *зрелой государственностью* вперед в аспектах организации военной силы, государственного управления, судебной системы, образования, медицины, промышленности, транспортной системы. Однако действительный переход к *обществу со сквозной государственностью* начинается лишь с реформ Александра II и П.А. Столыпина, когда крестьяне стали выходить из-под опеки помещиков и общины (после 1929 г. фактического возврата к государственному крепостничеству свет на нет данное продвижение). В Европе переход к сквозной государственности имел место немного раньше – с Французской революции, уравнившей граждан в правах, и благодаря цивилизаторской роли наполеоновских завоеваний.

В начальный период ленинско-сталинской мобилизационной модернизации был сделан некий рывок к сензитивному обществу (бурное развитие психологии, педологии, социологии, НОТ, психоанализа, экономических и антропологических исследований в 1920-е гг.), но в дальнейшем общественным наукам стали отводиться только идеологическая и легитимирующая функции. Схожий рывок, также бесславно окончившийся, наблюдался и в Германии (там М. Вебер был лишь вершиной айсберга глубоких и многоаспектных социальных исследований). По каким-то причинам Соединенным Штатам удалось первыми совершить прорыв к сензитивности – построению и эффективному использованию социально-научного «чувствилища» по отношению к внешним и внутренним проблемам общества (Мэхэн, Кейнс, Кеннан, Спайкмен, Макнил, Уолтц, Фукуяма, П.Кеннеди, Бжезинский, Хантингтон, Вулфовиц – это лишь имена-символы реального и широкого использования социальных наук в американской государственной политике; к добру ли, злу ли – иной вопрос).

Итак, средствами одной модели удалось выявить внутренние структурные причины и кратких циклов реформ-контрреформ: *геополитический вызов* → *либеральный ответ* → *издержки и конфликты как новый вызов* → *антилиберальный ответ* → *успех или неуспех* → *рано или поздно наступающие стагнация и геополитическое отставание* → *новый вызов*.

Тот же механизм лежит в основе долгих модернизационных циклов: здесь антилиберальный ответ (контрреформа) оказывается перспективным и объединяет влия-

тельные группы и значимые социальные слои в долговременном и успешном (в аспекте авторитарной мобилизации) сотрудничестве. Так вырастают комплексы динамических стратегий и соответствующие долгие циклы модернизации: Петровский и Сталинский.

Наконец, два случая коллапса системы – Российской империи и СССР – объясняются как следствие серии неадекватных ответов, углубления кризиса, эскалации конфликтов и запуска мегатенденции «колодец».

Далее можно вести исследование в самых различных направлениях: проверять гипотезу, детально описывать и осмыслять каждый случай и цикл, сравнивать со схожим циклическим развитием в других странах (например, Турцией), уточнять условия успешности – неуспешности ответов и т.д.

Можно ли разорвать исторические циклы?

С учетом неизбежных (и несбыточных?!) демократических надежд на будущее России, поставим следующие вопросы:

1. Каковы общие факторы, препятствующие осуществлению либеральных реформ (в широком, а не только экономическом смысле)?

2. Каков путь нейтрализации этих факторов? При каких условиях возможен адекватный перспективный ответ не мобилизационного, а либерально-демократического характера на современные российские вызовы.

3. Какие стратегии в этом ответе должны стать ведущими для прорыва на эволюционную стадию сензитивного общества?

Обобщение условий свертывания либеральных реформ (1811–1825, 1874–1881, 1906–1911, 1927–1929, 1968–1971, 1998–2004) дало следующие результаты.

– Каждый раз на момент начала либеральных реформ основные скрепы, задающие целостность и упорядоченность функционирования российского общества (территориальное управление, регуляция ресурсных потоков и налогообложение, система повинностей и обязанностей подданных и граждан, формирование мировоззрения), держались на принуждении, которое прямо осуществлялось либо поддерживалось государством.

– При ослаблении принудительных отношений и соответствующего государственного влияния нарушались прежние режимы функционирования, что приводило к недовольству тех или иных слоев населения и дискредитации реформ (либеральные реформы Александра I и Сперанского встретили недовольство бюрократии, реформой 1861 г. были недовольны и крестьяне, и помещики, нэп привел к недостаточным поставкам продовольствия в города, гайдаровские реформы – к массовому обнищанию и росту социально-экономической дифференциации).

– При ослаблении принудительных отношений возникали мятежи и сепаратистские движения на окраинах (кавказские войны, польские восстания в пер-

вой половине XIX в., мятежи моджахедов в Средней Азии в 1920–1930 гг, Венгерский мятеж 1956 и «Пражская весна» 1968 г., «бархатные революции» в Центральной Европе и столкновения в Тбилиси, Баку, Вильнюсе в конце 1980-х – начале 1990-х гг.). Падение геополитического престижа и необходимость военно-политической мобилизации дискредитировали либеральные реформы.

– Государство само проводило реформы, политики и чиновники не считали нужным вести диалог с обществом и идти на какие-либо уступки, что показало бы слабость власти. Либеральные реформы давали обществу (особенно образованным слоям) большие надежды, которые, как правило, не оправдывались, что обостряло конфликт (декабристы, народники и народолюбцы, диссиденты, демократическая и патриотическая оппозиции).

– Несколько раз во внутреннюю политику вмешивалась война. Каждая победа приводила к свертыванию либеральных реформ (над Наполеоном в 1812–1814 гг., над Турцией в 1877–1878 гг., типологически сюда же относится силовое подавление «Пражской весны» 1968 г. и Вторая чеченская война). Напротив, поражения России инициировали реформы или давали им новый импульс (поражение в Крымской войне → освобождение крестьян, неудачи и потери в Первой мировой войне → Февральская революция, неудачи и потери в Афганской войне → перестройка). Причина одна – военный и геополитический успех в России прочно ассоциируется с оправданностью авторитарного государства и мобилизационного режима. Соответственно, военный и геополитический провал дискредитирует и то и другое.

Каков же путь нейтрализации этих факторов? Следует учитывать двойственный характер авторитарно-принудительного характера отношений в российском государственном устройстве. Наряду с аспектом, служащим сугубо интересам властвующих элит, видимо, в большинстве случаев есть также общефункциональный аспект, который при либеральных реформах необходимо компенсировать новым порядком – уже не чисто принудительным, а правовым, договорным, рыночным порядком, созданием новых институтов и социальных союзов.

Заинтересованные общественные и политические силы (любой направленности, кроме запрещенной законом) следует не отсекают от проектирования и осуществления реформ, но напротив – включать в процессы обсуждения и проведения реформ, делить с ними ответственность за результаты.

Территориальному отмежеванию провинций и сопредельных постсоветских государств следует противопоставить не только и не столько силовое принуждение, сколько привлекательность – оставаться вместе с Россией. Взаимоприемлемые договорные отношения как внутри Федерации, так и между Россией и соседями оказываются в большом историческом времени более прочными, чем чисто силовое удержание или сырьевой шантаж.

Разумеется, нельзя желать родному государству военного поражения. Зато можно и нужно связывать

все прошлые и будущие геополитические провалы (из последних – «цветные революции» с антироссийским уклоном и дискредитация кремлевской политики в Европе) с пагубностью авторитарного антидемократического режима.

Если блокирующие причины были выявлены верно, то указанные меры должны помочь, однако, они не обязательно ведут к развертыванию и самовоспроизводству новых стратегий. При каких же условиях возможен адекватный перспективный ответ не мобилизационного, а либерально-демократического характера на современные российские вызовы?

Современные вызовы и ответные контрреформы

Основные вызовы для современной России хорошо известны: массовая бедность и огромный разрыв в уровне жизни, чреватые социальной напряженностью, ростом преступности и насилия, «чеченский капкан», мизерное присутствие России на мировых рынках (за исключением сырьевых ресурсов и оружия), падение престижа и привлекательности России на постсоветском пространстве и в Европе.

Серию вызовов для современной российской власти составили также теракты и захват заложников в провинции и Москве, критика власти в СМИ, консолидация демократической оппозиции и финансовой мощи олигархов, «цветные» революции с антикремлевским уклоном на постсоветском пространстве, выговоры за уклонение с демократического пути со стороны Европы и США. Практически все ответы давались в стиле антилиберальных контрреформ: силовое подавление сепаратизма (после дискредитации договорной политики А. Лебеда), госконтроль над политико-информационным телевидением, фактическое изгнание из страны Гусинского, Березовского и Невзлина, показательное наказание ЮКОСа, жесткие сроки за хулиганские выходки юным нацболовцам, «профилактика революции» с помощью специально созданного молодежного движения «Наших» и квазикомсомольских организаций в вузах страны, гордая поза («нечего нас учить! у нас свои вековые традиции!») в отношении западной критики.

Очевидно, что ни мобилизацией, ни модернизацией, ни тем более широкой общественной консолидацией и динамическими стратегиями здесь и не пахнет. Пока в отношении к общественной стабильности эти компенсаторные ответы могут считаться адекватными (по настоящему бурное и широкое возмущение, испугавшее власть, вызвала только бестолково проведенная *либеральная* реформа монетизации льгот). Соответственно, система только замораживается, вероятно, надолго, с последующей стагнацией, новыми вызовами и снижением способности властвующих лидеров и групп элиты давать адекватные ответы.

Напомним общие требования к перспективным ответам:

– консолидация влиятельных групп и значимых социальных слоев в общем комплексе деятельности, в результате которых каждая группа получает свой требуемый тип «бонусов» (доход, престиж, привилегии, власть, свободу, безопасность, реализацию моральных или духовных чаяний и т.д.);

– восстановление комфорта в результате адекватного ответа на вызовы, но при этом порождение новых вызовов (часто – дефицитов и препятствий для деятельности), преодоление которых предполагает создание новых эффективных и полифункциональных социальных структур (институтов), причем тех, которые соответствуют более высокой стадии эволюционного развития;

– «взаимная подпитка» динамических стратегий, когда результаты выполнения шага в одной стратегии используются в качестве входов в деятельности и процессы других стратегий;

– обнаружение широкого пространства ресурсов, социальных, рыночных, технологических, культурных ниш, необходимых для развертывания комплекса стратегий и формирования мегатенденции «лифт».

Комплекс ответных стратегий, удовлетворяющий указанным условиям и нейтрализующий противofакторы либеральных реформ (см. выше), позволит вырваться из капкана циклов, тормозящих эволюцию российского общества. Некоторые из таких стратегий уже были предложены¹³.

Весьма полезным может оказаться также анализ геополитических условий возникновения и укрепления первых демократий в Европе, проведенный Р. Коллинзом¹⁴. Коротко говоря, суть полученного им эмпирического обобщения заключается в том, что становлению коллегиальной демократической власти способствует более или менее длительный опыт умеренного геополитического успеха федерации (добровольного союза самостоятельных политий). Слишком большой успех приводит к становлению династической монархии, а неуспех – к распаду союза. Долгий и успешный опыт совместного принятия решений держателями экономических ресурсов и военной силы рождает устойчивое доверие к демократической форме правления.

Ясно, что такого условия России не дожидаться до тех пор, пока не произойдет дискредитации «вертикали власти», возврата к собственно федерации (с реальной экономической и политической самостоятельностью регионов) с эффективными институтами принятия решений. Если верно, что современными замени-

телями военного и геополитического престижа в какой-то мере могут считаться геоэкономический и геокультурный престиж, то и размышлять нужно в соответствующих направлениях.

В любом случае требуется дополнительный поиск, систематическое философское и научное обоснование и широкое общественное обсуждение направлений развития. Из цепких объятий российских циклов не вырваться, не выявив и не преодолев их внутренний механизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вишневский Р. Модернизационные циклы в истории России (электронная публикация).

² Янов А.Л. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. – М., 1997; Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. – М., 1997; Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. – М., 2004. Лапкин В.В., Пантин В.И. Волны политической модернизации в истории России (электронная публикация).

³ См. методологию в гл. 6 книги: Разработка и апробация метода теоретической истории. Вып. 1 из серии коллективных монографий «Теоретическая история и макросоциология». – Новосибирск: Наука, 2001.

⁴ Термин «контрреформы» принадлежит А.Л. Янову, но он вкладывает в него смысл как политического ужесточения, так и военно-промышленной мобилизации: «Система стремительно трансформируется, пытаясь одним лихорадочным броском, перенапрягая все силы и ресурсы, выйти на качественно новый уровень экономической эффективности – догнать и перегнать окружающие ее народы. И в определенном смысле достигает этого. Это тоже реформа своего рода, исключительно масштабная, последовательная и радикальная. Но поскольку вектор ее развития не направлен вперед, а обращен вспять, мы имеем право назвать ее контрреформой». Янов А.Л. Тень Грозного царя... – С. 129.

⁵ Розов Н.С. К интегральной модели исторической динамики // Время мира. – Новосибирск, 2000. – Вып. 1. – С. 291–300.

⁶ Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – С. 95–105.

⁷ Поппер К. Нищета историцизма. – М., 1993. – С. 75–83.

⁸ Концепция динамических стратегий создана австралийским экономическим историком Грэмом Снуксом и развита Н.С. Розовым. – См.: Snooks Graeme. The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. – М.: Логос, 2002. – С. 174–198.

⁹ Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. – Новосибирск, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – С. 72–77.

¹⁰ Детальнее об этой эволюционной схеме см.: Розов Н.С. Философия и теория истории... – Гл. 5.

¹¹ Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта... – Гл. IV.

¹² Розов Н.С. Философия и теория истории... – С. 369–390.

¹³ Розов Н.С. Национальная идея как императив разума // Вопр. философии. – 1997. – № 10.

¹⁴ Collins R. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. – Stanford University Press, 1999. – P. 110–151.

Л.В. ШАБАНОВ, В.А. СУРОВЦЕВ

СОЦИАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Молодежная политика как сфера особых интересов государства должна иметь специализированную, четко направленную структуру взаимодействия на микро- и макроуровне и, соответственно, должна соотноситься с субсоциальными и субкультурными характеристиками в объектно-субъектных полях транскоммунитативного взаимодействия. Одной из основных сфер взаимодействия сегодня государство и правительство видят в экономической сфере потребления (борьба за гигиену через прокладки и памперсы; борьба с алкоголизмом через пиво и колу; борьба за здоровый образ жизни через напитки и презервативы). Рычаги влияния в этом поле – реклама и мода. И реклама, и мода, правда, долгое время не являлись социально-психологическими феноменами. Но они породили потребительское поведение, основанное на социальном знании, подражании, конформизме, аттракции, социальной фасилитации, атрибуции и т.д. Мода стала определять массовое поведение в рамках социальных коммуникативных сетей (мода на одежду, мода на фильмы, мода на книги, мода на идеи и т.п.). Волна ремифологизации, трансформируя тип культуры¹, изменила внутреннюю структуру многих «родных и близких» феноменов. Вполне вроде бы рациональное стремление заработать и приобрести на заработанные деньги необходимую, нужную в хозяйстве вещь стало «товарным фетишизмом»².

Существует мода на самоопределение и оригинальность. «Я хочу быть необычным, как все» (стратегия негативизма). Мода быть «Другим без Другого» придерживается лишь внешней атрибутики противопоставления себя ценностям общества, демонстрации отклонения от норм, фактически это может быть демонстрацией трансформации культурной традиции западного общества, основанной на принципах, а не на декларации гуманизма (самоопределяющийся субъект в объективном, позитивистски познаваемом мире)³. Технократические идеалы Просвещения, породившие социализм как видение человечества образованного, эмпатичного лучшему в человеке, выродились в потребительство (рынок, на котором можно достать все), продукт системы «человек – машина»⁴, циничное отношение к образованности, инфляцию интеллектуала в эрудита-участника телевикторины. Фактически средствами рекламы продукта экономических обществ от микро- до мегакорпораций идет информационная война против возможного потребителя, обладающего пока еще не до конца деконструированными ценностями. Реальная социальная идентичность заменяется инсценировками групп⁵. «Антиинтеллектуальная культура»⁶, которая проявляется в чрезмерном внимании к удовлетворению потребительского спроса, громкости, ярко-

сти красок и развлечений в ущерб серьезному размышлению, приводит к тому, что молодежь усваивает систему ценностей массовой индустрии развлечений, а не моральные установки, воспитывающие дисциплину и любознательность ума, желание учиться.

Вектор трансформации «типа-культуры» идет от аполлонического, основанного на образованной трезвости сознания (примером может служить Ф.Э. Держинский: чистые руки, горячее сердце, холодная голова) к дионисийскому⁷, со свойственным для него стремлением выйти за пределы дозволенного, разумного, парадоксально являющимся культурной нормой. Наиболее вредным и тенденциозным дионисийским мифом является идеология равенства⁸, оргиастически уравнивающая социальные группы в свальном грехе потребления. «И нам того же!»

Все это нивелирует индивидуальный подвиг человека, делает его возможным лишь при интерактивном участии информационными средствами ленивых массединиц (Последний герой). Общество все больше отходит от гуманистических начал, от экзистенциальных и трансперсональных принципов, превращаясь в аудиторию, которой эффективно управляет бихевиоральная теория и практика. Самовыражение, самореализация, самопрезентация и т.д. – ценности общества потребления, делающего по-дионисийски (да простит нас Бахус!) равными лишь соучастников аффекта, например при просмотре реалити-шоу, позволяет опознать себя как субъекта социального действия⁹, индивиду фактически не значимому, интересному обществу только как потребитель идеологии, знающий лучшее, но делающий худшее, носитель «диффузного» цинизма¹⁰.

Получается следующий парадокс: с одной стороны, молодежи навязывают позицию акселерата-потребителя (сегодня ему берут памперсы, потом игрушки, затем он сам – колу, презервативы, компьютеры и т.д. и т.п.); с другой стороны, на личностном уровне общество сдерживает развитие молодежи, загоняя в инфантилизм: низкая степень самостоятельности, низкий уровень ответственности, размытый в ролевом наборе «Я-образ», отказ от предъявления «Я-идентичности» в пользу модности и стремления максимально безопасно социализироваться. SMS-мания и рейтинговые опросы создают иллюзию интерактивности, «продвинутой» социально-экономической реальности¹¹.

Какой же результат мы можем получить в ближайшем будущем, иными словами, что может дать обществу инфантильный акселерат? Во-первых, уже сегодня мы можем увидеть трансформацию таких гуманистических

понятий, как самореализация (теперь представители молодежи мыслят ее как повышение потребительской способности) и самоактуализация (соответственно – повышение культуры потребления).

Во-вторых, уже сегодня мы можем посмотреть «модный» общественный заказ: мальчишкоподобные нимфетки (а-ля Лолита и т.п.), бисексуальная проституция, которая становится сферой досуга (культурная программа), включение детей во взрослые виды потребительских цепочек (в том числе детские рестораны и детский шоу-бизнес), перевод прав молодежи из политической в сексуальную сферу (снижение сексуально-активного возраста).

В-третьих, молодежь становится не только атомизированной аудиторией отдельно выделенных потребителей, но и все более аномичной структурой в обществе (хочу ничего не делать, но так, чтобы у меня все было; я сам есть ценность, поэтому мне все должны – все остальное не важно). Подобный вид социальной лености не может привести общество к реальному политическому, или экономическому, или социальному росту¹². Наиболее вероятным результатом подобного «самоопределения» может быть только идеологический фантазм¹³, инфантильно воплощенный в корнях «постидеологических» политических движений¹⁴.

Современный либерализм, содействуя работе ассенизаторов, иногда очищает города от отбросов, но не решает заниматься ассенизационной деятельностью в куда более опасной сфере загрязнения – в сфере информации, и особенно в сфере идеологии и нравственности¹⁵.

Огю Сорай, средневековый японский мыслитель-неоконфуцианец, размышляя о возможностях исправления морали современного ему общества, подорванного установлением военного правления, видел содержание «морали правителя и умиротворенного народа»

в «этике, музыке, наказании, власти»¹⁶. В этом, возможно спорном, рецепте, как и в прочих рецептах, предложенных светлыми умами прошлого, ничего не говорится о популярности, удовлетворении потребностей и воспитании «деловых» качеств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савин П.Н. Культура и процесс ремифологизации // Проф-ориентация и психологическая поддержка. Теория и практика: Матлы V регион. науч.-практ. конф. – Томск, 2003.

² Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.

³ Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / Пер. с фр. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 473 с.

⁴ Юнгер Ф. Совершенство техники / Пер. с нем. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 502 с.

⁵ Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000. – 432 с.

⁶ Кенеди П. Вступая в двадцать первый век. – М., 1997. – С. 362.

⁷ Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т. 1: Интерпретация культуры. – С. 271–284.

⁸ Гуггенбуль-Крейг А. Наивные старцы. Анализ современных мифов / Пер. с нем. – СПб.: БСК, 1997. – 96 с.

⁹ Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses (Notes towards an investigation). – L.: Verso, 1994. – P. 130–131.

¹⁰ Слотердаик П. Критика цинического разума / Пер. с нем. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2001. – 583 с.

¹¹ Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше подсознание / Пер. с англ. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 368 с.

¹² Шабанов Л.В. Толерантность или игра в одни ворота // «Мы»: Науч.-публ. альманах. – Томск: ТГУ, 2003.

¹³ Жижек С. Указ. соч.

¹⁴ Демоз Л. Психионистория / Пер. с англ. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 512 с.

¹⁵ Монсеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.

¹⁶ Цит. по: Нагата Х. История философской мысли Японии / Пер. с япон. – М.: Прогресс, 1991. – 416 с.

Томский государственный университет

А.М. АБЛАЖЕЙ

БАЗОВЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ АСПИРАНТОВ НОВОСИБИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА*

В настоящем исследовании ставилась цель, используя традиционные социологические методы, ответить на главный вопрос: каково современное состояние важнейшего элемента воспроизводства научного сообщества и, шире, науки в целом – института академической аспирантуры¹. Решая вопрос о том, выполняет ли аспирантура свои функции, следует напомнить, что в соответствии с

Законом «О высшем послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. «аспирантом является лицо, имеющее высшее профессиональное образование и обучающееся в аспирантуре и подготавливающее диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук». Закон, таким образом, недвусмысленно дает понять, что главная задача аспирантуры – подготовка профессионального ученого в процессе специального образования, свидетельством профессиональной пригодности которого должна являться успешная защита кандидатской диссертации. Следовательно, статистическим показателем эф-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 04-03-00462а «Воспроизводственные механизмы российской науки: современное состояние и перспективы развития»).

фektivности ее деятельности может служить, с одной стороны, количество выпускников, ставших членами научного сообщества, с другой, количество успешно защищенных этими выпускниками диссертаций. Не следует, однако, забывать о такой важнейшей функции аспирантуры, как передача следующему поколению ученых традиционных ценностей и правил поведения людей науки. По словам Е.З. Мирской, «производя с помощью действующих ученых новые знания, наука в процессе получения знаний производит и новых ученых. Традиционная модель – это образец, на который ориентируется ученый. Трансляция традиционной модели ученого и его деятельности в процессе социального образования является одним из способов (возможно, основным) приобщения новых поколений, вступающих в науку, к традициям и кодексу научного сообщества. Она является тем мифологическим образцом, через который передается ритуал научной деятельности или, в современных терминах, «профессиограмма» ученого. Поэтому ее наиболее существенная роль – это роль аксиологического ориентира в процессе образования ученого, а не феноменологическое описание научного творчества»². Стоит, однако, отметить, что традиционная модель науки также испытывает влияние меняющихся социальных и культурных условий своего существования, следствием чего могут стать значительные трансформации ее первичного образца. Так, Р. Мертон признавал, что его нормативная модель научного сообщества, основу коллективного менталитета которого составляет ряд фундаментальных ценностей (принципы универсализма, организованного скептицизма и т.д.), никогда не существовала в действительности, став, тем не менее, основой для многочисленных эмпирических исследований.

Очевидно, что результаты подобного воздействия не могут быть одинаковы для всех участников процесса. Взаимодействуя сложным образом с различными культурными образцами (поведения, построения карьеры и т.д.), находясь одновременно под мощным влиянием изменяющихся социальных условий (что особенно актуально для современной России), наука и сама существенным образом меняется. Образно говоря, сегодня мы наблюдаем процесс постепенного отмирания науки советского образца и прихода на ее место какой-то другой науки (понимая данный процесс прежде всего в аксиологическом смысле), что сопровождается и трансформацией традиционных для советской науки образцов поведения. Один из них – почти безусловное следование по однажды выбранному пути. То есть, поступая в аспирантуру, человек отдает себе отчет в том, что его главная цель – защита диссертации, дающая право на вступление в научное сообщество. Выстраивая типологию аспирантов советского образца на основе анализа мотивов вступления в члены ученой корпорации, мы наверняка получили бы достаточно ожидаемые результаты: желание заниматься научной деятельностью в ее традиционном понимании, стремление сделать науку трамплином административной карьеры, соображения престижа и др.

Попытавшись проделать подобного рода операцию в отношении современных аспирантов, мы сталкиваемся с гораздо более трудной задачей. Прежде всего, стоит согласиться с выводом ряда авторов о том, что только подготовкой будущих ученых функции аспирантуры в настоящее время не исчерпываются, и «далеко не все будущие аспиранты ориентированы на науку (в то время как 15–20 лет назад понятия «аспирантура» и «наука» были неразделимы). Институт аспирантуры все больше работает на повышение интеллектуального потенциала общества в целом и все меньше – на воспроизводство кадров для науки и образования»³. А если человек и выбирает науку, то это еще не означает выбор традиционно понимаемой научной карьеры.

Исходя из того, что сегодня важнейшей задачей социологов является изучение динамики эволюции советской модели науки, важнейшее место в исследовании занял сравнительный анализ ответов, с одной стороны, экспертов, в качестве которых выступали научные руководители аспирантов (они же – носители традиционных для советского периода ценностей научного сообщества: средний стаж работы в науке для них составил 32 года) и, с другой – аспирантов-очников академических институтов СО РАН первого, второго и третьего года обучения по ряду вопросов. Все ответы были сгруппированы по отраслям наук: в качестве таковых традиционно используется принадлежность респондентов к той или иной отрасли науки в зависимости от специализации Объединенного ученого совета (ОУС). Ниже приводятся количественные результаты сопоставления однотипных ответов.

I. Оценка общего уровня подготовки аспирантов

Вопрос для экспертов⁴ сформулирован следующим образом: «Согласны ли Вы с утверждением, что в аспирантуру по-прежнему идут самые талантливые и подготовленные выпускники вузов?» (в таблице, в процентах от общего числа ответивших, представлена сумма ответов: «Да» и «Скорее да»). Вопрос для аспирантов⁵ был поставлен так: «Как Вы учились в вузе?» (в таблице представлены, в процентах от общего числа ответивших, ответы «Отлично»).

Т а б л и ц а 1

Отрасль науки	Эксперты, %	Аспиранты, %
Математические науки	87,5	50
Физические науки	100	57,7
Информационные технологии и вычислительные системы	100	51,6
Энергетика и механика	100	33,3
Химические науки	100	29,8
Биологические науки	33,4	51,2
Науки о земле	88,9	55
Общественные науки	80	50
Историко-филологические науки	100	78,6

В данном случае появляется возможность сгруппировать все описанные случаи в три группы:

1. Случаи, когда наблюдается резкое отличие положительных представлений экспертов о качествах аспирантов (100% из них отметили, что в аспирантуру идут самые талантливые и подготовленные выпускники вузов) и достаточно скромных самопрезентаций аспирантов (лишь менее 30%, как в случае с химиками, отметили, что они учились в вузе «на отлично»). Принимая во внимание, что нельзя напрямую записывать всех отличников в ряды «самых талантливых и подготовленных», тем не менее, это весьма значимый результат. Выводы: 1) не все (даже далеко не все) отлично успевающие студенты, как это было прежде, идут в науку; 2) в научном сообществе продолжают сохраняться идеальные представления о качествах будущей смены (ведь она *должна быть* именно такой). Помимо всего прочего, наши данные дают основание усомниться в выводах коллег, сделанных на материалах Нижнего Новгорода несколькими годами ранее: «В целом же, несмотря на «недобор» аспирантурой части талантливой и перспективной для науки молодежи, полученные данные свидетельствуют об интеллектуальном превосходстве молодых людей, планирующих обучение в аспирантуре, над другими студентами. Они эффективнее усваивают программу обучения, вдвое чаще занимаются дополнительной профессиональной подготовкой, получают второе высшее образование. Студентов, ориентированных на науку, можно назвать «золотым фондом» высшей школы»⁶.

2. Случаи, когда оценки экспертов и самих аспирантов в целом совпадают или разнятся не так радикально, как в первом случае (отчасти это относится к историкам и филологам).

3. Наконец, случаи, когда оценки экспертов более негативные, чем представления аспирантов о самих себе – в случае с биологами. Возможно, это связано с относительно высоким, по сравнению с некоторыми другими отраслями науки, уровнем конкуренции именно в сфере биологии (это одна из наиболее востребованных с настоящим временем дисциплин, что напрямую отражается и на престиже, и на финансовом положении ученых). Не исключено, что здесь просто есть возможность предъявлять более жесткие требования к уровню аспирантов и производить отбор.

II. Оценка уровня профессиональной подготовки аспирантов

Вопрос для экспертов сформулирован следующим образом: «Каково качество профессиональной подготовки молодежи, поступающей в аспирантуру (в таблице представлены, в процентах от общего числа ответивших, ответы «Высокая»). Вопрос для аспирантов был поставлен так: «Оцените уровень профессиональной подготовки, полученной в вузе» (в таблице представлена, в процентах от общего числа ответивших,

сумма ответов: «На уровне лучших мировых стандартов» и «Ниже мировых, но один из лучших в России»).

Т а б л и ц а 2

Отрасль науки	Эксперты, %	Аспиранты, %
Математические науки	71,4	57,6
Физические науки	57,1	71,1
Информационные технологии и вычислительные системы	100	64,6
Энергетика и механика	100	11,1
Химические науки	37,5	60,8
Биологические науки	50	58,2
Науки о земле	33,3	85
Общественные науки	20	43,8
Историко-филологические науки	50	42,9

Отмеченные выше тенденции подтверждаются и анализом ответов экспертов и участников массового опроса аспирантов на вопросы о том, как они оценивают профессиональную подготовку молодежи, поступающей в аспирантуру. Наиболее заметная разница – в сфере энергетики и механики. Если все без исключения эксперты из числа научных руководителей аспирантов указали, что подготовка аспирантов «высокая», то из числа самих аспирантов лишь 11% (!) указали, что их подготовка на «одном из лучших в России уровней»; при том, что ни один из аспирантов не указал другой имевшийся в анкете вариант ответа – «на уровне лучших мировых стандартов».

Из общей тенденции выбиваются ответы представителей двух отраслей – наук о земле и общественных наук, где, напротив, мнение аспирантов об уровне собственной подготовки более благоприятно, чем мнение их научных руководителей. Если в отношении общественных наук это соотношение выглядит следующим образом: 20% для экспертов при 43,8% для самих аспирантов, то в случае с науками о земле разрыв увеличивается гораздо сильнее: 33,3% нашли подготовку аспирантов высокой, тогда как среди самих аспирантов, считающих, что их подготовка на уровне лучших мировых стандартов или одна из лучших в России, уже 85%.

III. Оценка диссертации в качестве продукта научного творчества

Вопрос для экспертов звучал следующим образом: «Как Вы лично рассматриваете диссертации своих аспирантов?» (в таблице представлены, в процентах от общего числа ответивших, ответы «Как научное исследование, вносящее вклад в науку»). Вопрос для аспирантов был сформулирован так: «Как лично Вы относитесь к подготовке и защите диссертации?» (в таблице представлены, в процентах от общего числа ответивших, ответы – «Это реальный способ внести личный вклад в науку»).

Т а б л и ц а 3

Отрасль науки	Эксперты, %	Аспиранты, %
Математические науки	62,5	15,2
Физические науки	71,4	16
Информационные технологии и вычислительные системы	100	16,7
Энергетика и механика	100	33,3
Химические науки	75	22,2
Биологические науки	77,8	34,2
Науки о земле	77,8	30
Общественные науки	80,5	43,8
Историко-филологические науки	75	42,9

Здесь также наблюдается весьма значимое отличие должного в представлении экспертов и сущего в представлении самих аспирантов. Самое разительное отличие – в случае с информационными технологиями. Здесь 100% экспертов указали, что рассматривают диссертации своих аспирантов как «научное исследование, вносящее вклад в науку», тогда как близкую точку зрения («диссертация – это реальный способ внести личный вклад в науку») высказали лишь 16,7% аспирантов этой специальности. Аналогичная картина – во всех остальных отраслях науки, самая острая наблюдается в математической и физической науках, энергетике и механике.

Вывод: расслоение научного сообщества по сугубо профессиональным ценностям. Идеальное представление о профессии ученого, о предназначении науки сменяется прикладным, инструментальным и прагматичным подходом. А это уже залог будущего конфликта мировоззрений и систем профессиональных ценностей и приоритетов. Причем с накоплением профессионального опыта этот конфликт не сглаживается, а обостряется. Если среди аспирантов первого курса вариант ответа «диссертация – это просто формальность, она нужна только для получения ученой степени» выбрали около 20%, то на втором курсе – 25, а на третьем – более 41% (!). При этом доля носителей традиционных для науки ценностей (см. рассуждения выше) почти не изменяется: 23,5% на первом курсе, 26,6 на втором и 26,4% – на третьем. Это подтверждает выводы, уже полученные нами при сравнении двух поколений ученых.

IV. Оценка эффективности системы «проточной аспирантуры»

Учитывая, что вопрос об эффективности аспирантуры, в том числе внедренной в Сибирском отделении РАН системы так называемой «проточной аспирантуры», предусматривающей максимально широкий набор при последующем отсеивании, является для нас основным, мы задали как экспертам, так и самим аспирантам вопрос на эту тему. Вопрос для экспертов формулировался следующим образом: «Как Вы оцениваете систему «проточной аспирантуры»?» (в таблице представлены, в процентах

от общего числа ответивших, ответы – «Это приемлемый способ пополнить науку способными молодыми сотрудниками»). Вопрос для аспирантов был поставлен так: «Ваше отношение к практике «проточной аспирантуры?» (в таблице представлены, в процентах от общего числа ответивших, ответы «положительно»).

Т а б л и ц а 4

Отрасль науки	Эксперты, %	Аспиранты, %
Математические науки	62,5	26,5
Физические науки	71,4	23,5
Информационные технологии и вычислительные системы	100	30
Энергетика и механика	100	44,4
Химические науки	57,1	21,7
Биологические науки	80	18,6
Науки о земле	55,6	30
Общественные науки	40	53,3
Историко-филологические науки	25	7,1

Как видим, только эксперты, представляющие общественные и гуманитарные науки, скептически оценили продуктивность «проточной аспирантуры» (сумма положительных оценок меньше 50%), тогда как, например, все без исключения эксперты из таких отраслей, как информационные технологии и энергетика, оценили ее положительно. Что касается аспирантов, то здесь ситуация прямо противоположная – за исключением представителей общественных наук, все остальные респонденты либо оценили проточную аспирантуру отрицательно, либо затруднились с ответом, поскольку никогда не слышали о подобной системе. В некоторых областях, как, например, в случае с биологическими науками или энергетикой, разница во взглядах весьма существенна. В качестве варианта объяснения можно предложить следующий: в тех отраслях, где эксперты положительно оценили практику «проточной аспирантуры», она дала тот эффект, который от нее ожидали. «Центр тяжести переносится на подготовку кандидатов наук путем «проточной системы». За семь лет пребывания в институте (2+3+2) молодой человек успевает оставить след в науке и сформироваться как самостоятельный специалист, готовый идти своей дорогой. Особенно это важно для подготовки специалистов по новым технологиям, когда потребность в них начнет резко расти»⁷). Что касается аспирантов, то здесь сказывается желание повысить собственную самооценку, критически относясь к массовизации прежде элитарной формы образования.

V. Оценка удельного веса аспирантов, выбирающих научную карьеру

Вопрос для экспертов звучал следующим образом: «Как сложились профессиональные карьеры аспирантов, защитивших диссертации в Вашем НИИ?» (в таб-

лице представлены, в процентах от общего числа ответивших, ответы «работают в науке»). Вопрос для аспирантов был сформулирован так: «Что лично Вы планируете делать после окончания аспирантуры? (в таблице представлены, в процентах от общего числа ответивших, ответы «постараюсь найти работу в науке»).

Т а б л и ц а 5

Отрасль науки	Эксперты, %	Аспиранты, %
Математические науки	70	55,9
Физические науки	30	65,4
Информационные технологии и вычислительные системы	40	23,3
Энергетика и механика	70	44,4
Химические науки	50	67,4
Биологические науки	89	69
Науки о земле	50	85
Общественные науки	66	50
Историко-филологические науки	90	61,5

При ответе на вопрос «Выполняет ли аспирантура свою задачу – кадровое пополнение науки» – эксперты продемонстрировали сдержанный оптимизм. В целом около 32% из них заявили, что эта задача решается вполне успешно, тогда как лишь 8,5% уверены в обратном. При ответе на уточняющий вопрос «Как сложились карьеры аспирантов, защитивших диссертации в Вашем институте» эксперты (за исключением физических и химических наук, а также наук о земле) выразили большую степень оптимизма. Анализируя ответы на данный вопрос, задававшийся в нашем интервью, мы исходили из того, что эксперт при ответе в большей мере высказывал свое общее мнение по данной проблеме, чем оперировал точными цифрами (поскольку вопрос задавался о положении дел в учреждении в целом). Вместе с тем сами аспиранты при ответе на вопрос об их собственных планах были куда более сдержанны. Так, если эксперты из числа специалистов в области историко-филологических наук отметили, что в науку пошло 90% всех защитившихся в их институтах аспирантов, то из специализирующихся в той же области аспирантов связать свою судьбу с наукой планируют лишь чуть более 60%. Что касается других отраслей науки, то в области общественных наук подобное соотношение: 66 на 50%; математических наук – 70 на 56%; энергетики и механики – 70 на 44%; биологических наук – 89 на 69%.

Что же касается физических и химических наук, а также наук о земле, то здесь ситуация обратная – глубокий скепсис экспертов и более благоприятные оценки самих аспирантов. Так, эксперты в области физических наук посчитали, что в науку пошли лишь 30% из числа защитивших диссертации в их институтах, тогда как доля собирающихся связать свою судьбу с наукой аспирантов той же отрасли – уже более 65%. Примерно такая же ситуация в химических науках: 50 на 67% и науках о земле – 50 на 85%.

Одним из ключевых вопросов исследования стал анализ дальнейших жизненных планов аспирантов. В «Анкете аспиранта» этот вопрос сформулирован следующим образом: «Какой вариант карьеры после окончания аспирантуры наиболее предпочтителен лично для Вас?», причем участникам опроса предлагалось отметить только одну позицию. В данном случае респондент был поставлен в ситуацию, когда необходимо было четко определить позицию относительно своего профессионального будущего.

В целом среди вариантов карьеры современных аспирантов резко выделяются две лидирующие позиции: 1) «классическая» – научный сотрудник академического института, и 2) «неклассическая» – бизнес в сфере науки и высоких технологий⁸. Очевидно, что эти две траектории профессиональной карьеры в известной мере являются отражением двух ипостасей современной науки: получение фундаментального знания и его практическое применение. Отчасти примыкают ко второй группе респондентов (назовем их бизнесменами от науки) и те аспиранты, которые хотели бы работать в негосударственном научном центре. Остальные участники распределились следующим образом: карьера преподавателя в вузе; бизнес, не имеющий отношения к науке и высоким технологиям; варианты, не отраженные в предложенных формулировках ответа.

На основе ряда признаков мы разделили всех респондентов на пять типов, названия которых, на наш взгляд, весьма точно отражают их основные характеристики:

1) **традиционный ученый** – аспиранты, твердо ориентированные на занятия наукой в академическом институте. Доля – 40%;

2) **преподаватель** – аспиранты, для которых учеба в аспирантуре и защита диссертации является важнейшим залогом дальнейшей карьеры на преподавательском поприще; как правило, занятия наукой не являются самоцелью. Доля – 7,5%;

3) **ученый новой формации** – аспиранты, планирующие продолжить свою научную карьеру в негосударственном научном центре, совмещая сохранение профессиональных навыков и новый образ жизни, в частности, получая шанс приобрести имидж успешного (читай – процветающего) профессионала, чего, по их мнению, труднее добиться, делая традиционную карьеру ученого. Доля – 12%;

4) **бизнесмен от науки** – аспиранты, планирующие продолжить карьеру в бизнесе, связанном с наукой и высокими технологиями. Доля – 36%. Таким образом, удельный вес аспирантов, выбирающих традиционную научную карьеру, практически сравнялся с долей тех, кто рассматривает науку и ее результаты в качестве объекта предпринимательской деятельности, что, по всей видимости, связано с планами строительства в Академгородке свободной экономической зоны и IT-центра⁹;

5) **балласт** – люди, вообще не рассматривающие науку в качестве сферы, с которой их будущая работа

будет связана тем или иным образом, прямо или косвенно. Доля – 6%. Еще около 4% ответивших пока не определились со своим выбором.

Анализ полученных ответов показал, прежде всего, что классическая научная карьера постепенно теряет свою привлекательность в глазах аспирантов. Если из числа аспирантов третьего года обучения около 50% собираются делать карьеру исследователя в академическом институте, то среди тех, кто учится первый год, – менее 35%. В то же время карьера сотрудника негосударственного научного центра выглядит привлекательной в глазах почти 17% аспирантов первого курса, тогда как среди тех, кто учится на третьем курсе, количество выбравших этот вариант стремится к нулю. Подобные результаты позволяют сделать два значимых вывода. Один из них заключается в том, что ценностные и профессиональные ориентации аспирантов подвержены резким колебаниям; второй – усиление трансформационных процессов в науке приводит к тому, что аспирантура постепенно теряет свое значение важнейшего механизма воспроизводства научного сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «В сущности, процесс обучения аспирантов в значительной мере управляет всем процессом подготовки специалистов высшей квалификации. Не случайно, что в направлении развития наиболее сложных форм академического образования происходят качественные структурные сдвиги в странах Западной Европы. Здесь все более обособляются и занимают лидирующее положение университетские центры, способные предложить современные условия для развертывания post-graduate studies». – Цит. по: **Фирсов Б.** Пост-университетское образование в XXI

веке: взгляд из России // <http://www.socio.ru/public/firsov/univrus.doc>.

² **Мирская Е.З.** Человек в науке // Социальная динамика современной науки. – М., 1995. – С. 27.

³ **Балабанов С.С., Бедный Б.И., Козлов Е.В., Максимов Г.А.** Многомерная типология аспирантов // Социологический журнал. – 2003. – № 3. – С. 72.

⁴ «Вопросник-интервью научного руководителя аспиранта» / Составлен С.Н. Ереминым при участии А.М. Аблажея.

⁵ «Анкета аспиранта» / Составлена С.Н. Ереминым и А.М. Аблажеем при участии Г.С. Солодовой.

⁶ **Балабанов С.С., Бедный Б.И., Козлов Е.В., Максимов Г.А.** Многомерная типология аспирантов. – С. 80.

⁷ **Добрецов Н.Л.** Принципы М.А. Лаврентьева по организации науки и образования и их реализация в Сибири (к 100-летию со дня рождения академика М.А. Лаврентьева) // Науковедение. – 2001. – № 1. – С. 15.

⁸ Вместе с тем ряд авторов утверждают, что «для успехов в науке человеку необходимо *чувствовать себя ученым*, обладать *самосознанием ученого*, т.е. в определенной мере относить к себе тот образец, который содержится в традиционной модели и в свое время был воспринят им как эталон. В этом плане можно сказать, что традиционная ориентация играет роль своеобразного «охранного механизма»: в том многообразии ролей, которые приходится играть современному работнику науки, она сохраняет его как ученого». –Цит. по: **Мирская Е.З.** Человек в науке... – С. 29. Такая позиция, вероятно, отчасти противоречит нашей, поскольку в случае с бизнесом речи о «традиционной ориентации», пусть даже в качестве идеала, вероятно, идти не может в принципе.

⁹ Когда статья была уже написана, стало известно, что выдвинутый администрацией Новосибирской области проект создания свободной экономической зоны не был поддержан в ходе Всероссийского конкурса, проведенного Министерством экономического развития и торговли. Это, естественно, станет основой существенной корректировки планов развития ННЦ и отразится на настроениях ученых, в том числе аспирантов.

Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск

ПРАВО И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

А.К. ЧЕРНЕНКО

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ: ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Современная отечественная юриспруденция переживает кризисное состояние. По мнению одного из ведущих методологов права Д.А. Керимова, юриспруденция за последние десятилетия ничем сколько-нибудь значимым не обогатилась. Напротив, за годы начиная с перестройки до настоящей “реформации” фундаментальные правоведческие исследования практически исчезли. Правоведение стоит перед опасностью утонуть в массе материалов по второстепенным вопросам, комментированию законодательства и восхвалению практики¹.

Каковы же предложения юристов-ученых по преодолению кризиса юридической мысли? На первое место выступают предложения, связанные с поиском нового понятийного аппарата теории права. Здесь приоритет отдается поиску “истинного” правопонимания. Если попытаться сгруппировать эти предложения, то можно увидеть следующую картину: А.Ф. Черданцев и ряд других авторов считают, что выход из кризисной ситуации возможен, если мы признаем прагматическую модель права, “только такой подход прагматически целесообразен и теоретически обоснован”².

По существу, такую же позицию отстаивала европейская школа “свободного времени”. Характерен в этом плане взгляд на право, принадлежащий Г. Кантовичу. Согласно предложенному им методу “концептуального прагматизма”, “право – не что иное, как совокупность норм, предписывающих внешнее поведение являющихся подходящими для их применения юридических органов”³.

Некоторые ученые считают, что магистральным путем преодоления кризисной ситуации является переход к естественно-правовым воззрениям⁴. В отечественной юридической науке получает распространение либертарно-юридическая концепция и соответствующие ей понятия права и государства⁵. Существует и такой подход к пониманию права, который предполагает раскрытие категории “правотворчества” как основополагающей и интегрирующей при раскрытии самого феномена права⁶.

Следует обратить внимание на то, что в таком многообразии интерпретаций права нет ничего плохого, ибо сама природа права имеет множество сторон. Вместе с тем, нужно отметить, что, как правило, эти предложения стремятся обосновать только один из

подходов к определению права, не учитывая (или слабо учитывая) положительные стороны других. В силу этого, с точки зрения диалектической методологии, все эти подходы не могут быть признаны правильными.

Поэтому, как нам кажется, проблема состоит не в признании правомерности или неправомерности многообразия подходов к праву или признании той или иной его интерпретации, а в поиске и научном определении оснований и критериев такого многообразия, в выявлении и фиксации принципов и методов классификации “неограниченных” типов правопонимания.

Такая постановка вопроса, по нашему мнению, означает следующее: тип правопонимания – это представление о взятых в единстве наиболее существенных чертах и свойствах (признаках) права, относящихся к одной и той же ступени (уровню) детерминации, а следовательно, к одному и тому же методу генетического объяснения. Критериями определения типа правопонимания в соответствии с применяемой нами методологической конструкцией служат уровень (ступень) детерминации, свойственная этому уровню генетическая связь и необходимость как внутренняя устойчивая взаимосвязь свойств (компонентов) права. Согласно такому подходу, трем уровням детерминации (абстрактная причинная связь, взаимодействие и универсальное взаимодействие) соответствуют три типа правопонимания с характерными для них методами познания и формирования правовой системы. Такими типами являются *генетический, описательный* и *системно-содержательный*⁷.

Каждый из перечисленных типов характеризуется определенными признаками и чертами права. Переход от одного типа к другому осуществляется благодаря внутренней логике саморазвития типов правопонимания. Этот переход позволяет обнаружить закономерность, которая состоит в том, что каждый последующий тип правопонимания является более содержательным, отражает более глубокие свойства и признаки. При этом следует отметить, что процесс перехода от одного типа правопонимания к другому не прямолинеен, здесь обнаруживается действие законов диалектики⁸. Логика перехода от одного типа правопонимания к другому, как нам кажется, методологически оправданна. Она позволяет в известной мере преодолеть кризис теоретического правосознания.

С точки зрения используемого нами подхода первым и исходным типом правопонимания является *генетический* тип. Характеризуя генетическое понимание права, О.Э. Лейст справедливо отмечает, что такое понимание есть не что иное, как определение понятия по причинному соотношению (воспроизведение закона бытия изучаемого предмета)⁹. До недавнего времени генетический тип правопонимания в нашей юридической литературе ограничивался применением концепции о классовой сущности права и причинах его возникновения (право возникло вместе с классовым делением общества)¹⁰. На деле этот подход в теории государства и права имеет системное применение – он позволяет понять, какова общая идея поиска и анализа первопричины происхождения права, каково определение его базового, фундаментального источника. Именно генетическое правопонимание лежит в основе ведущих концепций происхождения права. Это *концепция естественного права*, согласно которой содержание права определяется природой общества разумных индивидов, естественным состоянием человека; согласно *концепции юридического позитивизма*, право представляет собой совокупность правил поведения (норм), принятых государством и обеспечиваемых силой его принуждения; *марксистская концепция*, в соответствии с которой субстанциональная причина права определяется экономическим базисом общества, а с точки зрения субъектной характеристики, происхождение права связано с классовой борьбой, волей экономически господствующего класса. С позиции *концепции психологической школы*, в качестве начала и детерминанты права выступают психология общества, переживание человеком своего долга перед другими людьми. *Концепция исторической школы* утверждает, что право является продуктом исторического развития народа, его традиций, духовности и менталитета.

Вместе с тем, в каждой из упомянутых здесь концепций право рассматривается только с одной стороны – с точки зрения его *генезиса*. Значение и смысл этого типа правопонимания состоят в определении и фиксации ведущего звена в общей системе правовой детерминации, в выявлении *системообразующего* фактора права¹¹. В этом заключается методологическая ценность генетического типа понимания права, используемого в теории государства и права.

Особенно важное методологическое значение для рассматриваемого типа правопонимания имеет метод познания главной порождающей связи. Основываясь на этом методе, мы выявляем причинную связь между психологическим или, скажем, историческим фактором, обуславливающим право, и воздействием того или иного фактора на поведение людей и общественные отношения. В отечественной юридической литературе в свое время сложилось определение генетической природы права как совокупности правил поведения, выражающих волю господствующего класса.

Однако ограничиться этим пониманием права мы не можем, поскольку, опираясь только на такой тип право-

понимания, мы не в состоянии выявить многие свойства и черты права, составляющие его нормативную систему и структуру, мы не сможем понять специфическую конкретно-историческую сущность правовой системы и ее составляющих: субъектов права, правореализации, правосознания и т.д. Другими словами, генетическое понимание права имеет определенные и строгие методологические границы применения, в пределах которых оно обладает действительно научным значением. Определение этих границ особенно важно в настоящее время, когда происходит смена общественно-экономического устройства, а следовательно, формируются новая правовая система и ее базовый элемент – право.

В этих условиях возникают острые дискуссии о правомерности выделения той или иной базовой детерминанты права. Особенно дискуссионным является вопрос о классовой детерминации (природе) права. Существует мнение, что концепция, объясняющая право с классовых позиций, в принципе не имеет под собой научной основы и должна быть заменена какой-то другой. В частности, предлагаются позитивистская концепция, или, к примеру, понимание права как компромисса между различными социальными слоями и структурами. Бесспорно, в реальной конкретно-исторической обстановке право является результатом воздействия различных факторов, в том числе и таких, которые обуславливают характер законодательной деятельности, качество принимаемых законов, уровень правовой культуры и т.д. В этом смысле критика абсолютизации классовой детерминации права обоснованна. Однако такая постановка вопроса не отвергает научного значения классового подхода. Все дело в методологических пределах его применения. Осознав эти пределы, мы не должны за них выходить, иначе возникает парадокс методологии: из способа познания истины она превращается в средство искажения и догматизации “правового положения вещей”.

Второй тип правопонимания – описательный. Этот тип получил широкое распространение в современной теории государства и права, особенно в учебной литературе. Генетическое определение права, как мы уже отметили, в силу его абстрактности не позволяло решить ряд проблем сравнительного правоведения, а без общего понятия о сущности права нельзя определить критерий для сравнения права в разные эпохи и в рамках разных национальных культур. Для решения этих проблем Н.Г. Александровым было предложено описательное определение права, отражающее его важные черты и специфическую природу: право – это система норм, санкционированных государством и охраняемых с помощью государственного принуждения. Надо сказать, что термин “описательное правопонимание” обычно употребляется, когда речь идет о позитивистском (нормативистском) подходе. Так, В.А. Четвериков отмечает: “Позитивистский подход к праву характеризуется как “дескриптивный”, т.е. “описывающий” содержание права”¹². С точки зрения нашей классификации типов правопонимания, данный тип представляет собой вторую, более конкретную логиче-

скую ступень понимания права и его характеристик. На этой ступени познания права акцент делается не на генетической природе права (хотя она и предполагается), а на описании и перечислении его основных свойств и признаков. В качестве таких свойств обычно указываются нормативность, формальная определенность, обеспеченность возможностью государственного принуждения к его исполнению. При этом отдельные авторы отмечают, что ведущим свойством является нормативность права¹³. Таким образом, описательное понимание права отражает совокупность признаков, которые присущи определенной социальной сфере, а именно правовой, и без которых эта сфера существовать не может. Описательное правопонимание широко используется в теории права, например, при определении нормы права, правового регулирования, правонарушения и т.д.

Методологический подход, который мы используем, позволяет значительно глубже понять природу описательного типа правопонимания. Дело в том, что в теории государства и права, как нам кажется, сложилось устойчивое мнение, будто этот тип понимания права отражает лишь внешние признаки, сущность первого порядка¹⁴. Действительно, методологический подход, который обычно используется для анализа и интерпретации этого понимания права, “укладывается” в рамки описания его внешних признаков и свойств, познания права как суммативной целостности. Именно такой подход мы можем видеть (правда, с некоторыми вариациями) в учебной литературе по теории государства и права. Как правило, в этом случае анализ обычно ограничивается внешними формальными характеристиками права. Применяемый же нами системно-генетический подход позволяет выйти на новый теоретико-методологический уровень познания “описательного” понятия права. И прежде всего, его использование позволяет раскрыть характер взаимосвязи элементов, составляющих норму права, поскольку специфическая природа взаимосвязи этих элементов обуславливается особенностями их генетической основы.

Иначе говоря, на данной ступени понимания права системно-генетической его основой выступает не внешний фактор, как нередко утверждается, а внутренний источник – само взаимодействие составляющих его свойств и черт. Взаимодействие этих элементов (свойств и черт) и есть *causa sui* права. Таким образом, суть используемого нами метода сводится к отказу от представления о внешнем порождении и выдвигению на первый план тезиса о генетическом источнике права как взаимодействию самих свойств права. В данном случае необходимость означает, что при наличии достаточных компонентов (признаков, свойств) права и строго определенных условий их соединения необходимо возникает норма права, которая соответствует качественной определенности, характерной для описательного правопонимания.

Недостаточность и ограниченность описательного типа правопонимания состоит в том, что здесь упускается из виду обусловленность самого права общест-

вом и свободой. Описательное определение права не дает “указания” относительно социальной природы его происхождения. Следовательно, в данном случае не раскрываются глубинные процессы генезиса и изменения права и правовой системы в целом, отсутствует конкретно-исторический подход к определению специфических свойств права. В решении указанных проблем нам поможет более содержательный уровень правопонимания, к анализу которого мы и приступим.

Третий тип правопонимания – это *системно-содержательное* (или просто *содержательное*) понимание и определение права. По сравнению с рассмотренными ранее данный тип представляет более сложный и глубокий уровень правопонимания. Содержательное определение права – это интегральная модель, которая в преобразованном, “снятом” виде включает в себя свойства и черты генетического и описательного права¹⁵. На этом уровне право выступает как “явление сложное, многогранное, исключительно богатое, аккумулирующее в себе огромное количество экономических, политических, социальных и духовных факторов общества, оно выступает мощным средством управления общественными процессами как внутри страны, так и в международном общении. Иначе говоря, в право включается вся система пространственно-временных характеристик правовой действительности”¹⁶.

Принципиальное значение для раскрытия природы содержательного определения права имеют его *системные и содержательные* характеристики. Следует заметить, что эти характеристики не всегда учитываются в традиционном правопонимании. Правда, в последнее время в правоведении наблюдаются подвижки, благодаря которым оно все больше отходит от абстрактно-формальной трактовки права. Отмечается, что в свете новых подходов к пониманию права особую значимость приобретает естественное право, состоящее из социально-правовых притязаний, содержание которых обусловлено природой человека и общества. Вместе с тем по-прежнему “ведутся споры о том, имеет ли право содержательные характеристики или оно безразлично к объекту и методу регулирования”¹⁷.

Каковы же эти характеристики? Во-первых, это строгое соответствие нормы права объективным закономерностям развития общества, потребностям и интересам населения. Во-вторых, то, что с необходимостью вытекает из основных естественно-правовых и социальных ценностей, – понимание права как интегрального единства права и свободы, правовой свободы. В-третьих, это качественная характеристика права как справедливости, равенства в должном. В-четвертых, генетическая характеристика права, его динамизм – внедрение в практическую жизнь системы правовых норм, правовых принципов и правовой политики. В-пятых, системное единство всех компонентов, составляющих право: правотворчества, механизма правового регулирования, этапов правореализации, эффективности правового воздействия, способов толкования

права, путей укрепления законности и правопорядка и т.п. В-шестых, это конкретно-политическая характеристика права – воспроизведение в праве изменяющихся конкретно-исторических, политических и социально-экономических условий и обстоятельств.

Если мы попытаемся дать краткое системно-содержательное определение права, то при всей условности такого определения его можно, на наш взгляд, сформулировать следующим образом. *Право – это обусловленная конкретными закономерностями социального развития, потребностями и интересами общества и соответствующая принципу единства естественно-правового и позитивно-правового правопонимания система правовых законов (правовых норм), санкционированная правовым государством и обеспеченная институтами практической реализации правовых требований.*

Существенный и принципиально значимый аспект анализируемого нами правопонимания – определение структуры содержательного понятия права, т.е. познание внутренней формы организации системности права, его содержательной природы, выступающей как единство устойчивых взаимосвязей составляющих его элементов.

Существенный момент системно-содержательно-го понимания права – представление о том, что каждый из составляющих его элементов при всей их относительной самостоятельности есть единство многообразных проявлений права, их конкретно-исторический синтез. Скажем, система правовых норм представляет собой не просто совокупность норм, институтов и отраслей права, а содержит в себе их конкретно-историческую характеристику, естественно-правовые ценности, уровень и степень осуществления правовой политики, правосознания и т.д.

Содержательная интерпретация права позволяет нам с новых позиций подойти к пониманию *правовой системы*, углубить и развить ее теоретическую основу, методологию ее познания и, опираясь на полученные знания, определить научные ориентиры и методы формирования правовой системы. В самом деле, данное правопонимание играет чрезвычайно важную методологическую роль, оно выступает в качестве метода исследования правовой системы в целом и отдельных ее структурных элементов. Существенно заметить, что в этом случае системный подход включает в себя содержательное начало, т.е. естественно-правовую ценностную ориентацию. Такое правопонимание позволяет на принципиально новой основе осуществить экспертную оценку каждого уровня правовой системы: субъектного и интеллектуально-психологического, нормативно-регулятивного, организационно-деятельностного и социально-результативного. Содержательное понимание права имеет критериальное значение: с его помощью мы можем определить критерии оценки эффективности и рациональности правотворческой и правоприменительной деятельности, а следовательно, более точно оценить их роль и место в формировании правовой системы, ее ценностных качеств и свойств.

К сожалению, как показывает анализ политической и юридической практики, системно-содержательный подход к определению права и правового регулирования реализуется крайне слабо. Это хорошо видно на примере экологического права, которое превращено, по существу, в статистическую сумму нормативных природоохранных предписаний. В концепции экологического права отсутствуют такие важные элементы, как региональная экологическая правовая политика, общеправовые принципы равноправия и эквивалентности. Система реализации экологоправовых норм занимает в ней периферийное место. В результате мы имеем иллюзорную правовую схему. Природоохранное законодательство должно действовать как бы само по себе, автоматически. Эта иллюзия вносит известную дезориентацию в мероприятия по охране окружающей среды. Центр тяжести в природоохранной деятельности переносится с реальной экологической правовой политики на формально-абстрактное ее отражение в нормативно-правовых актах.

Системно-содержательное понимание права позволяет с более глубоких методологических и гуманистических позиций произвести и *диагностику других типов понимания права и его соотношения с государством, выяснить их принципиальное отличие от содержательно-го права*. Прежде всего, это относится к позитивному праву. Противоположность системно-содержательной и позитивной интерпретаций права выражается в следующих основных положениях. Во-первых, с позиций системно-содержательного понимания права, право и государство суть необходимые формы правовой свободы. В самом деле, согласно проанализированной нами концепции соотношения права и свободы, правовое регулирование выступает как обеспечение свободы. Позитивисты же представляют правовое регулирование как режим несвободы. Правда, на первый взгляд содержательное право также можно представить ограничивающим свободу в силу того, что одной из его составляющих выступает система правовых норм, которая, как известно, включает в себя запреты, обязывания и санкции и таким образом устанавливает границы пользования свободой. Однако, как мы уже отмечали, эти ограничения запрещают не свободу как таковую, а то, что нарушает свободу других. Иначе говоря, самоограничение свободы по своей сути есть не что иное, как защита равной свободы всех, кто признается субъектом права.

Во-вторых, позитивисты отождествляют право и закон. Для них властное веление государства является мерой права. Все, что сформулировано в законе считается правовой нормой. Принципиально иную позицию представляет системно-содержательное правопонимание. В нем, напротив, право – это особые социальные нормы, базовыми составляющими которых являются естественно-правовые ценности, а ведущим принципом – справедливость. Законы и другие нормы права, официальные акты служат лишь формой воплощения правового содержания, основа которого – естественно-правовые начала, социально-правовые притязания.

В-третьих, для позитивистов право – это то, что находится в распоряжении государственной власти. Право тождественно силе. Сущность государства допускает любой произвол государственной власти. Принципиально иную позицию занимают сторонники системно-содержательного правопонимания. По их мнению, государство и право воплощают один и тот же принцип формально-содержательного равенства свободы и справедливости, базирующихся на правах и свободах человека как фундаментальной ценности.

Содержательное правопонимание отличается и от правопонимания в условиях либерального политического режима, когда права и свободы человека провозглашаются, но их соблюдение не гарантируется. Включение в систему элементов содержательного права механизма практической реализации принятых государством законов позволяет преодолеть этот дефект, который присущ либеральной трактовке “общеобязательности” позитивных норм права.

Таким образом, системно-содержательное понимание права является не просто итогом, синтезом и высшей ступенью познания права но одновременно выполняют существенную теоретико-методологическую функцию, а также является важнейшим условием для преодоления кризиса теоретического правосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Керимов Д.А. *Методология права*. – М., 2000. – С. 527.

² Черданцев А.Ф. *Теория государства и права*. – М., 1999. – С. 2.

³ Kantorowich H. *The definition of Law*. – Cambridge, 1958. – P. 79.

⁴ См.: Тихомиров Ю.В. *Основы философии права*. – М., 1997.

⁵ Нерсесянц В.С. *Философия права*. – М., 1998.

⁶ Брызганов А.И. О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // *Государство и право*. – 2004. – № 4. – С. 22.

⁷ Описательный и генетический типы правопонимания рассматриваются в нашей юридической литературе в рамках анализа методологических проблем определения сущности права (см.: Лейст О.Э. *Сущность права. Проблемы теории и философии права*. – М., 2002. – С. 1–7.

⁸ Переход от одной ступени понимания права к другой используется С.С. Алексеевым в его концепции ступеней восхождения права. Однако основой такого подхода служит не анализ ступеней правовой детерминации, а выявление особенностей соотношения между позитивным правом и духовными, гуманитарными началами (см.: Алексеев С.С. *Теория права*. – М., 1995. – С. 126–135).

⁹ См. также: Кистяковский Б.А. *Философия и социология права*. – СПб., 1998. – С. 139; Гегманова А.Д. *Логика*. – М., 1986. – С. 36–38

¹⁰ Лейст О.Э. *Указ соч.* – С. 2–3.

¹¹ Скажем, “при исследовании классовой сущности права речь идет обычно не столько о сущности, сколько о причинах возникновения права (оно возникло вместе с классовым делением общества) и о его содержании (право выражает преимущественно или исключительно волю и интересы политически господствующей части общества)”. – Лейст О.Э. *Указ соч.* – С. 2.

¹² Четвериков В.С. *Современные концепции естественного права*. – М., 1988. – С. 13.

¹³ См.: Пиголкин А.С. *Общая теория права*. – М., 1996. – С. 97.

¹⁴ См.: Лейст О.Э. *Указ соч.* – С. 1

¹⁵ Концепция системно-содержательного правопонимания разрабатывается нами в течение ряда лет. Исследована ее логико-понятийная структура, которая позволила раскрыть новые теоретико-методологические ресурсы для познания правовой реальности. Она применена к раскрытию правовой составляющей концепции устойчивого развития общества, анализу критериальной основы эффективности правового воздействия и конструирования регионального правового пространства и т.д. См. в частности, следующие публикации: Черненко А.К. *Философия права*. – Новосибирск, 1997; Он же. *Сибирь в правовом пространстве // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века*. – Новосибирск, 1998; Он же. *Системное определение права // Теоретические проблемы формирования правовой системы России*. – Новосибирск, 1999; Он же. *Формирование эффективной правовой системы // Современные проблемы юридической науки*. – Вып. 3. – Новосибирск, 2003; и др.

¹⁶ Кудрявцев В.Н., Керимов В.А. *Право и государство (опыт философско-правового анализа)*. – М., 1993. – С. 7.

¹⁷ См.: *Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова* – 1998. – М., 1998. – С. 230–231.

¹⁸ Кудрявцев В.Н., Керимов Д.А. *Указ соч.* – С. 7.

*Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск*

А.Б. ДИДИКИН

НАУКА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Развитие юридической науки в России в первой половине XIX в. вызвано процессом дифференциации политико-правовых знаний о закономерностях функционирования государственно-правовой действительности, что в конечном итоге стало основой формирования отраслевых юридических наук и отраслей права, разработки конституционных проектов реформирования государственного строя и систематизации законодательства Российской империи. Особенности становления и развития науки государственного (конституционного) права в этот пе-

риод обусловлены действием внешних и внутренних факторов. Внешние факторы связаны с динамикой социально-экономического развития Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв., нарастанием кризиса феодально-крепостной системы хозяйства. Внутренними факторами стали переход от априорных и рационалистических философско-правовых концепций русского Просвещения к разработке конкретно-научных проблем методологии познания государственно-правовых явлений и правового регулирования государственно-правовых отношений. Од-

нако выделение науки государственного права в самостоятельную область научного знания происходит лишь в первой половине XIX в. после включения соответствующего курса в программу университетского образования и возобновления в период царствования Александра I работы Комиссий по систематизации законодательства в Полное собрание законов и Свод законов Российской империи. Поэтому значительный интерес представляет реконструкция и интерпретация методологических и теоретических оснований науки государственного права России XIX в. на основе, прежде всего, истории русской философско-правовой мысли XVIII в.

Во второй половине XVIII в. в русской философии права под влиянием идей классического либерализма и философии Просвещения появляются оригинальные политико-правовые концепции с целью теоретического осмысления исторического развития государственно-правовых институтов и эволюции представлений о праве в различных слоях населения Российской империи. Тем самым данный период характеризуется формированием *рационально-метафизической традиции* в методологии правоведения, исходными предпосылками которой являются представление о естественных и неотчуждаемых правах человека, неизменных и обладающих абсолютной ценностью, а также идея общественного договора как способа ограничения государственной власти. Поэтому вопрос о правовой природе государства, его роли в истории и соотношении с правом становится главным предметом рассуждений. Кроме того, конституционные идеи русских просветителей концентрируются вокруг следующих основных проблем:

1. Предмет и структура «натуральной юриспруденции», ее место в системе политико-правового знания (Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий).

2. Методология познания права и государства (С.Е. Десницкий).

3. Правовой статус человека и гражданина (А.Н. Радищев, С.Е. Десницкий, Я.П. Козельский).

4. Правовая природа общественного договора и «государственных законов» (В.Н. Татищев, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев).

5. Понятие и принципы разделения властей (С.Е. Десницкий, В.В. Попугаев), федеративное устройство территории государства (А.Н. Радищев).

Соответствующая проблематика сохраняет свое значение и в XIX в. и фактически образует предмет общей части науки государственного права. Поэтому в статье исследуются лишь концептуальные особенности и теоретико-методологические подходы к постановке и осмыслению каждой из указанных проблем.

В XVIII в. юриспруденция традиционно рассматривается как составная часть практической философии. Как отмечает Я.П. Козельский, практическая философия, «в которой преподаются правила, по которым человек дела свои и поступки располагать должен», включает в себя юриспруденцию («знание всех возможных прав») и политику («наука производить праведные намерения»)¹. От-

сюда ее интерпретация как «нравоучительной философии» и стремление русских просветителей внести этический смысл в содержание государственных законов и политики. Однако С.Е. Десницкий впервые указывает на различие между «натуральной юриспруденцией», содержащей сведения о всеобщих и неизменных причинах «всех законов и правлений», и «положительной юриспруденцией», изучающей систему законов и судебные решения в сравнительно-правовом аспекте². Тем самым предмет натуральной юриспруденции в концепции С.Е. Десницкого составляют общественные отношения, связанные с происхождением и организацией государственной власти, правовым статусом человека и гражданина и обеспечением общественного порядка. В широком смысле предмет юриспруденции в данный период дополняется «правом народов» и «правом гражданским» (Я.П. Козельский), а также изучением правовых форм административно-территориального устройства государства (А.Н. Радищев). Однако расширение эмпирической основы юриспруденции во второй половине XVIII в. в результате разработки и совершенствования законодательных актов и конституционных проектов (П.И. Шувалов, П.И. и Н.И. Панины, А.А. Безбородко), а также существенных изменений в структуре государственных органов способствовало более глубокой специализации политико-правовых исследований и конкретизации предмета юридической науки.

С концепцией С.Е. Десницкого связано и теоретическое обоснование методологии правоведения, содержание которой составляют исторический, метафизический и политический методы. То есть специфика юридического познания состоит в последовательном применении каждого из указанных методов. Исторический метод предполагает описание сведений «о происшествии правлений в разные веки и у разных народов»³. С.Е. Десницкий пытается проследить эволюцию «естественных состояний» народов в догосударственный период через изменение экономических отношений и форм хозяйства («ловля животных», «пастушество», «хлебопашество», «купечество»). Следующий этап состоит в теоретическом осмыслении исторических фактов на основе теории естественного права о наличии у индивида неотчуждаемых прав, в частности, права на личную неприкосновенность, права на имя и т.д. Однако Десницкий критикует умозрительные дедуктивные построения немецких правоведов XVII–XVIII вв. (С. Пуффендорфа, Х. Томазия и др.), которые из абстрактных представлений о «естественном состоянии» выводят все многообразие общественных отношений, и противопоставляет им в качестве исходного пункта «эмпирическую» интерпретацию исследуемых правовых явлений. В сферу положительной юриспруденции он включает учение «о правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей» и «о правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями»⁴. И в зависимости от соответствия позитивных прав и обязанностей идеальным нормам естественного права возможна оценка справедливости дей-

ствующим «государственных законов» и формы правления в целом. Тем самым применение политического метода предполагает не только формально-юридическое описание законодательства, но и изучение правоприменительной практики («решений судебных»). Таким образом, представления С.Е. Десницкого о методологии правопознания имеют сходство с гипотетико-дедуктивной моделью построения научной теории.

В естественно-правовых концепциях русского Просвещения значительное внимание уделено правовому статусу человека и гражданина (С.Е. Десницкий, Я.П. Козельский, А.Н. Радищев). Рассматривая человека в единстве природных и социальных качеств, А.Н. Радищев различает естественный и «узаконенный» статусы. Естественный статус состоит в наличии у индивида «единственных» прав: «права единственные суть те, кои принадлежат собственно и особо каждому человеку, в единственном его положении, без всякого отношения»⁵. Соответственно, в естественном состоянии индивид обладает правом на «сохранность личную» (личную неприкосновенность), на «личную волю» (равенство граждан перед законом и судом) и собственность. Эти права неотчуждаемы, и «закон определяет безбедное только оных употребление»⁶. Однако необходимым условием свободного осуществления прав человека является учреждение общественных институтов и государства, так как именно в обществе «естественное право заключает в себе всю возможность деяния и есть неограниченно».

Однако представления Радищева о правовом статусе гражданина противоречивы. Он признает сословное деление общества и правовое неравенство сословий, а также неограниченный характер полномочий самодержавной власти. Но при этом в «Проекте для разделения Уложения Российского» Радищев последовательно отстаивает неотъемлемые права граждан на свободу мысли, слова и действий, на собственность, самозащиту и равенство перед законом и судом⁷. Впоследствии при разработке проектов либеральных преобразований М.М. Сперанский оставит неизменным именно сословное неравенство. И лишь сторонники радикального реформирования государственного строя Российской империи теоретически обосновывали необходимость полной отмены сословных привилегий (А.Н. Куницын, П.И. Пестель и др.).

К теоретическим основаниям науки государственно-го права XIX в. относятся не только философско-правовые теории и концепции, но и разработка концептуального аппарата науки, то есть правовых категорий и понятий. В этом смысле предметом дискуссий второй половины XVIII в. становится понятие и правовая природа «государственных законов». Основанием правовой системы у русских просветителей является общественный договор, который не только налагает обязательства и легализует отношения между властью и обществом, но и представляет собой источник государственных законов. Как отмечает Д.И. Фонвизин, «верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных»⁸. Но при

этом сохраняются механистические представления о государстве как «политической машине» (В.В. Попугаев, А.Н. Радищев), одушевленной конституцией и законами⁹. Существование общественного договора предполагает добровольные ограничения свободы индивида и полномочий верховной власти, предусмотренные государственными законами. Но обоснование степени возможного вмешательства монархической власти в частную жизнь граждан и пределов законодательных ограничений фактически определяется политическими взглядами конкретного мыслителя. Стронник «просвещенного абсолютизма» В.Н. Татищев не оговаривает подобные ограничения, указывая на такие признаки закона, как «внятность», общеизвестность и справедливость, т.е. соответствие закона этическим принципам естественного права¹⁰. Д.И. Фонвизин полагает, что фундаментальные законы должны обеспечивать «вольность» и «собственность» граждан. Неслучайно «Наказ» Екатерины II впоследствии будет содержать положение о том, что «законы весьма сходственные с естеством суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены»¹¹.

Вопрос о предмете правового регулирования и пределах правовых ограничений в данном случае связан с проблемой эффективности законодательства. Ведь в период с 1700 по 1826 г. в Российской империи было учреждено десять Комиссий по систематизации законодательства и разработке проектов Уложения Российского и свода законов, которые так и не были введены в действие¹². В этом смысле А.Н. Радищев в предмет правового регулирования включает множество отношений материальной и духовной жизни индивида («нравы, вера, вольность, имение и сохранность граждан»), считая, что законы способствуют улучшению нравов¹³. Тем самым в его проекте Уложения Российского предметом государственных законов является регулирование общественных отношений, связанных с основами государственного строя, административно-территориальным устройством (деление территории на губернии, округа), структурой органов государственной власти (император, Сенат и учрежденные им правительства) и правовым статусом граждан, разделенных на сословия¹⁴.

Если общественный договор является способом ограничения верховной власти, то правомерна постановка вопроса о необходимости разделения властей с целью недопущения концентрации власти в одном лице. Эта идея Дж. Локка и Ш.Л. Монтескье с учетом национальной специфики обосновывается и в концепциях русских просветителей. Поскольку конституция является формой организации «политического тела», В.В. Попугаев относит к числу ее важнейших функций установление пределов и ограничений государственной власти и разделение властей «в надлежащей соразмерности»¹⁵. Он признает существование лишь двух ветвей власти – «надзирательной» (у монарха и знатных сословий) и исполнительной.

Иная интерпретация механизма разделения властей предложена С.Е. Десницким, который в своей тео-

ретической модели учитывает специфику абсолютизма и феодально-крепостной системы хозяйства XVIII в. в России. Форма правления в модели Десницкого предполагает взаимодействие трех ветвей власти – законодательной, судительной и наказательной¹⁶. Законодательная власть в ее полном значении принадлежит только монарху. Но он вправе делегировать законодательные полномочия правительствующему Сенату, который состоит из 600 или 800 сенаторов. С согласия монарха каждая губерния либо провинция вправе иметь своего представителя в Сенате, который может быть избран из числа землевладельцев, купцов и ремесленников. Представитель избирается большинством голосов на срок пять лет и не может занимать данную должность три раза подряд. Одним из условий в модели Десницкого является то, что независимо от имущественного положения и состояния помещики и купцы имеют один голос. Но при этом крестьянство активным или пассивным избирательным правом не обладает.

Судительная власть распределена по 8 судебным присутствиям с центром в столичном городе. В каждом судебном присутствии заседает 12 судей с пожизненными полномочиями, но они могут быть привлечены к ответственности за вынесение незаконных решений. Наказательная власть принадлежит воеводам в губерниях и крупных провинциальных городах, которые назначаются монархом и ответственны перед ним. Однако Десницкий допускает наличие в провинциальных городах местного самоуправления – «гражданской власти»: «такую власть иметь можно позволить гражданам, а более еще купцам и художественным людям»¹⁷. «Гражданскими» полномочиями в городах, разделенных на департаменты, должны обладать 73 человека из числа дворян и купцов.

В этом смысле более радикальный вариант, связанный с административно-территориальным устройством, предлагает А.Н. Радищев. Ссылаясь на исторический опыт княжеских и вольных городов Древней Руси, он допускает возможность введения в России «народного правления» в форме федерации. Тем самым верховной властью в субъектах федерации должно обладать «собрание всех граждан» (народ), а на местном уровне – сельские сходы и народные собрания¹⁸. В первой половине XIX в. идея народовластия становится основополагающим принципом конституционно-правовых исследований, в которых обосновывается необходимость реформирования государственного строя в сторону конституционной монархии (М.М. Сперанский, А.Н. Куницын, Н.М. Муравьев), либо республики (П.И. Пестель)¹⁹. М.М. Сперанский отмечает, что «мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции»²⁰. Поэтому его «План государственного преобразования» направлен на реализацию конституционных принципов разделения властей (Государственная Дума, Сенат, Государственный Совет и император), представительного правления и верховенства закона. Таким образом, конституционно-правовые идеи русских просветителей в XIX в. детально разрабатываются при подготовке конституционных проек-

тов (Государственная уставная грамота 1820 г.), Полного собрания законов и Свода законов Российской империи. Кроме того, М.М. Сперанский частично модифицирует теоретико-методологические основания правоведения, усиливая метафизическую составляющую методологии правопознания. Юридические законы в его концепции образуют самостоятельную сферу бытия: «законы вообще устанавливают и охраняют порядок или физический, или умственный, или нравственный»²¹. При этом нравственный порядок регулируется не только религиозными и моральными нормами, но и нормами «общежительного» (позитивного) законодательства.

К началу XIX в. в русской философии права были сформулированы и переосмыслены основные государственно-правовые идеи классического либерализма и теории естественного права XVII–XVIII вв., что послужило основой для отраслевой специализации юридической науки. Уставом 1804 г. в структуру университетского образования по специальности «юриспруденция» включены учебные курсы «естественного, политического и народного права», в рамках которых дается формально-юридический и сравнительно-правовой анализ государственно-правовой проблематики²². В этом смысле А.П. Куницын, преподаватель курса «естественное право» в Царскосельском лицее и Петербургском университете, фактически является основоположником науки государственного права в России. В своей естественно-правовой теории он, прежде всего, уделяет внимание методу научного познания: «наука только тогда имеет совершенный вид, когда все положения одной составляют непрерывную цепь и одно определяется достаточно другим»²³. В науке естественного права А.П. Куницын выделяет две сферы, в которых изучаются права, возникающие из природы и законов разума («чистое» право), и права, возникающие из конкретных социальных отношений и исторических обстоятельств (прикладное право). Тем самым «чистое» право состоит из учения о «безусловных» (первоначальных) правах и учения об «условных» (производных) правах. Поэтому научное исследование государственного права как части прикладного права предполагает применение основных начал «чистого» права к отношениям людей с целью сохранения внешней свободы индивида. Первоначальные права индивида, по мнению А.П. Куницына, включают в себя право существования, т.е. право на собственное лицо (право на жизнь), право использования духовных и телесных сил по своему усмотрению (свобода мысли, слова и вероисповедания) и право «достижения благополучия» (право на труд). Эти права принадлежат индивиду по природе и неотчуждаемы, поскольку неразрывно связаны с личностью²⁴. «Условные» права возникают при наличии законного основания и правомерных действий и включают в себя право на «завладение» (собственность) и право свободы договора. Здесь у А.П. Куницына и происходит переход в сферу науки государственного права. Но при этом он провозглашает необходимость соблюдения методологического принципа историзма. Поскольку государственное

право касается отношений между властью и обществом, общественные отношения «надо рассматривать исторически, с их возникновением, с объяснением причин, заставивших людей вступить в общество». Поэтому к предмету общей части государственного права Куницын относит исследование правоотношений, возникающих из «договора соединения» людей в общество (общественного договора), «договора подданства» и в связи с использованием гражданами средств (имущества, способностей и навыков) для достижения различных целей. В данном случае «договор подданства» в теории А.П. Куницына представляет собой конституционно-правовой акт, регламентирующий права и ограничения верховной власти, а также права и обязанности граждан. Предмет особенной части государственного права состоит в изучении форм правления в сравнительно-историческом и правовом аспекте. А.П. Куницын вслед за М.М. Сперанским является сторонником конституционной монархии и принципа разделения властей, считая их средствами для устранения произвола самодержавной власти и установления конституционализма.

Однако большинство конституционно-правовых идей и проектов русских просветителей, М.М. Сперанского и А.П. Куницына во многом противоречило социально-историческим условиям развития Российской империи XVIII – первой половины XIX вв. Поэтому возможности развития государственно-правовой науки в России в XIX в. были существенно ограничены и впоследствии под влиянием юридического позитивизма и реальной политической практики государственно-правовые исследования по объективным причинам свелись лишь к интерпретации действующего Свода законов Российской империи вне исторического контекста²⁵. Тем не менее в «классический» период (до 80-х гг. XIX в.) в науке государственного права России появляется множество либеральных и консервативных теорий, развивающихся в контексте рационально-метафизического (естественно-правового), «эмпирического» (позитивистского) и диалектического методологических подходов, истоки которых заложены в философско-правовых концепциях XVIII – первой половины XIX вв., что подтверждает тезис о методологической функции философии права в конституционно-правовых исследованиях²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Козельский Я.П. Философические предложения (1768) // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. – М., 1959. – С. 352–353.

² Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Избр. произв. русских мыслителей

лей второй половины XVIII века. – М., 1952. – Т. 1. – С. 199, 202.

³ Там же. – С. 204.

⁴ Там же. – С. 204.

⁵ Радищев А.Н. Опыт о законодательстве // Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. – М., 1952. – С. 555.

⁶ Там же. – С. 556.

⁷ См.: Радищев А.Н. Проект для разделения Уложения Российского // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. – М., 1959. – С. 442, 479.

⁸ Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах // Русская философия второй половины XVIII века: Хрестоматия. – М., 1990. – С. 173.

⁹ См.: Попугаев В.В. О благополучии народных тел // Русские просветители. – М., 1966. – Т. 1. – С. 299.

¹⁰ См.: Татищев В.Н. Избранные произведения. – М., 1979. – С. 121, 125.

¹¹ Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. – М., 1767. – С. 2.

¹² См. подробнее: Обзорение исторических сведений о Своде законов. – СПб., 1833. – С. 12–42.

¹³ Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. – С. 549.

¹⁴ См.: Радищев А.Н. Проект для разделения Уложения Российского.

¹⁵ См.: Попугаев В.В. О благополучии народных тел // Русские просветители. – М., 1966. – Т. 1. – С. 308.

¹⁶ Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. – М., 1952. – Т. 1. – С. 294.

¹⁷ Там же. – С. 312.

¹⁸ См.: Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. – С. 554; Грацианский П.С. Конституционные воззрения А.Н. Радищева // Советское государство и право. – 1981. – № 4. – С. 112–114.

¹⁹ См.: План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. – М., 2004; Куницын А.П. Право естественное // Русские просветители. – М., 1966. – Т. 2; Муравьев Н.М. Проект Конституции // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М., 1951. – Т. 1; Пестель П.И. Русская Правда. – М., 1906.

²⁰ Сперанский М.М. Проекты и записки. – М., 1961. – С. 21.

²¹ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. – СПб., 2002. – С. 50.

²² См.: Емельянова И.А. «Всеобщая история права» в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). – Казань, 1981. – Ч. 1.

²³ Куницын А.П. Право естественное. – С. 204.

²⁴ Там же. – С. 221–240.

²⁵ См.: Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). – М., 1980.

²⁶ См. подробнее: Дидкин А.Б. Наука и отрасль конституционного права // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных исследований в XXI веке: Материалы конф. – Новосибирск, 2005. – С. 150–153; Он же. Методологическая функция философии права и проблема предмета конституционно-правового регулирования // Современные проблемы юридической науки. – Новосибирск, 2005. – Вып. 5.

Ж.В. НЕЧАЕВА

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ. КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В современных условиях все большую актуальность приобретают вопросы эффективности конституционного контроля, особенно проблемы эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ. Вместе с тем, как показывает анализ юридической литературы, вопросы эффективности конституционного контроля и исполнения решений Конституционного суда РФ по делам о проверке конституционности нормативно-правовых актов в конституционном праве весьма слабо разработаны.

В данной статье мы рассмотрим существующие в литературе подходы к исследованию эффективности конституционного контроля и попытаемся предложить пути решения проблемы.

Итак, что же следует понимать под эффективностью конституционного контроля? В научной литературе отсутствует четкое, системное определение этого понятия. Так, Ю.Л. Шульженко считает, что основу эффективной системы конституционного контроля составляют существенные характеристики самого конституционного контроля¹. Другие авторы эффективность в области конституционного контроля и контрольной деятельности ставят в зависимость от достижения соответствующих целей, конечных результатов, выполнения определенных задач². По их мнению, контроль должен быть действенным и объективным, приоритетно нацеленным не на формальную сторону, а на устранение обнаруженных недостатков и порождающих их причин, на оказание помощи для своевременного решения поставленных задач; в соответствии с нормами права, чтобы правовыми методами обеспечить состояние контролируемых объектов в процессе реализации нормативного акта с целью получения запланированного результата и достижения намеченных целей³. Весьма распространено мнение о том, что исследование эффективности конституционного контроля предполагает формально юридический анализ Конституции и других нормативных актов⁴. В этом случае преобладает метод причинно-следственных связей, когда проблема эффективности конституционного контроля и эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ сводится в основном к перечислению причин, условий, факторов, определенным образом влияющих на эффективность⁵.

Различные суждения и мысли авторов о понятии эффективности конституционного контроля и ее составляющих подталкивают нас к поиску решений, которые могли бы помочь разрешить концептуальные проблемы в сфере определения эффективности конституционного контроля, а также помочь выяснить пути решения проблем, возникающих на стадии исполнения

решений Конституционного суда. Анализ научных предложений показывает, что сами проблемы эффективности в сфере конституционного контроля и исполнения решений Конституционного суда РФ являются проблемами актуальными. Однако на этом единство позиции заканчивается. При этом следует сразу оговориться, что каждое из приведенных предложений несет в себе положительный аспект, который, на наш взгляд, должен учитываться при разработке концепции эффективности конституционного контроля. Если же попытаться классифицировать существующие предложения, то можно разделить их на несколько групп, каждая из которых имеет свои основания.

Основанием *первой* группы предлагаемой нами классификации эффективности конституционного контроля выступают *принципы государственного устройства и государственного управления*. Утверждается, что в странах, где установлены стабильные демократические режимы, конституционный контроль эффективно осуществляет свои функции и играет важную роль как в системе власти, так и в политико-правовом развитии⁶. Верно отмечается в литературе и то, что, с одной стороны, эффективность конституционного контроля служит индикатором демократии, степени реализации демократических принципов в обществе⁷, с другой – эффективный конституционный контроль возможен лишь в условиях реального демократического общества. Важную роль играет принцип федерализма. Так, с федеративной формой связана не только эффективность конституционного контроля, но и его возникновение и его необходимость. Справедливо отмечается, что, разрешая конфликты между государством и его составными частями, органы конституционного правосудия призваны обеспечить, с одной стороны, соблюдение конституционных гарантий правового статуса субъектов федерации, автономных областей, местного самоуправления, а с другой стороны – защиту целостности и единства государства. Иными словами, речь идет о поддержке установленного основным законом баланса между государством и его составными частями⁸.

Ж.И. Овсяян подчеркивает, что особое место в решении вопросов эффективности конституционного контроля играет принцип разделения властей. При этом существует «двойного рода связь: с одной стороны, разделение властей является причиной возникновения конституционного контроля, а с другой – сам этот принцип не может реализоваться без эффективного конституционного контроля»⁹. В то же время подчеркивается, что конкуренция властей снижает эффективность конституционного контрольной деятельности¹⁰.

Основанием *второй* группы классификации выступают *средства правового регулирования*. Среди этих средств можно выделить юридические нормы, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, акты толкования конституционных положений и др. Институт конституционного контроля не может быть эффективным, когда нарушается законность. Принцип законности Е.А. Николаев связывает с проблемой исполнения решений Конституционного суда. В этом плане мы можем достичь доведения до реализации всех предусмотренных законом правовых последствий таких решений¹¹. К сожалению, следует констатировать, что «уровень конституционной законности в стране приходится признать весьма невысоким. Стремительное развитие законодательства в России как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации не сопровождается эффективной реализацией законов и иных актов»¹². Большое внимание авторы уделяют актам официального толкования. Без осуществления функций толкования, считают они, невозможно осуществление контроля¹³. Отдельные авторы выделяют роль и место в создании системы эффективного конституционного контроля правовой культуры, правового сознания¹⁴. В литературе выделяется и такое средство правового регулирования, как контрольные правоотношения, представляющие собой «правовую связь между контролирующим и подконтрольным субъектами в целях создания наиболее благоприятных условий для реализации нормативно-правовых предписаний в поведении, деятельности подконтрольных субъектов, обеспечения эффективности правового регулирования, восстановления состояния законности и правопорядка в случаях их нарушения»¹⁵. В конечном счете, от содержания контрольных правоотношений, характера субъективных процессуальных прав, обязанностей, полноты ответственности зависит эффект разбирательства дела, принятия справедливого решения. Это обеспечивает эффективность всего контрольного процесса¹⁶, а стало быть, и эффективность конституционного контроля в целом.

Особое место в системе средств правового регулирования отводится нормам права как средству правового регулирования. Так, контрольный орган или его должностное лицо ставятся в условия, когда они должны использовать нормы права для разрешения конкретных юридических задач. Они должны оперировать нормами, которые определяют сам характер разрешаемого юридического дела и одновременно оптимальный порядок достижения юридического результата.

При этом выделяются три группы правовых норм. Первая группа правовых норм закрепляет систему контрольных органов, принципы, порядок их организации, компетенцию, формы и методы проведения контроля, систему мер ответственности. Эта группа норм создает предпосылки эффективного осуществления контрольной деятельности. Нормы второй группы обеспечивают потребности самой контрольной деятельности, являясь процессуальными по своему характеру. Эти нормы определяют оптимальные варианты контрольного процесса

и направлены на обеспечение эффективности достижения юридического результата. Они закрепляют организацию деятельности контрольных органов, порядок применения мер ответственности, систему организационно-правовых гарантий осуществления контрольной деятельности, порядок выполнения предписаний контрольных органов, стабилизируют порядок проведения контроля.

Третья группа норм – самая широкая по объему, поскольку субъекты контроля в своей деятельности оперируют всей системой правовых норм. Нормы этой группы являются предметом контрольной деятельности¹⁷. Основанием *третьей* группы в рассматриваемой нами классификации эффективности конституционного контроля выступают *гарантии*, которые создают реальную возможность для исполнения положений Конституционного суда. Т.Я. Насырова выделяет следующие гарантии конституционного контроля: а) необходимость закрепления за Конституционным судом и в законодательстве о конституционном контроле положения о том, что Конституционный суд способствует стабилизации правотворческой и правоприменительной практики; б) право органов Конституционного суда на признание утративших силу правовых актов не соответствующих Конституции; в) в качестве гарантий выступает так же сама система органов, призванных обеспечить верховенство юридической силы Конституции РФ; г) высокий уровень юридической подготовленности, нравственный психологический облик лиц, входящих в состав контрольных органов также выступают гарантиями эффективности положений Конституции¹⁸. Отмечается, что эффективное функционирование судебного органа конституционного контроля обусловливается гарантиями его независимости¹⁹.

Далее, среди требований, необходимых для эффективного осуществления контроля, можно выделить следующие: 1) контроль должен осуществляться непрерывно, регулярно и систематически; 2) быть своевременным по срокам осуществления, тщательным и полным в охвате объекта контроля; 3) носить объективный характер, способствовать формированию чувства личной ответственности; 4) быть оперативным, действенным, гласным²⁰.

В.И. Лукьяненко также справедливо замечает, что контроль для выполнения своей роли должен иметь стратегический характер, т.е. отражать общие приоритеты демократической системы и поддерживать их; должен быть нацелен на конечные конкретные результаты; играть важную роль в исполнении и внедрении простейших форм и методов контроля²¹. Разумеется, нельзя забывать и о том, что проблема эффективности контроля в условиях политического и экономического кризиса обостряется.

Итак, приведенная классификация оснований эффективности конституционного контроля позволяет не только судить о степени научной разработанности проблематики эффективности в сфере конституционного контроля, о многообразии подходов, но и сделать вывод о детерминированности эффективности конституционного контроля. Детерминированность проявляется следующим образом: а) общественные потребности (интересы, цен-

ности) порождают и определяют общее направление развития конституционного контроля и его эффективности; б) в генетическом плане это означает, что общественно-экономические, политические и иные условия детерминируют эффективность конституционного контроля.

В свою очередь имеет место и степень обратного воздействия эффективности конституционного контроля на развитие условий, детерминирующих эффективность конституционного контроля.

Так, конституционный контроль является не только следствием построения институтов правового государства, но и активным фактором, т.е. предполагает формирование институтов правового государства, содействует их успешному развитию. Здесь существуют многофакторные взаимосвязи и взаимообусловленности. Реально действующий конституционный контроль выступает в качестве мощной системы, не только осуществляющей верховенство Конституции, но и регулирующей общественное развитие и развитие права. Особо важно отметить пронизывающий, всепроникающий характер конституционного контроля. Отчасти это проявляется в том, что с помощью конституционного контроля осуществляется верховенство Конституции и права в целом, а право, как известно, действует во всех институтах социального организма.

Словом, эффективность конституционного контроля складывается как итог усвоения реально действующих демократических принципов правового государства. Однако конституционный контроль выступает и как *самостоятельная* развивающаяся система, оказывающая при этом определенное воздействие на многие общественные процессы.

Кратко остановимся на проблеме исполнения решений Конституционного Суда. Эффективность конституционного контроля в целом определенным образом проявляется, находит свое развитие и конкретизацию в эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ. Проблема эффективности исполнения особенно актуальна, но несмотря на это, она по-прежнему остается одной из наиболее слабо изученных. Надо, правда, отдать должное тому, что к проблеме эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ все же проявляют известный интерес.

В то же время анализ показывает, что этот интерес в основном ограничивается перечислением причин, вызывающих неэффективность исполнения решений Конституционного суда РФ. Среди таких причин называют: отсутствие должной законодательной базы, недостаточное участие государственных структур в процессе исполнения решений Конституционного суда РФ, отсутствие ответственности за неисполнение решений Конституционного суда, низкий уровень правовой культуры, неуважение к Конституции РФ, правовой нигилизм, отсутствие финансовых средств у государства и другие²². Разумеется, все это не может не сказаться на уровне эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ, а также конституционно-контрольной деятельности в целом.

Анализ современной юридической литературы показывает, что необходимо новое осмысление проблематики эффективности исполнения решений Конституционного суда в целом и в частности. Однако мы остановимся на одном, но чрезвычайно важном вопросе – выявлении критериев и методов исполнения его решений.

Итак, что представляют собой *первая, исходная ступень* эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ и соответствующий ей критерий? На данной ступени основанием критерия эффективности исполнения решений Конституционного суда, на наш взгляд, является конституционное право, точнее уровень развития самого законодательства. Определяющим фактором здесь выступает нормативная система, обеспечивающая исполнение решений Конституционного суда РФ в сфере конституционного контроля. Этот подход отражает стремление ученых юристов и практиков показать, что слабая эффективность исполнения решений Конституционного суда РФ является следствием слабой, недостаточной, противоречивой правовой базы. Как отмечает в этой связи Н.В. Витрук: «Во многом «слабость» механизма исполнения решений Конституционного суда Российской Федерации и конституционных (уставных) субъектов Российской Федерации обусловлена незавершенностью законодательной регламентации этой стадии конституционного судопроизводства»²³. «И далее, нельзя преуменьшать роль правовых средств и правовых механизмов исполнения решений конституционных судов. Несомненно, реализация решений конституционных судов должна иметь четкое и конкретное законодательное регулирование»²⁴. Таким образом, данный критерий эффективности исполнения решений Конституционного суда показывает, что эффективность исполнения решений Конституционного суда во многом зависит от системы взаимосвязанных и взаимозависимых норм права. Следовательно, именно отсутствие, неполнота позитивных норм права, необходимых для регулирования процесса исполнения решений Конституционного суда РФ, негативно сказывается на его эффективности.

На втором уровне критериального подхода к эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ по вопросам конституционного контроля раскрывается ценностное содержание конституционно правовых норм. В этом случае эффективность исполнения решений Конституционного суда РФ оценивается не только и даже не столько количественными показателями законодательства, сколько с точки зрения достижения конечных целей конституционализма, ради которых осуществляется конституционный контроль и конституционное правосудие. Решения Конституционного суда РФ по вопросам нормоконтроля отражают социальную направленность, содержат ценностные ориентиры, исключая из правового пространства нормативно-правовые акты, не соответствующие Конституции, нарушающие ее социально-ценностные установки.

Конституционный суд РФ в своих решениях защищает, прежде всего, Конституцию, защищает право

как юридическую и социальную ценность. Безусловно, в своих решениях суд защищает и утверждает общеправовые принципы такие как справедливость, гуманизм, демократизм, разделение властей, федерализм, законность²⁵. Анализ актов Конституционного суда РФ показывает, что суд действительно нередко руководствуется социально-ценностными началами, реализуя важнейшие принципы, касающиеся справедливости, гуманизма, гарантии частной собственности и ее судебной защиты и др. Таким образом, с точки зрения рассматриваемого критерия, неисполнение решений Конституционного суда РФ, по сути, есть неисполнение, нарушение социально-ценностных начал, естественных прав и свобод человека.

Вместе с тем наличие позитивных норм права, регулирующих вопросы в сфере конституционного контроля, процесс исполнения решений Конституционного суда РФ, а также наличие социально-ценностного содержания решений Конституционного суда РФ, еще не является достаточным для эффективного исполнения данных решений. Известно, что сегодня цели конституционного контроля не достигнуты, ряд Постановлений Конституционного суда РФ до сих пор не исполнен, некоторые из них существуют лишь в декларативной форме. Такая ситуация вызывает необходимость создания *целостного* механизма исполнения решений Конституционного суда РФ в сфере конституционного контроля. Суть этого механизма составляют его структурные элементы. Это не только позитивное и естественное право, их взаимосвязи и взаимообусловленности, но и единство иных составляющих элементов: социально-экономических, политических гарантий и иных фактов.

Следовательно, критерий третьей ступени эффективности исполнения решений Конституционного суда проявляется в системности и целостности всех указанных элементов. Совершенно верно в этом плане говорит Н.В. Витрук о том, что «поиск оптимального механизма исполнения решений конституционных судов ставит вопрос о соотношении социального и правового механизмов обеспечения исполнения решений Конституционных судов²⁶. Отсутствие хотя бы одного элемента ослабляет, разрушает процесс исполнения решений Конституционного суда, вследствие чего утрачивается его эффективность. К сожалению, на сегодняшний момент приходится констатировать отсутствие единства между данными элементами механизма исполнения решений Конституционного суда.

Подводя некий итог сказанному, отметим, что проведённый нами критериальный подход позволяет выявить ряд критериев эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ, а также по-новому подойти к определению классификации причин, факторов, условий эффективности исполнения решений Конституционного суда РФ по вопросам конституционно-

го контроля. Предложенный критериальный подход раскрывает эффективность процесса исполнения решений Конституционного суда с содержательной стороны, позволяет понять форму его осуществления, т.е. методы, способы, благодаря которым он получает новые ресурсы, необходимые для эффективной реализации целей конституционного контроля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: **Шульженко Ю.Л.** Конституционный контроль в России: Автореф. канд. дис. – М., 1995. – С. 1.

² См. напр., **Горшенев В.М., Шахов И.Б.** Контроль как правовая форма деятельности. – М., 1987. – С. 13–14; **Тарасов А.М.** Президентский контроль: теоретические и практические аспекты его эффективности // Государство и право. – 2002. – № 11. – С. 54–55.

³ См.: **Запольская Л.А.** Контроль реализации федерального законодательства органами исполнительной власти: Автореф. канд. дис. – М., 2001. – С. 21–22.

⁴ См.: **Шульженко Ю.Л.** Конституционный контроль в России: Автореф. канд. дис. – М., 1995. – С. 4.

⁵ См. напр., **Шульженко Ю.Л.** Указ. соч. – С. 11–12; **Насырова Т.Я.** Конституционный контроль. – Казань, 1992. – С. 5.

⁶ См.: **Топорнин Б.Н.** Сравнительное конституционное право. – М., 1996. – С. 163.

⁷ См.: **Зимин А.В.** Конституционный контроль в системе разделения властей (теоретико-правовые аспекты): Автореф. канд. дис. – М., 2002. – С. 22.

⁸ **Топорнин Б.Н.** Сравнительное конституционное право. – М., 1996. – С. 201.

⁹ **Шульженко Ю.Л.** Конституционный контроль в России. – М., 1995. – С. 12.

¹⁰ См.: **Овсепян Ж.И.** Правовая защита конституции. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. – Ростов н/Д., 1992. – С. 40.

¹¹ См.: **Николаев Е.А.** // Исполнение решений. – С. 192

¹² См.: **Тихомиров Ю.А.** // ВКС. – № 6. – С. 35.

¹³ См.: **Овсепян Ж.И.** Указ. соч. – С. 16.

¹⁴ См.: **Зимин А.В.** Конституционный контроль в системе разделения властей: теоретико-правовые аспекты. Автореф. канд. дис. – М., 2002. – С. 21.

¹⁵ **Горшенев В.М., Шахов И.Б.** Контроль как правовая форма деятельности. – М., 1987. – С. 117.

¹⁶ См.: Там же. – С. 121–122.

¹⁷ См.: **Горшенев В.М., Шахов И.Б.** Контроль как правовая форма деятельности. – М., 1987. – С. 48–49.

¹⁸ **Насырова Т.Я.** Указ. соч. – С. 103–109.

¹⁹ См.: **Карапетян Л.М.** Гарантии независимости органа конституционного контроля // ВКС РФ. – 1997. – № 2. – С. 64–69.

²⁰ См.: **Лукьяненко В.И.** Контроль в системе государственной службы. – М., 1995. – С. 11–12.

²¹ Там же. – С. 20.

²² См.: **Витрук Н.В.** Форум: исполнение решений конституционных судов // Конституционное Право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 3. – С. 40–42.

²³ **Витрук Н.В.** Конституционное правосудие России (1991–2001 гг.): Очерки теории и практики. – М., 2001. – С. 494.

²⁴ **Витрук Н.В.** Конституционное правосудие России...

²⁵ См.: **Ведяхин В.М.** Решения Конституционного суда РФ как способ защиты права // Конституция и правовая форма в России: Межвузовский сборник статей / Под ред. В.Я. Музыкина, В.В. Сорокина. – Барнаул, 2004. – С. 96–197.

²⁶ **Витрук Н.В.** Повышение эффективности действия и исполнения решений Конституционного суда Российской Федерации // Исполнение решений конституционных судов: Сборник докладов. – М., 2003. – С. 8.

А.В. ЦИХОЦКИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Трансформационные перемены российского общества, его движение к рыночной экономике и демократии, получившее законодательное оформление в Конституции РФ 1993 г., обусловили ускоренное формирование в стране правового государства и адекватной ему правовой системы. Характерной чертой новых политических институтов явилось то, что в их организационной основе лежит идея персонифицизма, пришедшая на смену принципу социализма, пронизывавшему юридическую надстройку и формировавшему мировоззрение граждан в условиях социализма. Именно смена приоритетов бытия предопределила появление в законодательстве непривычных для старшего поколения юристов норм. В этой связи уместно, например, отметить формулу, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ), т.е. государство констатирует неоспоримый факт: российское общество будет развиваться с учетом предложенного еще в 1873 г. Францией «правила Пепетье», по которому государство несет ответственность за все деяния всех своих структур любой из ветвей власти, в том числе и в сфере политики.

Стало очевидным, что реализация отмеченного, а равно многих других конституционных положений, диктует необходимость резкого расширения юридического образования, изменения его содержания и форм. Общество осознало объективную важность реформы юридического образования. Действительно, революционные преобразования социума инициируют новации юридического образования, побуждают к трансформации сложившихся дидактических методов, совершенствованию их содержательной стороны в соответствии с политическими, экономическими факторами и новым законодательством. С позиции данной аксиомы зададимся вопросами: соответствует ли нынешнее юридическое образование социальным требованиям? Если оно не соответствует, то что необходимо предпринять, приближая его к современным идеалам профессионального образования? Поиск ответов на поставленные вопросы затруднен в силу неразработанности основ юридической эдуктологии (раздел науки об образовании), поэтому раскрытие закономерностей, проявляющихся в сфере подготовки юристов, есть дело будущего. Но и в период кумулятивного познания эта научная дисциплина обладает рядом парадигмоформирующих исследований, позволяющих утверждать, что система юридического образования предопределяется рядом факторов: основами общественного устройства, его социально-экономической и политической организацией, характером и доминирующей направленностью общественной жизни. Высшая юридическая школа – не только

система по реализации образовательных услуг, но это и отрасль занятости и производительной сферы, где производится духовный и интеллектуальный потенциал общества, его человеческий капитал, способности нации к созданию всех иных ценностей.

Разрабатывая стратегию юридического образования, важно, опираясь на чувство консерватизма, сохранить лучшие традиции и достижения отечественной высшей школы, которые, без преувеличения, уникальны. При этом необходимо учитывать ряд объективных обстоятельств. Во-первых, российское общество находится в состоянии кризиса, поэтому, говоря о проблемах образования, важно четко представлять, что многие из них коренятся в иных сферах бытия, а в жизни высшей юридической школы они имеют лишь специфическое проявление (например, сегодня в сфере высшего образования). С одной стороны, проявляются последствия инвестиционного кризиса, обусловленного снижением государственного финансирования деятельности вузов; с другой – сохраняются внутренние источники саморазвития, препятствующие разрушению системы высшей школы, диктующие необходимость реформирования сферы образования. При этом в обществе бытует два взгляда на возможные варианты этой реформы: радикальный подход, согласно которому образование должно само приспособиться к реальности и само искать внебюджетное финансирование; традиционный подход, согласно которому образование нужно сохранить как систему внерыночного финансирования. Если же опираться на получивший отражение в докладе «Образование: сокровище» Международной комиссии по образованию для XXI в., представленном ЮНЕСКО, тезис о том, что «перед лицом многочисленных проблем, которые ставит перед нами будущее, образование является необходимым условием для того, чтобы дать человечеству возможность продвигаться вперед к идеалам мира, свободы и социальной справедливости»¹, то было бы ошибочным переводить юридическую школу исключительно на рыночные принципы финансирования. Во-вторых, поиск оптимальной модели высшего юридического образования направлен на решение коренной задачи, стоящей перед государством и обществом – формирование корпуса юристов, способных эффективно решать вопросы в интересах правопорядка. В-третьих, как свидетельствует история юридического образования, истоки которого связаны с преподаванием «правосудия духовного и мирского» в Славяно-греко-латинской академии (1678–1814), между его идеалом и реальностью всегда было огромное расстояние. В-четвертых, объективные данные о качестве подготовки выпускников юридических вузов (факультетов) дают основание для вывода о том, что отечественное юридиче-

ское образование отстает от требований, предъявляемых практикой формирования правового государства и рыночной экономики.

Таким образом, изложенное позволяет резюмировать, что в ближайшей перспективе реформирование юридического образования будет затруднительно в силу системного кризиса, охватившего российское общество, что развитие этой сферы будет еще долго пронизано противоречивостью и дезорганизацией.

Современный этап реформы юридического образования характеризуется ростом «объемов производства». Большая социальная доступность юридического образования обуславливает такую его черту как массовидность, которая, следовательно, ведет к снижению самооценки образования. Однозначно оценивать подобный процесс, выражая беспокойство по поводу перепроизводства юристов и усиления конкуренции на рынке труда не следует, поскольку современное общество требует множество людей с высокой правовой культурой: гражданин, обладающий юридическим образованием, сможет слышать, читать и понимать право. Иными словами, в структурнообразующей системе соционормативной культуры юридическое образование занимает одну из ключевых позиций.

Юридическое образование как социальное явление охватывает многочисленные и разнообразные проблемы, разрешение каждой из которых имеет самостоятельное значение для функционирования общества, но сегодня ясно одно: главной проблемой юридических вузов является то, чтобы упредить и устранить опасность разрыва между спросом и предложением качественных правовых услуг. Если не предпринимать активных мер по повышению качества подготовки выпускаемых специалистов, то привлекательность юридической профессии быстро снизится. Опасность низкого качества юридического образования состоит в том, что оно формирует личность, не приспособленную к реальности бытия. Первым средством достижения целей качественной подготовки юристов выступает эффективное использование потенциала системы высшего юридического образования. В частности, здесь функционируют сложившиеся и достаточно сильные в научном и методическом плане центры юридического образования. Например, в Сибири таковыми являются юридические факультеты Алтайского, Кемеровского, Красноярского, Иркутского, Омского, Томского государственных университетов.

В системе юридического образования действуют законы рынка: если государство не может удовлетворять возрастающий спрос на подготовку юристов, оно допускает в эту сферу негосударственные образовательные учреждения. Оценивая складывающийся параллелизм двух секторов юридической школы, важно исходить из того, что образование, в том числе и юридическое, никогда не было бесплатным. Вопрос в том, кто платил за подготовку юриста. В недавнее время за нее платили коллективно за счет средств казны, независимо от того, имел ли конкретный налогоплательщик или его дети высшее юридиче-

ское образование либо он на него не претендовал. Видимо, справедливым это в условиях рыночного пространства назвать трудно, но и платность юридического вуза не может быть такой прямолинейной, как сегодня. Возможность получения юридического образования должна быть дополнена государственной системой адресной и персональной поддержки, позволяющей учиться талантливым молодым людям. Решение проблемы должно опираться на проверенный практикой отдельных государств алгоритм: бюджетные деньги, предназначенные для юридического образования, следуют за студентом (элементы подобной системы финансирования образования уже используются в отдельных субъектах РФ, в частности, в Кемеровской области). Это позволит достичь и другую социальную цель: на рынке образовательных услуг останутся конкурентоспособные учебные заведения.

Современные исследования позволяют выявить ряд принципиальных отличий между государственными и негосударственными вузами, которые в свою очередь предопределяют стратегию управления системой образования. Главное принципиальное отличие – в перечне базовых социальных функций и характере их реализации. Выполнение государственного заказа на подготовку специалистов определенного профиля государственными вузами, его ориентация на задачу такого узкого спектра, видимо, и стало одной из причин появления негосударственных вузов. Последние ориентируются на социальный заказ, исполнение которого реализует права всех субъектов образовательного процесса. Такая направленность деятельности вузов в наибольшей мере соответствует потребностям общества. Отмеченное отличие между вузами исключает одинаковые формы их работы. Опираясь на интересы государства, его вузы действуют на основе централизованных государственных программ. Негосударственные вузы, руководствуясь социальными интересами, находятся в постоянном поиске авторских программ и концепций, которые позволяют больше реализовываться в условиях нестабильности: динамика поиска – гарант социального прогресса.

В сфере профессионального образования проявляется аксиоматичное правило: определяющим критерием эффективности вуза были и остаются преподаватели высокой квалификации. Между тем положение с кадрами преподавателей в негосударственных вузах нельзя назвать удовлетворительным. Чтобы скрасить ситуацию, создать видимость кадрового благополучия, вузы жонглируют незнанием своих заказчиков разницы между вузовской должностью и ученым званием. Появилась масса «сампровозглашенных» доцентов и профессоров, кандидатов и докторов наук, которые не прошли государственную аттестацию. И если мы понимаем, кто есть кто в юриспруденции, то студенты и их родители этого не знают. Их сознательно вводят в заблуждение, что само по себе может иметь далеко идущие правовые последствия. Нельзя умолчать и о другой тенденции в формировании преподавательского корпуса юридического образования: в его ряды усиленно «засылаются» изгнанные прокуро-

ры, спившиеся следователи, отставные офицеры силовых структур, рекрутируются представители бывшей партийной элиты и преподаватели марксистско-ленинской теории. Таким образом, юридическому образованию угрожает влияние непрофессионализма преподавателей, обусловленное отстранением государства от контроля за процессом его коммерциализации.

Базовым звеном в организации и осуществлении учебного процесса является, несомненно, кафедра. Это удивительный социальный организм, возникший в глубокой истории XIII в., представляющий собой творческий союз единомышленников. Жизнь кафедры лишена начальников и подчиненных, она функционирует в силу научного авторитета руководителя и его членов. Никакие надкафедральные административные подразделения в виде деканатов, центров и других надстроечных образований не в состоянии выполнить основную функцию кафедры. Казалось бы, нет нужды аргументировать очевидное: если административная политика вуза не направлена на создание 5–6 специализированных юридических кафедр, то говорить о качестве подготовки юристов не приходится. Однако в действительности нередко бывает и так, что подготовку юристов ведет только одна кафедра, объединяющая преподавателей всех юридических дисциплин. Подобная ситуация характерна для вузов, получивших лицензию на подготовку юристов в последние годы, политика которых ориентирована на получение высоких финансовых результатов, невзирая ни на какие пределы возможностей.

Рассматривая проблематику юридического образования, особое внимание следует обратить на «вечный» вопрос: кого должен готовить вуз – законоведа или правоведа? Казалось бы, говоря о выборе приоритета на оси этой дихотомии, речь сводится к жонглированию терминами, но за словами угадываются очертания обновленных содержания и технологий юридического образования. В условиях тоталитарного политического режима юридическое образование в значительной степени сводилось к формально-догматическому уяснению законодательного материала. Подобная примитивизация целей обучения и его прагматизированность отвечала господствующей в юриспруденции теории позитивизма и проявлялась в неспособности выпускника вуза адаптироваться к обновляемому законодательству, поскольку он не осознавал в полной мере механизм формирования правовых теорий. Современный же юрист должен быть внутренне готовым к динамике общественных отношений, изменениям законодательства. Важно отказаться от нормативизма как основной парадигмы подготовки юристов. Изучение законодательства не может быть самоцелью учебного процесса, важнее рассматривать его лишь в качестве средства наиболее глубокого познания теории, формирования профессионального правосознания. Перед современной юридической школой стоят задачи подготовки не законоведа, а правоведа, обладающего широтой и фундаментальностью кругозора. Это предполагает освобождение образования от догматов какого-либо одно-

го учения. В частности, следует преодолеть узкие рамки позитивизма, сводившего право к законодательству и так успешно приспособленного к обслуживанию интересов бюрократии.

Юридическое образование не должно оставлять без внимания процессы формирования правовых систем бывших республик СССР, поскольку изучение зарубежного права «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юристов и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права»². К сожалению, в силу разных причин так складывается, что студенты знают о правовой политике европейских государств больше, нежели о праве стран СНГ. Это в определенном смысле слова вполне логично, поскольку жизнь стран Запада не только притягательна для молодых россиян своими возможностями, но и больше узнаваемая, тогда как те же Беларусь, Украина, Таджикистан и др. – просто незнакомые места, куда сегодня мало кто ездит. Второй факт касается отношения к литературе. Сейчас студенты читают и смотрят нечто иное, чем несколько десятилетий назад. Если они двадцать лет назад значительное время отдавали «проработке» марксистско-ленинских работ, то теперь трудно сказать, кто это делает. Разумеется, не это говорит об определенной идеологической позиции юристов. Просто произошла и происходит смена цивилизационных направлений. Для молодых людей открылись в последние годы новые, прежде незнакомые авторы дореволюционной России (Мейер, Коркунов, Шершеневич и др.).

Анализ свидетельствует, что реальные моральные качества выпускников юридических вузов не соответствуют общественным потребностям – обстоятельство, диктующее необходимость создания единой образовательно-воспитательной идеологии и стратегии в сфере юридического образования. Традиционно сложилось, что в системе образования процессы обучения и воспитания всегда взаимно обусловлены. Ни обучение, ни воспитание не могут существовать изолированно друг от друга, поскольку оба процесса актуализируются через одни и те же виды учебной деятельности. Иными словами, в силу дуализма своей природы образование имеет двухаспектное целеполагание. С одной стороны, система юридического образования должна готовить профессионала-специалиста, с другой – развитую во всех отношениях личность. Эта азбучная истина мэтрами юридической дидактики не оспаривается, однако в литературе ведется дискуссия по вопросу о выборе воспитательной системы. Действительно, воспитание многовариантно, многомерно, поэтому проблема приоритетов всегда будет относиться к числу актуальных. Опуская аргументацию, можно постулировать, что, опираясь на ценностные основания, правомерно выделить две воспитательные системы, реализуемые в высшей юридической школе: а) система, в основе которой лежат социоцентрические ценно-

сти – свобода, равенство, братство, солидарность, согласие, труд, мир и др. Критерием воспитанности данная система считает готовность личности к самопожертвованию ради блага других людей, общества, государства; б) система, базирующаяся на персоноцентрических ценностях – самореализация, автономность, субъектность, личностность. Воспитание нацелено на возвышение индивидуальности в структуре человеческих ценностей. Каждая система отвечает на вопросы: для какой цели готовить юриста, ради чего жить, каким ценностям отдать предпочтение? Не будет ошибкой утверждение, что россияне являются представителями определенной культуры, культурной эпохи, традиционные их ценности – патриотизм, социальная справедливость, государственность, державность, поэтому юридическое образование должно опираться на первый подход в организации воспитательного процесса.

Объем публикации ограничивает авторскую попытку анализа всех современных проблем юридического образования (например, за ее пределами остались вопросы соотношения обязательного общероссийского образовательного стандарта и вузовской автономии, необходимости изучения права субъекта РФ, оплаты

труда вузовских работников и др.), но, подытоживая изложенное, правомерно сделать ряд выводов:

1) несмотря на трудности нашего времени, высшее юридическое образование по-прежнему в цене, оно стало для молодых своеобразной социальной защитой. Диплом юриста – пропуск в трудную, но интересную жизнь новой России;

2) не стоит ожидать, что общество способно незамедлительно разрешить все проблемы юридического образования. Но если об этом молчать и дальше, то многие проблемы станут не угрозой, а реальностью;

3) поскольку организация юридического образования есть государственная функция, осуществляемая для вполне определенных и конкретных целей, то государство не может оставаться безучастным свидетелем происходящих в этой сфере профессиональной подготовки процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Барниц И.Н. О работах И.В. Понкина по проблеме правовых основ светскости государства и образования // Право и образование. – 2004. – № 3. – С. 200.

² Очерки сравнительного права. – М., 1991. – С. 38.

*Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск*

Н.В. КЛЯУС

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Атрибутивность категории «законные интересы» обуславливает ее использование практически всеми отраслями российского права, наполняя рассматриваемый правовой феномен специфическим содержанием. Поэтому явления, отражаемые им, имеют в правовой сфере различные количественные и качественные характеристики, в том числе и в сфере гражданской процессуальной деятельности. В связи с этим в доктрине отмечается, что наряду с законными интересами, имеющими материально-правовой характер, могут существовать специфические законные интересы, носящие сугубо процессуальный характер¹, т.е. процессуальные законные интересы, которые наиболее четко проявляются при осуществлении гражданского правосудия. Данное обстоятельство вызывает необходимость изучения этого правового феномена посредством анализа гражданских процессуальных норм и субъектного состава гражданских процессуальных правоотношений. Будучи формой реализации прав, свобод, законных интересов и юридических обязанностей, гражданские процессуальные правоотношения находятся в постоянной динамике и взаимодействии, что позволяет постулировать: в гражданском процессе возникают разнообразные (в том числе особенные, специфические, не-

привычные) процессуальные законные интересы суда и лиц, участвующих в деле, а также лиц, содействующих осуществлению правосудия по гражданским делам.

Гражданские процессуальные правоотношения характеризуют правовую связь между судом и участниками процесса, определяют содержание их процессуальных прав и обязанностей, помогают глубже понять значение процессуальных действий, они также способствуют установлению направленности процессуальных законных интересов всех участников гражданского процесса на различных стадиях гражданского судопроизводства. Следовательно, разработка рассматриваемой проблемы, правильное уяснение содержания и классификации процессуальных законных интересов участников гражданского процесса поможет глубже понять специфику законных интересов, имеющих процессуальный характер, изучить отдельные их виды, что окажет серьезное влияние на дальнейшую теоретическую разработку категории «законные интересы».

Классификация процессуальных законных интересов – логическая операция деления их на виды по какому-либо существенному признаку, позволяющему выявить между ними различия и сходства, углубить

процесс познания. Поскольку участниками процесса могут быть различные субъекты, наделенные разнообразными полномочиями и имеющие качественно отличительные интересы, то основанием классификации выступает субъектный состав. Таким образом, можно выделить три вида интересов:

а) процессуальные законные интересы суда (ст. 14 ГПК РФ);

б) процессуальные законные интересы лиц, участвующих в деле (ст. 34 ГПК РФ);

в) процессуальные законные интересы лиц, содействующих осуществлению правосудия (ст.ст. 48, 69, 84, 162, 188 ГПК РФ).

Особенность гражданских процессуальных правоотношений проявляется, с одной стороны, в том, что суд выступает их обязательным участником, с другой – суд как властный орган наделяется полномочием разрешать правовые вопросы, которые могут возникнуть в связи с рассмотрением конкретного дела². Такой взгляд уже стал традиционным в науке гражданского процессуального права и находит свое подкрепление в нормах ГПК РФ. Например, без соответствующего судебного постановления не может быть начато и окончено рассмотрение гражданского дела в суде первой инстанции. Согласно ст. 133 ГПК РФ, судья в течение пяти дней со дня поступления искового заявления в суд обязан рассмотреть вопрос о его принятии к производству суда, при этом судья выносит определение, на основании которого возбуждается гражданское дело в суде первой инстанции. На основании ч. 1 ст. 194 ГПК РФ разрешение дела, по существу, завершается принятием постановления суда первой инстанции. Решение суда принимается в совещательной комнате, где могут находиться только судья, рассматривающий дело, или судьи, входящие в состав суда по делу. Присутствие иных лиц в совещательной комнате не допускается (ч. 2 ст. 194 ГПК РФ). Поэтому при осуществлении правосудия по гражданским делам наряду с процессуальными правами и обязанностями судьи наделены процессуальными законными интересами относительно рассматриваемых ими дел, что порождает их заинтересованность в исходе дела. Трудно назвать случаи, когда судья не был бы заинтересован в исходе рассматриваемого им гражданского дела. Наоборот, судья проявляет прямую заинтересованность. Однако она имеет специфическую правовую природу (направленность), характеризующуюся, с одной стороны, необходимостью реализации целей и задач гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ), с другой – принятием законного и обоснованного решения по рассматриваемому им делу (ч. 1 ст. 195 ГПК РФ). В постановлении от 19.12.03 г. «О судебном решении» Пленум Верховного Суда РФ отметил, что решение является законным в том случае, если оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (п. 2). Обосно-

ванным является решение, если имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требования закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3)³.

При таких разъяснениях высшей судебной инстанции вряд ли можно исключать заинтересованность судьи, поскольку установление фактов, составляющих предмет доказывания, является объектом познания суда, относится к предмету судебной деятельности. Поэтому судебная деятельность на различных процессуальных стадиях судопроизводства «пронизана заинтересованностью» судьи в достижении целей и задач соответствующей стадии процесса (промежуточный результат судебной деятельности), а также итогового результата такой деятельности – реализации целей и задач гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ), принятия законного и обоснованного решения по рассматриваемому делу (ч. 1 ст. 195 ГПК РФ). В этой связи неслучайно, что задачами стадии подготовки дела к судебному разбирательству закон определил: уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела; определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон; разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса; представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле; примирение сторон (ст. 148 ГПК РФ). Для достижения указанных задач судья должен быть заинтересован в использовании предоставленного ему объема процессуальных прав, обязанностей и законных интересов. Эта гипотеза влечет за собой постановку вопроса о правомерности включения в ГПК РФ процессуальной нормы, предусматривающей в качестве основания для отвода судьи его личную, прямую или косвенную заинтересованность в исходе дела (п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ). В этой связи уместен вопрос: имеется ли такая необходимость? Видимо, нет, поскольку заинтересованность характеризует направление всякой деятельности, в особенности регулируемой правом (в частности, судебной деятельности). Судье безразлично движение гражданской процессуальной деятельности, и более того, ее конечный результат, ибо от качества этой деятельности зависит возможность отмены вышестоящей судебной инстанцией принятого по рассмотренному гражданскому делу судебного постановления. К примеру, для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела суд по своей инициативе может привлечь соответчика или соответчиков к его участию (ч. 3 ст. 40 ГПК РФ). Согласно ч. 1 ст. 43 ГПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут быть привлечены к участию в деле по инициативе суда. Предпосылкой процессуальной заинтересованности судьи в исходе дела выступает, например, одна из задач стадии подготовки дела к судебному разби-

рательству: примирение сторон (ст. 148 ГПК РФ). Поэтому процессуальный законный интерес суда в склонении сторон к миру, в ходе проведения с ними переговоров о заключении мирового соглашения, не только тесно связан с такой заинтересованностью, но и как бы вытекает из нее. Другое дело, если имеются обстоятельства, вызывающие сомнение в объективности и беспристрастности судьи (п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ).

Таким образом, наряду с процессуальными права и обязанностями суд обладает определенной совокупностью процессуальных законных интересов при отправлении правосудия по гражданским делам, проявляемых относительно рассматриваемого гражданского дела. К их числу можно отнести: своевременное совершение сторонами и другими лицами, участвующими в деле, действий, указанных в определении о подготовке дела к судебному разбирательству (ст. 147 ГПК РФ); скорейшая подготовка дела для его назначения к судебному разбирательству (ст. 153 ГПК РФ); осуществление доказывания стороной обстоятельств, имеющих значение для дела, которые определил суд (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ), а также представление сторонами и другими лицами, участвующими в деле (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ) относимых и допустимых доказательств (ст. 59 и 60 ГПК РФ); скорейшее исполнение другим судом судебных поручений (ст. 62 ГПК РФ); осуществление выделения в отдельное производство либо объединение в одно производство нескольких однородных дел (ч. 3 и 4 ст. 151 ГПК РФ).

Особенность правового положения лиц, участвующих в деле, проявляется в объеме их прав и обязанностей в деле, установленных ст. 35 ГПК РФ, а также наличием материально-правового (стороны и третьи лица) либо общегосударственного (прокурор), либо общественного (органы государственного управления) интереса в деле. Материально-правовая заинтересованность в исходе дела обуславливает наличие у этих лиц наряду с процессуальными правами и обязанностями особых процессуальных законных интересов. Так, законный интерес истца проявляется в желании замены ненадлежащего ответчика надлежащим (ст. 41 ГПК РФ); это и законный интерес одной из сторон в осмотре судом по месту нахождения доказательств, которые другая сторона не может доставить в суд (ст. 184 ГПК РФ), а также законный интерес стороны, представляющей суду доказательства (свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства), в указании конкретных обстоятельств, которые могут быть подтверждены этими доказательствами. Например, по делам о взыскании с родителей средств на содержание детей, интерес ответчика может состоять в указании на конкретные обстоятельства невозможности уплаты алиментов в установленном семейным законодательством размере (ст. 81 СК РФ), одновременно с представлением суду соответствующих доказательств (справка с места работы ответчика о его заработке и о размере производимых удержаний алиментов в пользу других лиц либо нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов).

Согласно общему правилу, выраженному в ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений. Одним из средств доказывания обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, является заключение эксперта (ст. 86 ГПК РФ). Порядок назначения экспертизы установлен ст. 79 ГПК РФ, согласно которой при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу. Каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы, и просить суд назначить ее проведение в конкретном судебно-экспертном учреждении или у конкретного эксперта. Вместе с тем, окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, а также конкретное судебно-экспертное учреждение или конкретный эксперт будут определены судом (ч. 2 ст. 79 ГПК РФ). Как видим, закон не устанавливает корреспондирующей процессуальной юридической обязанности суда. Поэтому в рассматриваемом случае у лиц, участвующих в деле, имеются лишь процессуальные законные интересы (простая правовая дозволенность) в представлении суду вопросов, подлежащих разрешению при проведении экспертизы, а также в удовлетворении просьбы о назначении проведения экспертизы в конкретном судебно-экспертном учреждении либо у конкретного эксперта.

В зависимости от наличия заинтересованности в исходе дела процессуальные законные интересы могут быть классифицированы на:

- а) процессуальные законные интересы лиц, заинтересованных в исходе дела;
- б) процессуальные законные интересы лиц, незаинтересованных в исходе дела.

К примеру, как было ранее отмечено, специфика процессуальных законных интересов сторон проявляется в наличии заинтересованности в исходе конкретного гражданского дела, заключающейся в том, что они выступают участниками спорного материального правоотношения, являющегося предметом судебного разбирательства, результат которого повлияет на их материальные права и обязанности. Стороны либо приобретут какие-нибудь материальные блага, либо лишатся их (например, в случае удовлетворения или отказа в удовлетворении иска). Являясь материально заинтересованными, стороны могут самостоятельно определять объем защиты своих прав, свобод и законных интересов, а также вносить изменения (дополнения) в заявленные иски требования и т.д. В частности, истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер иски требований либо отказаться от иска, ответчик вправе признать иск, стороны могут окончить дело мировым соглашением (ст. 39 ГПК РФ). Указанные распорядительные права сторон детерминирует существование реализации их процессуальных законных интересов в ходе граждан-

ского судопроизводства. Например, ч. 2 ст. 39 ГПК РФ устанавливает, что суд не принимает отказ истца от иска, если он противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц. Из этого следует, что отказ истца от иска не влечет за собой незамедлительную корреспондирующую процессуальную обязанность суда принять такой отказ. Это указывает на возможность существования в гражданском процессе, с одной стороны, процессуального законного интереса истца в принятии судом отказа от иска, с другой – процессуального интереса суда в представлении истцом одновременно с отказом от иска доказательств не противоречия его закону и отсутствия нарушения отказом прав и законных интересов других лиц. Правомерно говорить о возможности существования в гражданском процессе процессуальных интересов ответчика и суда и в отношении признания иска ответчиком и утверждения мирового соглашения, заключенного сторонами.

Являясь участниками гражданских процессуальных правоотношений, стороны обязаны нести судебные расходы (ст. 88 ГПК РФ). Вместе с тем, исходя из имущественного положения сторон, суд вправе отсрочить или рассрочить одной стороне или обеим сторонам уплату государственной пошлины или уменьшить ее размер (ст. 90 ГПК РФ). Наличие общедозволительной возможности сторон, вытекающей из контекста указанной правовой нормы, влечет формирование в гражданском процессе процессуальных законных интересов сторон, направленных на предоставление судом отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины, или уменьшения ее размера.

Наряду со сторонами в разрешении спора в гражданском процессе могут быть заинтересованы и другие лица, не являющиеся субъектами спора о праве. Например, юридическая заинтересованность в исходе дела третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, обусловлена тем, что решение суда по делу может каким-либо образом повлиять на их права и (или) обязанности по отношению к одной из сторон. Поэтому целью их участия в процессе является защита собственного законного интереса в связи с возможностью предъявления в будущем регрессного иска или в силу иной юридической заинтересованности. В то же время ограничение возможности указанных лиц – распоряжаться спорными материальными правами в гражданском процессе (ч. 1 ст. 43 ГПК РФ) – не влечет за собой ограничение другой возможности – иметь и реализовывать в деле процессуальные законные интересы. Это, например, законный интерес третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, вступившего в дело на стороне ответчика в том, чтобы суд принял его возражения относительно исковых требований, отклонил доводы истца, изложенные в исковом заявлении, вызвал указанного им свидетеля, назначил экспертизу и т.п. Таким образом, процессуальные законные интересы лиц, заинтересованных в исходе дела, можно подразделить в зависимости от их участия либо

неучастия в спорном материальном правоотношении, являющемся предметом рассмотрения в суде.

В гражданском процессе нередко действуют и субъекты служебно-вспомогательных процессуальных правоотношений, которые вообще не имеют юридической заинтересованности в исходе конкретного дела, что обусловливается их особым процессуальным положением в процессе. Однако это не лишает их возможности иметь и реализовывать в гражданском процессе законные интересы, носящие процессуальный характер. Так, процессуальная фигура свидетеля проявляется в отсутствии юридической заинтересованности в исходе конкретного дела и содействии суду в осуществлении правосудия по гражданским делам. В силу своего «нейтрального» положения он сообщает суду известные ему какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела (ч. 1 ст. 69 ГПК РФ). Не случайно в гражданско-процессуальном законе говорится о том, что председательствующий выясняет отношение свидетеля к лицам, участвующим в деле, и предлагает свидетелю сообщить суду все, что ему известно об обстоятельствах дела (ч. 2 ст. 177 ГПК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 70 ГПК РФ лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться в суд в назначенное время и дать правдивые показания. Вместе с тем, свидетель может быть допрошен судом в месте своего пребывания, если он вследствие болезни, старости, инвалидности или других уважительных причин не в состоянии явиться по вызову в суд. Как видим, исключения из общего правила обуславливают формирование в деле процессуальных законных интересов указанных свидетелей в том, чтобы они были допрошены судом в месте своего пребывания.

Многообразие процессуальных законных интересов, а также зависимость их качественных и количественных характеристик от процессуальной стадии гражданского судопроизводства влечет необходимость различия процессуальных законных интересов, возникающих на стадии: а) возбуждения гражданского дела; б) подготовки дела к судебному разбирательству; в) судебного разбирательства; г) апелляционного обжалования; д) кассационного обжалования; е) пересмотра в порядке надзора; ж) пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решений, определений суда, вступивших в законную силу; з) исполнительного производства.

На основании ч. 1 ст. 3 ГПК РФ возможность обращения в суд за судебной защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов связана лишь с одним фактом – наличием заинтересованности лица в получении судебной защиты, представляющей собой презумпцию гражданского процессуального права. «Таким образом, – правомерно отмечает В.Н. Щеглов, – с поступлением заявления в суд возникает правоотношение, в котором судья несет обязанность решить вопрос о возбуждении дела, а у лица, подавшего заявление, имеется право на определение судьбы по данному вопросу»⁴. С этого момента, с одной стороны, возникают гражданские процессуальные правоотношения между судом и за-

интересованным лицом, с другой – возможность реализации процессуальных прав и законных интересов. Поэтому можно привести множество примеров существования подобной разновидности процессуальных законных интересов, классифицируемых по данному признаку. Это, например, законный интерес истца, связанный с предъявлением в суд исков о взыскании алиментов и об установлении отцовства по месту его жительства (ч. 3 ст. 29 ГПК РФ), а также по месту причинения вреда – по искам о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца (ч. 5 ст. 29 ГПК РФ), интерес одной из сторон в изменении территориальной подсудности (ст. 32 ГПК РФ). На стадии подготовки дела к судебному разбирательству – законный интерес сторон в привлечении для участия в деле иных лиц, истребовании и представлении дополнительных доказательств по делу (ст. 148 ГПК РФ), своевременном вручении другой стороне судебной повестки или иного судебного извещения (ч. 2 ст. 115 ГПК РФ), а также сообщении суду о перемене своего адреса (ст. 118 ГПК РФ). Это может быть и интерес истца в своевременном устранении допущенных нарушений при обращении в суд с исковым заявлением, указанных в определении о возвращении искового заявления (ст. 135 ГПК РФ) либо в определении об оставлении заявления без движения (ст. 136 ГПК РФ) и т.д. Поэтому необходимо уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству правильно определить процессуальное положение каждого участника процесса.

К процессуальным законным интересам сторон, возникающим на стадии судебного разбирательства, следует отнести их желание на скорейшее и своевременное рассмотрение дела (ст. 154 ГПК РФ), в том числе при отсутствии кого-либо из лиц, участвующих в деле, извещенных о времени и месте судебного заседания и не представивших сведений о причинах своей неявки (ч. 3 ст. 167 ГПК РФ). У истца может существовать законный интерес, заключающийся в рассмотрении его дела в порядке заочного производства (ст. 233 ГПК РФ) и назначении судом повторной экспертизы (ч. 2 ст. 187 ГПК РФ). Процессуальный интерес ответчика может выразиться, к примеру, в установлении судом отсрочки или рассрочки исполнения решения суда (ст. 203 ГПК РФ). Интерес истца и ответчика проявляется также в своевременном составлении судом мотивированного решения по делу (ст. 199 ГПК РФ).

На стадии апелляционного обжалования законный интерес лица, участвующего в деле, состоит в принятии прокурором апелляционного представления на решение мирового судьи (ч. 2 ст. 320 ГПК РФ); в принятии судом отказа от апелляционной жалобы (ст. 326 ГПК РФ), на стадии кассационного обжалования законный интерес лица, подавшего кассационную жалобу, заключается в своевременном устранении недостатков, допущенных при ее подаче (ст. 341 ГПК РФ). Это и законный интерес участвующих в деле лиц, в заслушивании их мнений по поводу разрешения судом касса-

ционной инстанции ходатайств других лиц, участвующих в деле (ст. 355 ГПК РФ).

Экстраординарность стадии пересмотра в порядке надзора характеризует не только особенность возбуждения производства в суде надзорной инстанции, но и специфику возникающих на этой стадии судопроизводства законных интересов процессуального характера. Это, например, законный интерес лица, подавшего надзорную жалобу в истребовании дела судом надзорной инстанции (ст. 381 ГПК РФ), а также в передаче дела для рассмотрения надзорной жалобы по существу в суд надзорной инстанции (ст. 382 ГПК РФ). Кроме того, законный интерес прокурора, обратившегося с представлением о пересмотре вступившего в законную силу решения суда, в приостановлении судьей надзорной инстанции исполнения решения суда до окончания производства по делу (ч. 4 ст. 381 ГПК РФ). Важно отметить и то, что судья, принявший решение, на которое подана надзорная жалоба или поступило представление прокурора, имеет законный интерес относительно рассмотрения такой жалобы и представления в надзорной инстанции. Этот законный интерес может заключаться в том, чтобы судьей надзорной инстанции было принято определение об отказе в истребовании дела (п. 2 ч. 2 ст. 381 ГПК РФ), так как указанное определение исключит дальнейшую возможность отмены в порядке надзора принятого им решения по рассмотренному делу.

В зависимости от вида гражданского судопроизводства правомерно выделять следующие процессуальные законные интересы: а) в исковом производстве; б) в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений; в) в особом производстве.

Несмотря на универсальность и детальность процессуального регламента рассмотрения дел искового производства, закон все же предусматривает отдельные изъятия для рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, и дел особого производства (ч. 1 ст. 246 и ч. 1 ст. 263 ГПК РФ). В доктрине отмечается, что это обусловлено необходимостью проведения последующей типичной деятельности суда и других участников судопроизводства с учетом поставленной на конкретном этапе цели и задачи⁵. Поэтому основанием данного классификационного признака является возможность существования процессуальных законных интересов при рассмотрении дел в различных видах гражданского судопроизводства, имеющих свои отличия, характеризующиеся правовой природой и характером индивидуальных процессуальных особенностей. У истца может быть законный интерес в устранении неопределенности его исковых требований, допущенной при подаче иска в суд и скорейшем принятии мер по обеспечению иска, в том числе таких, которые не предусмотрены ч. 1 ст. 140 ГПК РФ, а также в своевременном устранении допущенных нарушений при обращении в суд с исковым заявлением, указанных в определении о возвращении искового заявления (ст. 135 ГПК РФ), либо в определении об оставлении заявления без движения (ст. 136 ГПК РФ) и т.д.

У ответчика может существовать, к примеру, законный интерес, заключающийся в его желании скорее предъявить к истцу встречный иск для совместного рассмотрения с первоначальным иском (ст. 137 ГПК РФ), представить суду и истцу возражения на исковые требования, обеспечить предоставление истцом возможных для ответчика убытков, связанных с установлением обеспечения иска (ст. 146 ГПК РФ), и т.д.

В производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, процессуальные законные интересы заявителя заключаются, например, в том, чтобы суд по своей инициативе истребовал доказательства (ч. 2 ст. 249 ГПК РФ). Это и законный интерес суда в установлении факта наличия или отсутствия обращения заинтересованного лица в вышестоящий в порядке подчиненности орган или к должностному лицу (ч. 2 ст. 247 ГПК РФ). Так, соответствующие ответы на указанные обращения – это официальные письменные доказательства (ст. 71 ГПК РФ), позволяющие суду выбрать из всех имеющихся по делу доказательств наиболее правильную и верную информацию, наиболее убедительное доказательство.

Особое производство характеризуется отсутствием спора о праве, специфическим предметом защиты, а также применением специальных средств и способов защиты. В связи с этим можно определенно говорить о наличии в таком производстве специфических законных интересов, носящих процессуальный характер. Это, например, законный интерес заявителя по делам об усыновлении или удочерении ребенка, в использовании возможности подачи заявления в районный суд по месту жительства или месту нахождения усыновляемого ребенка (ч. 1 ст. 269 ГПК РФ).

Что же вкладывается в смысл понятия «процессуальные законные интересы»? Если сущность, содержание и структура понятия «законные интересы» получили в правоповедении существенный анализ и разработку, то специфика процессуальных законных интересов до настоящего времени недостаточно изучена. Иными словами, перед наукой стоит задача разработки данного понятия, ибо с точки зрения методологии науки гражданского процессуального права теория не может быть построена без новых понятий. Видится, что под процессуальными законными интересами следует понимать, во-первых, законные интересы суда и лиц, участвующих в деле; во-вторых, законные интересы лиц, содействующих осуществлению правосудия; в-третьих, такие законные интересы, которые направлены на достижение целей и задач гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ). При этом с изменением гражданской процессуальной формы возможно изменение (дополнение) количественных и качественных характеристик процессуальных законных интересов.

Таким образом, можно прийти к итоговому выводу: процессуальные законные интересы удовлетворяются в гражданском процессе в случаях осуществления судеб-

ной деятельности, участия в деле лиц, фигурирующих в деле, а также лиц, содействующих осуществлению правосудия по гражданским делам. Нормы ГПК РФ выступают в роли юридических гарантий реализации процессуальных законных интересов в гражданском судопроизводстве. Следовательно, процессуальные законные интересы суда удовлетворяются посредством установленной детальной нормативной регламентации процессуальной деятельности всех участников гражданского процесса.

При оценке перспектив развития знаний о процессуальных законных интересах участников гражданского процесса уже сейчас можно отметить ряд исходных положений. Во-первых, интересы участников гражданского процесса многочисленны и многообразны, они буквально пронизывают гражданские процессуальные правоотношения. Во-вторых, процессуальные законные интересы каждой категории участников гражданского процесса имеют свою специфику, что объясняется их правовым положением, предоставляющим возможность того либо иного варианта поведения в гражданском судопроизводстве. В связи с этим в гражданском процессе могут существовать процессуальные законные интересы, которые не связываются с заинтересованностью в исходе конкретного гражданского дела. В-третьих, процессуальные законные интересы обеспечивают поступательное движение процессуальной деятельности в целом, что позволяет суду в конечном итоге принять законное и обоснованное судебное постановление по рассматриваемому им делу. В-четвертых, необходимо уделять внимание взаимодействию процессуальных законных интересов участников гражданского процесса с тем, чтобы решить проблемы механизма правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений. В-пятых, тщательное изучение существования процессуальных законных интересов участников гражданского процесса и проблем их реализации будет только способствовать совершенствованию и более успешному движению всей гражданской процессуальной деятельности, что позволит обеспечить в целом правомерность гражданской юрисдикции. Поэтому рассматриваемый вопрос не должен оставаться в доктрине без дальнейшего внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: **Гукасян Р.Е.** Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1971. – С. 75; **Малько А.В.** Законные интересы советских граждан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1985. – С. 18; **Малько А.В., Субочев В.В.** Законные интересы как правовая категория. – СПб., 2004. – С. 182; **Чечот Д.М.** Субъективное право и формы его защиты. – Л., 1968. – С. 43.

² **Осипов Ю.К.** Элементы и стадии применения норм советского гражданского процессуального права // Проблемы применения норм гражданского процессуального права / Под ред. В.М. Семенова. – Свердловск, 1976. – С. 18.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2. – С. 2.

⁴ **Щеглов В.Н.** Иск о судебной защите гражданского права. – Томск, 1987. – С. 51.

⁵ См.: **Рассахатская Н.А.** Гражданская процессуальная форма: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1995. – С. 12.

С.В. ЗЫКОВ

ДВЕ СИСТЕМЫ ОБОРОТОСПОСОБНЫХ АБСОЛЮТНЫХ ПРАВ

Традиционно гражданские права подразделяются доктриной на вещные и обязательственные – дихотомия, именуемая иногда дуализмом гражданских прав, восходящая к искам римского права *in rem* и *in personam*. В то же время, очевидно, что со времен Древнего Рима (Византии) или даже более позднего периода Средневековья гражданское право, пусть с разной интенсивностью, но непрерывно развивалось. Категории личных неимущественных, исключительных, корпоративных (нетипичных обязательственных) прав уже не укладываются в прежнее базовое разделение. Это обстоятельство вынуждает исследователей обратить внимание на другое различие, потенциально содержащее в себе более высокий уровень абстракции: абсолютные и относительные права. Структура цивилистического законодательства проявляет пока в этом вопросе больший консерватизм (институциональная система построения кодексов опирается именно на классическую дихотомию), но нет сомнения, что и оно будет вынуждено обрести новую форму, более соответствующую своему нормативно-правовому содержанию.

Категории абсолютных и относительных права отражают статику и динамику отношений, регулируемых гражданским правом. Абсолютные права обладают известной юридической характеристикой (возникновение независимо от воли других лиц, которые обязаны воздерживаться от любых действий, нарушающих права обладателя; преобладающая форма предписания – запрет), позволяющей, разумеется, помня об условности такого подхода, рассматривать их, абстрагируясь от правовой связи с иными лицами. Действительно, субъекту такого права противостоят обязанности всех других лиц, что означает невозможность определения конкретного обязанного лица до тех пор, пока не совершено каких-либо активных действий правообладателями по осуществлению имеющихся у них прав (например, путем заключения договора с вещным эффектом) или иными лицам по нарушению абсолютных прав (скажем, посягательство на нематериальные блага порождает относительное правоотношение – обязательство по компенсации морального вреда). Напротив, относительные права – это право в движении, подразумевают активное взаимодействие субъектов.

В самом общем виде абсолютные права сводятся к категории «своего» для их субъекта. Данная категория в праве распадается на две составляющие: а) неотъемлемые свойства самого субъекта, его качества (субъективная сторона абсолютных прав); б) внешние для субъекта объекты, над которыми он господствует, имеющие количественное измерение (объективная сторона абсолютных прав).

Свойства самого субъекта выражаются в категории личных неимущественных прав (нематериальных благ), объект которых неотделим от субъекта, следовательно, они оборотоспособны (под «оборотоспособностью» здесь и далее понимается не узкое значение ст. 129 ГК РФ – отсутствие законодательных ограничений или запретов на нахождение объекта в обороте, а более широкое: принципиальная возможность распоряжения (отчуждения)). Объекты второго рода находятся вне субъекта, он лишь господствует над ними, сколь возможно полным образом. Значит, такое «свое» потенциально может стать «чужим», что и происходит в динамике гражданского оборота. Такие объекты имеют определенное экономическое содержание (стоимость). Последующая их дихотомия: на материальные (определенная вещественная структура) и идеальные (совокупность знаков или образов). Соответственно относящиеся к ним абсолютные права, также оборотоспособные, подразделяются на вещные и исключительные. Сравнение этих парных категорий составляет собственно предмет настоящего анализа. Сразу следует обратить внимание на следующее: *именно различие свойств материальных и идеальных объектов предопределяет различие содержания прав, на них распространяющихся*. Заметим, что верно и обратное: объектное сходство влечет сходство правового регулирования. В качестве примера: средства индивидуализации юридического лица, продукции, работ и услуг относятся к той же подотрасли исключительных прав, что и права на результаты интеллектуальной деятельности. Хотя они имеют различное происхождение и функции в гражданском обороте, но общая характеристика объекта как идеального позволяет охранять их в рамках одной системы исключительных прав.

Личные неимущественные права в силу своей оборотоспособности, которая обусловлена отсутствием объективации вне личности, бесспорно являющейся субъектом, а не объектом права, выпадают из настоящего рассмотрения. Но прежде чем с ними расстаться, отметим следующее. Особое положение нематериальных благ в рамках гражданского права не подлежит сомнению как по вышеуказанным причинам, так и потому что они сами имеют, как правило, иноотраслевое происхождение. Гражданское право лишь предоставляет механизмы юридической защиты, но в том, что касается личных неимущественных прав создателей охраняемых нематериальных объектов, положение дел обстоит несколько иначе. Последние виды прав не только защищаются, но и регулируются гражданским правом в рамках его подотрасли интеллектуальной собственности. И личные неимущественные права создателей результатов интеллектуальной деятельности и исключительные права возникают при-

менительно к одному и тому же объекту (первоначально, как правило, у одного и того же лица), наконец, содержатся в одном и том нормативном массиве. Они теснейшим образом связаны с друг с другом.

Подтверждение данному утверждению можно найти при рассмотрении интеллектуальных прав в динамике. Возьмем крайний случай: бесспорно дуалистическую, по действующему законодательству, концепцию личных неимущественных и исключительных авторских прав. Очевидна, например, связь права на обнародование с исключительными правами на использование произведения или права на защиту репутации автора и исключительного права на переработку. Таким образом, наблюдается взаимное тяготение личных неимущественных прав и исключительных прав. Это объясняется, во-первых, свойствами объекта субъективных прав, который в обоих случаях идеален, только в одном – это свойства лица, в другом – объективированный вовне результат его творческой деятельности (эта внешняя объективированность и обуславливает оборотоспособность и личные неимущественные права на результаты интеллектуальной деятельности вопреки общему правилу, распространяющемуся на нематериальные блага, вовлекаются в определенной степени в оборот (реализуются в нем) именно благодаря связи с оборотоспособными исключительными правами). Второе, что определяет указанную зависимость, – это изначально более высокая степень их связи с субъектом. Вещные права относятся к опредмеченному материальному бытию лица, которые, хотя и выступают одним из важнейших условий его свободы («человеку необходимо вкладывать свою жизнь в жизнь вещей: это неизбежно от природы и драгоценно в духовном отношении»¹), но исключительные права, распространяясь на духовное бытие личности, в большей степени с нею связаны и, соответственно, по данному критерию ближе к личным неимущественным правам.

Данная связь предопределяет и некоторые ограничения в обороте исключительных прав. В частности, они не входят в состав общего имущества супругов, на них не обращается взыскание в порядке исполнительного производства (п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ и п. 4 ст. 66 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Итак, абсолютные права по критерию взаимной связи должны быть представлены следующим образом: на полюсах личные неимущественные (нематериальные блага) и вещные, а между ними промежуточное положение занимают исключительные права.

Вещные и исключительные права, в свою очередь, сближает, кроме абсолютного характера, наличие оборотоспособного объекта. Именно такой характер прав должен подчеркнуть термин «интеллектуальная собственность» (если все же необходимо объяснить его существование в настоящее время, учитывая, что проприетарная концепция исключительных прав преодолена еще в XIX в., а «собственность» как альтернатива «привилегиям» не актуальна, поскольку последним нет места в дей-

ствующих системах права). В то же время очевидна неудачность термина, поскольку используется понятие «собственность», содержание же прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации отлично от права собственности. Трудно согласиться с авторами, которые говорят об всеобщем понимании условности такого словоупотребления, следовательно, об отсутствии проблем в связи с терминологической некорректностью. Не говоря уже об обыденном сознании (которое, однако, законодатель также не вправе игнорировать), неоправданное смешение нередко происходит и в сознании исследователей права. Например, указывая на то, что применительно к интеллектуальным объектам «природа субъективного имущественного права не носит в этом случае какого-либо особенного характера», итальянский ученый (принадлежащий к государству континентальной правовой семьи) здесь же отмечает: «...значительное число юридических норм, которые на протяжении столетий эволюционировали, имея в виду материальные объекты собственности, с трудом находят свое применение по отношению к этим столь отличным от традиционных правовых образований»². Справедливости ради следует сказать, что российский соавтор книги возразил по этому поводу своему итальянскому коллеге, однако попытки охвата «собственностью» результатов интеллектуальной деятельности встречаются и в отечественной литературе, хотя и не часто. Употребление термина «интеллектуальная собственность» в российском законодательстве (ст.ст. 44, 71 Конституции РФ, ст.ст. 128, 138 ГК РФ и др.) следует считать не более, чем данью словоупотреблению международных договоров.

Альтернативное обозначение – «исключительные права» – термин легальный – активно используется в специальном законодательстве. Его недостатком является многозначность, он может обозначать: а) подотрасль гражданского права; б) объект гражданских прав; в) имущественные (экономические) права на результаты интеллектуальной деятельности, в отличие от личных неимущественных прав (именно в таком значении термин используется в настоящем анализе); г) характер передаваемых прав на использование объекта (правопреемнику могут быть предоставлены права в качестве исключительных, и тогда он – единственный правообладатель, либо ему могут быть предоставлены права как неисключительные, и тогда наряду с ним возможностью использования объекта обладают и сам первоначальный правообладатель, и другие лица, которым последний их передал).

Итак, объект вещественных прав – материален, исключительных прав – идеален, что и определяет различия в содержании, основаниях возникновения, прекращения прав. Собственно говоря, различия начинаются уже с самого контитутирования объекта в правовом пространстве. Объекты вещных прав имеют опору в чувственно воспринимаемой обыденной реальности. Идеальные объекты приходится формировать искусственно. Дихотомию «свое – чужое» применительно к телесным вещам человек знает с глубокого детства, сколько он его потом пом-

нит. Мы не имеем возможность непосредственно отследить восхождение этого различия как от доправового до вещного права: в обществах, которые достоверно описаны в источниках, оно уже произошло, а редкие социумы, которые сегодня можно увидеть в догосударственном состоянии, не дают полной картины такой эволюции. Однако исследователи могут наблюдать в современном мире сосуществование юридического и неюридического «своего»: хрестоматийный пример последнего – распределение между работниками орудий труда, юридически принадлежащих работодателю.

Напротив, восхождение до правового состояния результатов интеллектуальной деятельности произошло в условиях письменных обществ. Оно вполне описуемо и рационализируемо: от смутных подозрений (скорее в сфере этики), что «что-то такое должно быть» в античности до комплекса культурных и социально-экономических факторов, непосредственно вызвавших появление развитой системы исключительных прав и обуславливающих ее дальнейшее развитие. Но даже в развитом состоянии (как сегодня считается, именно такое состояние охраны интеллектуальной собственности имеет место), мы видим, что законодательство вынуждено вновь и вновь «транслировать» такие объекты. В законах, посвященных регулированию исключительных прав, значительное количество нормативного материала затрачено на определение самого объекта. Есть ли в Гражданском кодексе статья, называемая «объекты, не являющиеся вещами»? Ответ будет отрицательным. А в законодательных актах, регулирующих исключительные права, формулировки, выполняющие аналогичную функцию присутствуют (название ст. 8 Закона «Об авторском праве и смежных правах» сформулировано следующим образом «Произведения, не являющиеся объектами авторского права»). Необходимость правового конструирования объектов исключительных прав предопределена их отсутствием в обыденном сознании человека, и право вынуждено поднимать его до абстракции. Отсюда принцип, которым практикующие юристы руководствуются применительно к конституционно охраняемым объектам интеллектуальной собственности: «Нет закона – нет объекта», отсюда же территориальный принцип действия исключительных прав.

Другой аспект. И идеальные, и материальные объекты индивидуальны. К вещам, определенным родовыми признаками, с точки зрения их свойств, непосредственно воспринимаемых человеком, это утверждение не применимо, но число самих этих родов огромно. Идеальные объекты с той же позиции индивидуальны (оригинальны, новы и т.п.) безо всяких оговорок. Но в отношении количества возможностей практического применения ситуация иная: способов извлечения полезных свойств из идеальных объектов намного меньше, их количество вполне реально перечислить, в отличие от громадного числа утилитарного назначения различных вещей. В этой части объекты исключительных прав значительно «беднее», что отражается на содержании субъективных прав.

Сравним, к примеру, право собственности – категорию материальных абсолютных прав, наиболее полно выражающую юридическое господство лица над вещью, и исключительных авторских прав. В праве собственности за тысячелетия развития выделяют всего триаду правомочий. Ограниченность количества правомочий обусловлена тем, что ключевое (с точки зрения экономической полезности объекта) правомочие из данной триады – право пользования – совершенно бесполезно как-либо дифференцировать: способов извлечения из вещей их полезных свойств столько же, сколько видов самих этих вещей. Напротив, менее трех столетий развития авторско-правового законодательства позволили выделить десять имущественных правомочий. Способов извлечения полезных свойств из идеальных объектов ограниченное количество и когда появляется принципиально новый, имеющий существенное экономическое значение, это тут же отражается в законодательстве (как, например, это происходит с возможностью распространения произведения в среде Интернет).

В специальной литературе уже предпринимались попытки сравнить триаду правомочий собственника с содержанием исключительных прав [3], [4], при этом справедливо отмечалось, что их различие определяется свойствами объектов: если объекты материального мира единичны и физически ограничены в пространстве, то идеальные могут быть многократно воспроизведены без какого-либо ущерба для себя в любой точке пространства и в этом смысле пространственно не ограничены.

Физического владения в сфере исключительных прав просто нет, хотя бы потому, что нет *corpus*. «Доступность» (если попытаться провести аналогию) не является правомочием, ею может обладать обычный потребитель культурных ценностей в силу простого факта обладания объектом, зафиксированным на материальном носителе, однако это обстоятельство никаких субъективных прав не порождает. Можно было бы провести аналогию с правом авторства, но оно, как личное неимущественное, не является экономическим. Правомочие владение в сфере исключительных прав можно соотнести лишь с характеристикой их самих как «исключительных», поскольку именно она закрепляет экономическую монополию на соответствующие объекты. Неким аналогом правомочия пользования в сфере исключительных прав является право на использование. Действительно, и то и другое означает юридически закрепленную возможность извлечения полезных свойств из объекта. Но способы такого извлечения в отношении идеальных объектов можно разбить на несколько групп, которые, собственно, и называются правомочиями обладателя исключительных прав. Во-вторых, одни и те же полезные свойства материального объекта в один и тот же момент времени могут иметь только одно извлечение, идеального – более чем одно потенциально широким кругом лиц.

Распоряжение в отношении объектов исключительных прав выделяется доктринально. Оно отчасти латентно содержится в понятии «использования», но вычлене-

ние имеет смысл, так как его передача должна быть особо указана в договоре. Обладатель исключительных прав может либо полностью их передать (аналог отчуждения), либо предоставить право его использования (аналог иного распоряжения). Но если собственник не может предоставить возможность извлечения одних и тех же полезных свойств вещи более, чем одной стороне, то в отношении исключительных прав такое предоставление возможно. Кроме того, определяя юридическую судьбу объекта интеллектуальной собственности, мы имеем дело с большим, чем собственник, количеством правомочий, каждое из которых может быть передано отдельно, на разный срок как исключительное или как неисключительное.

Другое принципиальное отличие связано с отсутствием владения применительно к идеальным объектам, а значит, и такого ключевого аспекта распоряжения, как *traditio*. Соответственно и предметом договора является не передача объекта договора (получатель может иметь доступ к объекту до акта распоряжения или получить его не от контрагента), а передача прав на него.

Распоряжение как правомочие собственника включает в себя право на уничтожение объекта (*jus abutendi*). Понятно, что идеальный объект в принципе неуничтожим. Отдаленным аналогом здесь могло бы быть право на отзыв, но, во-первых, оно является личным неисключительным, во-вторых, оно реализуется в рамках договорных (относительных) правоотношений.

Из ограниченности способов использования идеальных объектов по сравнению с материальными вытекают совершенно определенные последствия для правовых форм распоряжения исключительными правами. Существует всего два типа введения их в оборот исключительных прав: как исключительных (тогда их использовать вправе только получатель) или как неисключительных (тогда первоначальный правообладатель может также передать право на использование объекта другим лицам). Надо ли указывать, что дифференциация видов договорного распоряжения материальными объектами несопоставимо разнообразнее?

Ограниченность способов извлечения полезных свойств из идеальных объектов предопределяет и простоту, с точки зрения юридической техники, введения ограничений субъективных исключительных прав на использование объектов интеллектуальной собственности, поскольку задача ограничения абсолютных прав, в принципе, перед правом ставится. Действительно, хотя они и выражают полноту господства над объектом, интересы других лиц, как бы мы их не называли (общественные или публичные интересы, интересы других лиц, социальная функция и т.п.), требуют введения весьма серьезных для правообладателя ограничений. Но сколь различно решается эта задача применительно к вещным и исключительным правам? Возьмем право собственности и исключительные авторские права. Положения ГК РФ, по существу, лишь упоминают возможность ограничения прав собственника законом и иными правовыми актами (п. 2

ст. 209), видов имущества, которые могут находиться у данного субъекта (п. 3 ст. 212, п. 1 ст. 213); определяют юридический механизм прекращения права собственности на имущество, которое не может ему принадлежать (ст. 238). Конкретные ограничения права собственности содержатся в ином законодательстве, как правило, отраслей публичного права. Совершенно иная ситуация с ограничениями исключительных авторских прав: все случаи их ограничения (подлежащие ограничительному токованию) изложены в статьях 18–26 Закона «Об авторском праве и смежных правах».

Иначе решается вопрос об основаниях первоначального возникновения прав. Идеальный объект может быть создан только результатом человеческой деятельности, поэтому первоначальными исключительными правами наделяется его создатель, либо лицо непосредственно содействовавшее этому созданию (работодатель применительно к служебному результату интеллектуальной деятельности). Принцип остается действующим, даже если дополнительно требуется регистрация объекта. Такие объекты не могут возникнуть в результате действия природных факторов, отсюда отсутствие такого основания возникновения прав, как обращение в собственность общедоступных для сбора вещей (ст. 221 ГК РФ). В силу невещественного характера объектов исключительных прав они не могут оказаться бесхозными (ст. 225 ГК РФ) и тем самым поставить задачу всенепременно их «пристроить» (например, посредством института давностного приобретения): отсутствие ответственного за них лица не создает проблем для жизнедеятельности общества. Этим же обусловлено отсутствие, по общему правилу, для идеальных объектов аналога понятия «бремя содержания имущества» (ст. 210 ГК РФ): они не требуют никакого содержания (условная и отдаленная аналогия может быть проведена с действиями, необходимыми для поддержания в силе регистрации запатентованных объектов).

В части прекращения прав особо следует отметить различия в связи с судьбой объекта. Вещные права, как правило, существуют столько времени, сколько существует сама вещь. Исключительные носят срочный характер и прекращаются, когда объект, в принципе неуничтожимый, продолжает существовать.

Отличны способы защиты: идеальный объект нельзя «похитить», т.е. изъять у правообладателя, его можно только частично лишить экономических выгод от использования объекта. Отсюда основной способ защиты прав – не истребование объекта как такового (что просто невозможно), а требование имущественной компенсации, в рамках которого истец не обязан доказывать конкретный размер причиненных убытков, что, безусловно, облегчает защиту прав.

В заключение было бы несправедливо не отметить и структурного сходства ряда конструкций оборотоспособных абсолютных прав. Они одинаковым образом входят в состав наследства или имущества организации (правда, объекты исключительных прав как нематериальные активы). Ряд их субинститутов имеет черты структурного сход-

ства в правовом регулировании. Например, общая собственность и совместно возникающие исключительные права (скажем, при соавторстве), регистрация объектов патентного права, средств индивидуализации и государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Одинаковым образом решается вопрос о недействительности последующей сделки после того, как правообладатель уже распорядился абсолютным правом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). – СПб., 1993. – С. 126.

² Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. – М., 1999. – С. 109.

³ Дозорцев В.А. Исключительное право: сущность и развитие // Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права). – М., 2000. – С. IX.

⁴ Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. – С. 309.

*Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск*

Е.В. СТАФИЕВСКАЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Для обеспечения надежной правовой основы предпринимательской деятельности созданы институты гражданского права. Особенно остро возникает необходимость в их реализации, когда в оборот предполагается вовлечение больших денежных сумм или дорогостоящих предметов. В частности, это касается сделок, связанных с отчуждением или приобретением недвижимого имущества. Уже на стадии переговоров участники будущей сделки стремятся установить правовую связь между собой, чтобы обеспечить надлежащее исполнение договора в будущем. Именно с этим связана установившаяся практика обязательного заключения предварительного договора.

В соответствии со ст. 429 ГК РФ по предварительному договору стороны обязуются в будущем заключить основной договор, на основе которого возникает обязательство по передаче имущества, выполнению работ или оказанию услуг на условиях, предусмотренных этим договором. По сути – это соглашение сторон, опосредующее намерение заключить основной договор. Существенное значение здесь имеет тот факт, что реализация выраженного в такой форме намерения обеспечена, во-первых, правом обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор, во-вторых, наступлением гражданско-правовой ответственности в случае незаключения основного договора. Но, рассматривая и эти условия как недостаточно надежные, участники переговоров могут установить и дополнительные гарантии. В частности, для обеспечения исполнения предварительного договора используют передачу задатка. Сегодня задаток является самым распространенным способом обеспечения исполнения сделок, связанных с реализацией недвижимости и прав на нее. Происходит это следующим образом.

С целью правового урегулирования своих намерений стороны в период подготовки к заключению основного договора заключают предварительный договор, который имеет условие: при его подписании потенциальный покупатель передает потенциальному продавцу де-

нежную сумму в определенном размере, именуемую задаток и призванную выполнить следующие функции:

а) обеспечить исполнение предварительного договора. В случае, если одна из сторон предварительного договора уклоняется от заключения основного договора, для нее наступают неблагоприятные имущественные последствия. Если от заключения уклоняется передающая сторона, денежная сумма остается у стороны, принявшей задаток, если же от заключения уклоняется или отзывается сторона, принявшая задаток (потенциальный покупатель), она обязуется вернуть переданную денежную сумму в двойном размере;

б) выполнять функцию платежа при нормальном развитии отношений. Так, в предварительном договоре стороны оговаривают, что при заключении основного договора передаваемая денежная сумма засчитывается в счет платежей по основному договору, т.е. фактически речь идет о предоплате или авансе, хотя указанная денежная сумма не может рассматриваться ни как задаток, ни как авансовый платеж.

Из статьи 380 ГК РФ следует, что задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной стороной в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне, в доказательство заключения договора и в обеспечение его исполнения. Передача задатка происходит по соглашению сторон и преследует следующие цели:

– обеспечение исполнения обязательства, вытекающего из основного договора. Это дополнительная гарантия того, что интересы обеих сторон будут удовлетворены. Дополнительным «стимулом» для надлежащего исполнения договора выступают возможные неблагоприятные последствия для стороны, ответственной за неисполнение (п. 2 ст. 381 ГК РФ);

– передача задатка удостоверяет заключение основного договора (в случае спора относительно заключения договора, рассматривается как доказательство этого факта);

– задаток передается в счет оплаты платежей, причитающихся по основному договору, т.е. задатком мо-

жет быть обеспечено только денежное обязательство. Никакое другое обязательство, не связанное с платежами по договору, задатком не может быть обеспечено.

Следовательно, в качестве обеспечительного, гарантирующего надлежащее исполнение предварительного договора передача задатка использоваться не может. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что цель предварительного договора – установление неимущественного обязательства. Предварительный договор лишь создает предпосылки для заключения основного договора. Таким образом, использование задатка в качестве обеспечительной меры в данном случае не соответствует нормам права.

С другой стороны, Гражданский кодекс РФ предусматривает возможность обеспечить обязательство неимущественного характера посредством задатка. Например, ст. 448 ГК РФ обязательным условием принятия участия в торгах называет внесение задатка. Здесь задаток выполняет все свои функции: обеспечительную, платежную и удостоверительную. Но при этом существует оговорка: в случае, если торги не состоялись, задаток подлежит возврату. Задаток возвращается также лицам, которые участвовали в торгах, но не выиграли их. Этот особый вид задатка применим лишь к отношениям, связанным с проведением торгов, и регулируется специальными нормами права.

Нередко участники отношений, складывающихся по поводу перехода прав на объекты недвижимости, определяют передаваемую по предварительному договору денежную сумму как аванс. Эта позиция основывается, во-первых, на п. 3 ст. 380 ГК РФ, в соответствии с которым в случае сомнения в отношении того, является ли сумма, уплаченная в счет причитающихся со стороны по договору платежей, задатком, считается уплаченной в качестве аванса (если не указано иное). Во-вторых, это обосновывается тем, что в будущем, при заключении основного договора, денежная сумма будет засчитана в счет причитающихся по нему платежей. Но и подобный подход нельзя рассматривать как верный. Аванс – это разновидность предварительной оплаты, т.е. оплата покупателем подлежащей передаче недвижимости до передачи ее продавцом. Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: аванс передается по соглашению сторон во исполнение уже существующего обязательства, и выполняет исключительно платежную функцию, т.е. иначе, как в счет оплаты, данная денежная сумма передана быть не может, следовательно, и гарантировать исполнение обязательства она не может. Таким образом, передаваемая по предварительному договору сумма не может обеспечить исполнение самого предварительного договора, не может быть засчитана в счет оплаты, обязанность произвести которую, возможно, возникнет в будущем.

Таким образом, мы приходим к выводу: денежная сумма, передаваемая в соответствии с заключенным предварительным договором, оказывается суммой, переданной без основания (неосновательным обогащением). Бо-

лее того, при возникновении спора между сторонами ее возврат в этом случае будет невозможен, так как не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения денежные суммы, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства (ст. 1109 ГК РФ).

И все же вопрос об обеспечении исполнения предварительного договора остается актуальным и требует своего решения. Что могут использовать в этом случае участники рынка недвижимости? С одной стороны, рассмотреть и использовать другие способы обеспечения обязательства. Например, неустойку, которая вполне может быть применима к предварительному договору. В случае уклонения или отказа от заключения основного договора одной из сторон в предварительном договоре может быть предусмотрено применение штрафов. Пожалуй, это единственное средство из установленных Гражданским кодексом РФ, которое может быть применено к предварительному договору. С другой стороны, перечень обеспечительных обязательств является открытым, и стороны вправе установить в договоре иной способ обеспечения по предварительному договору.

В юридической литературе можно встретить мнение, что передаваемая денежная сумма по предварительному договору является самостоятельным способом обеспечения, не предусмотренным законом, но и не противоречащим ему¹. Предлагается использовать конструкцию задатка, но с определенными оговорками, отражающими специфику основного обязательства. В соглашении о передаче денежной суммы по предварительному договору должны быть подробно описаны условия передачи, размер суммы, сроки, неблагоприятные последствия в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения предварительного договора, а также определено ее назначение при заключении основного договора или непоступления ни от одной из сторон предложения заключить основной договор.

Некоторые авторы предлагают рассматривать подобное обеспечение как особую форму задатка, рассчитанную специально на обеспечение исполнения по предварительному договору. Для этого предлагается разработать и дополнить действующее законодательство нормами, аналогичными тем, которые регулируют процедуру торгов².

Предварительный договор возлагает на обе стороны одинаковые обязанности, и, следовательно, меры по обеспечению исполнения обязательства должны приниматься с обеих сторон. Именно поэтому правильной была бы передача обеими сторонами денежных сумм третьему лицу с условием их полной или частичной утраты в случае уклонения или отказа от заключения основного договора, либо взыскания из этих сумм процентов за просрочку заключения основного договора³. Применение подобного обеспечительного способа довольно распространено на практике, в качестве третьего лица здесь выступает агентство недвижимости как своеобразный посредник между покупателем и продавцом по договору куп-

ли-продажи недвижимости. Но сложившаяся практика не соответствует нормам права уже в той части, которая касается принятия денег агентством недвижимости: что является основанием для передачи и принятия денежной суммы в этом случае, имеет ли право агентство недвижимости принимать денежные суммы и к какому виду услуг следует отнести подобную деятельность? В данном случае единственным правильным решением было бы привлечение банка в качестве третьего лица. Лицо, передающее денежную сумму по предварительному договору в целях обеспечения его исполнения, открывает аккредитив в банке и зачисляет оговоренную сумму на счет. Выплата этой суммы производится лицу, предоставившему необходимый пакет документов

(например, в случае заключения основного договора и включения указанной денежной суммы в сумму оплаты по нему – свидетельство о государственной регистрации права собственности нового владельца и/или зарегистрированный договор купли-продажи). Такой способ является наиболее надежным и полностью соответствует действующим нормам права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: Цыганков С. Задаток при купле-продаже жилья // Хозяйство и право. – 1999. – № 11. – С. 89.

² Мелихов Е.И. Предварительный договор и задаток // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Склоковский К., Цокур О. Предварительный договор: задатки и убытки // Бизнес-адвокат. – 2002. – № 1. – С. 10.

Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск

Л.В. БАЗАРОВА

ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОМОЧИЙ СУБЪЕКТА СОБСТВЕННОСТИ

Если оперировать наиболее распространенными в научной литературе определениями собственности как принадлежащей кому-либо какой-либо вещи или как общественными отношениями между людьми по поводу вещей¹, то вопрос о пределах правомочий собственника автоматически будет рассматриваться только с позиций его интересов. Между тем еще Р. Иеринг в книге «Борьба за право» (1872) отмечал, что «собственность... подобна Янусу с его двуплицей головой: к одним обращена только одна его сторона, к другим – только другая, откуда полное несходство в том, что видят те и другие»². Другая сторона собственности – это интересы социального окружения, ибо сами отношения собственности возникают только в условиях наличия, как минимум, двух претендентов на тот или иной объект собственности. Именно по данной причине формируются процессы взаимных притязаний людей на него посредством распространения каждой из сторон своей воли и процессы взаимного признания этих притязаний. У Г.В.Ф. Гегеля данное явление выражено следующим образом: «В том, что лицо помещает свою волю в вещь, состоит понятие собственности, все остальное – лишь его реализация. Внутренний акт моей воли, который говорит, что нечто есть мое, должен быть признан и другими»³.

К сожалению, это очевидное явление общественной жизни не получает должного отражения в научной литературе. К числу отдельных и пока единичных попыток осуществления анализа отношений собственности как многостороннего процесса является работа А.К. Черненко и В.В. Боброва. По их определению, «собственность – это признанная социальным окружением воля субъектов социального действия, распространяемая ими на ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы их производ-

ства, а также их эквивалент, представленный в денежном выражении». В отношениях собственности отражается складывающийся в режиме динамического равновесия баланс интересов противоборствующих сторон, поддерживаемый всей совокупностью применяемых ими форм насилия»⁴.

Однако данное определение не позволяет объяснить факты существования собственности, т.е. распространенной субъектами социального действия и признанной социальной средой воли в рамках различных систем общественных отношений, регулируемых нравами, обычаями или нормами позитивного права. Поэтому его следует дополнить указанием на это обстоятельство и сформулировать определение следующим образом: *собственность – это признанная социальным окружением в соответствии с господствующими в нем нравами, обычаями или законами воля субъектов социального действия, распространяемая ими на ресурсы жизнедеятельности, средства и сферы для их производства, а также их эквивалент, представленный в денежном выражении.*

Осознание необходимости учета в отношениях собственности общественных интересов привело законодателей целого ряда стран к идее социальной функции. В частности, в ст. 153 Конституции Веймарской республики (1919) собственность впервые стала трактоваться как право и как обязанность служения «общему благу». Это положение почти дословно затем было воспроизведено в ч. 2 ст. 14 Основного закона ФРГ: «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу»⁵. В конституциях Греции (ч. 1 ст. 17) и Японии (ч. 2 ст. 29) акцент смещен несколько в сторону, однако и в них подчеркива-

ется недопустимость использования собственности в ущерб общественным интересам⁶. «Социальная функция права собственности ограничивает его содержание в соответствии с законом» – гласит ч. 2 ст. 33 конституции Испании (1978)⁷. Иначе говоря, современное понимание содержания права собственности уже нельзя представить как исключительную совокупность правомочий собственника. Собственник несет определенную обязанность (бремя) по вопросам распоряжения и пользования объектами собственности.

В Конституции РФ слово «собственность» использовано 13 раз в 10 статьях (8, 9, 35, 36, 44, 71, 72, 114, 130, 132), однако в них отсутствуют определение собственности и ее общественное назначение, не говоря уже о содержании социальной функции. В ч. 2 ст. 8 продекларированы признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, однако в ст. 35 однозначно подчеркивается, что только «право частной собственности охраняется законом. ... Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения»⁸. Чести законодательной защиты удостоена также интеллектуальная собственность (ч. 1 ст. 44). Что касается государственной, муниципальной и иных форм собственности, то они по умолчанию лишены конституционной защиты. Признавая право собственности как «право на осуществление правомочий в отношении объекта собственности»⁹, В.А. Дозорцев оправдал отсутствие в Конституции РФ определения права собственности тем, что это является якобы прерогативой Гражданского кодекса¹⁰. С его утверждением трудно согласиться, ибо в Конституции РФ излагаются основополагающие положения по организации жизнедеятельности общества и если в ней не представлены содержание и назначение собственности, то это создает широкие возможности для различных интерпретаций достаточно очевидных фактов в общественных отношениях по поводу объектов собственности.

Тем не менее обратимся, как это предлагает В.А. Дозорцев, к Гражданскому кодексу РФ. В ч. 1 ст. 209 данного документа записано, что «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом», а в ч. 2 этой же статьи подчеркивается право собственника «по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц»¹¹. Если учесть, что данная статья определяет содержание права собственности, то налицо законодательное закрепление представления о собственности с позиций интересов собственников, согласно которому пределы их правомочий определяются охраняемыми законом интересами «других лиц».

Понятие «собственность» использовано в 137 статьях ГК РФ из 1224, т.е. почти 11,2%. В некоторых из них более десятка раз. Например, в ст. 244, посвященной понятию и основаниям возникновения «общей

собственности», оно использовано 14 раз. Это показывает чрезвычайную важность данного понятия и требует соответствующего отношения к определению его содержания. ГК РФ, как и любой другой законодательный документ, должен представлять общие интересы населения всей страны, объединенных единством занимаемой территории и условиями общественного разделения труда. Следовательно, отношения собственности в нормах позитивного права должны отражать не нравы или обычаи собственников, а интересы всего государства. На самом деле все происходит по-другому.

Например, согласно ч. 1 ст. 9 Конституции РФ, «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Далее в ч. 2 записано, что они «могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности»¹².

Следуя логике этих конституционных положений, можно сделать вывод, что земля не является территорией для проживания людей, источником ресурсов и средством производства. Она представляет собой природный ресурс и в этом качестве может быть объектом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Такая постановка проблемы нуждается в адекватном объяснении. Вполне естественным идейным обоснованием положений российской конституции и ГК РФ по вопросам собственности являются заявления целого ряда идеологов либерализма, трактующих функцию закона как предоставление личности свободы деятельности.

Например, В.С. Нерсесянц право собственности рассматривает только как свободу «индивидов и других субъектов социальной жизни ... в ее адекватной правовой форме»¹³. Если признать свободу деятельности частных собственников, как это представлено в Конституции РФ и ГК РФ «в ее адекватной правовой форме» на примере понятия «земля», т.е. с исключением из ее содержания таких структурных элементов как территория, источник ресурсов и средство производства, то мы получаем практику тотальной эксплуатации природного ресурса с целью извлечения из него максимальной прибыли.

Эту же идею свободы, только в несколько иной трактовке, сформулировал Е.А. Суханов. Подчеркивая равноценность форм собственности, он пишет: «Как содержание, так и осуществление правомочий собственника в гражданском праве в принципе не имеет различий в зависимости от субъектной принадлежности права собственности... Известные ограничения, влекущие особенности правового режима отдельных объектов этого права, также по общему правилу являются одинаковыми для всех собственников»¹⁴.

Из этих рассуждений напрашиваются выводы о единстве подходов в гражданском праве к решению всех проблем в отношениях собственности, как по субъектам, так и по объектам собственности. Иначе го-

вора, частный собственник, по мнению Е.А. Суханова, имеет одинаковые правомочия, например, с субъектом государственной собственности в отношении всех объектов собственности (ресурсов жизнедеятельности, средств производства, сферы деятельности, финансовых ресурсов). Так ли это на самом деле?

Если в нормах позитивного права реализовывать интересы индивидов, то вполне естественным будет положительный ответ, в котором индивидуальная свобода будет рассматриваться как право, в соответствии с которым люди могут жить по-своему, действовать по-своему до тех пор, пока не причиняют никому вреда и не чинят никому серьезных препятствий. Это широко распространенное в общественном сознании утверждение входит в противоречие с объективной реальностью.

Во-первых, вопрос о собственной свободе у нас обычно возникает, когда мы ощущаем сопротивление какой-либо сдерживающей наше движение границы. Если мы способны самостоятельно преодолеть эту границу или в достаточной степени подчинить ее своим интересам, тогда в нас рождается чувство свободы.

Во-вторых, каждый человек обладает целым рядом потребностей, процесс удовлетворения которых распределен в пространстве и во времени. Если в настоящее время в силу каких-либо обстоятельств он не может реализовать свои интересы, но осведомлен о наличии у него данной возможности в другое время и при других условиях, то он способен подавить чувство несвободы сознанием свободы. Иначе говоря, понятие «свобода» выступает оценочной категорией как чувственная и нравственная оценка индивидом условий и возможностей удовлетворения своих потребностей.

В-третьих, отношения собственности возникают в условиях взаимных притязаний индивидов на одни и те же объекты собственности. Поэтому любое нормативное регулирование этих отношений является для них определением пределов владения, распоряжения и пользования ресурсами жизнедеятельности, средствами производства, сферами деятельности или финансовыми ресурсами. Чувство свободы и сознание свободы будет присутствовать лишь у тех, кто получит максимальные возможности удовлетворять свои потребности с помощью объектов собственности, т.е. чьи притязания обретут в нормативных положениях свою защиту.

Следовательно, заявления о том, что закон предоставляет свободу, отражают только социально-групповые интересы людей, обладающих собственностью. Чтобы отношения собственности стали предметом научного исследования с позиций общегосударственных интересов, необходимо признать, с одной стороны, многосторонность притязаний на объекты собственности людей, объединенных единством занимаемой территории и живущих в условиях общественного разделения труда, а с другой стороны – пределы и механизм ограничений этих притязаний. Это означает перенос центра тяжести с рассуждений о тождественности закона со свободой, равенством и справедливостью на

анализ законодательных актов, определяющих пределы правомочий собственников с точки зрения их ответственности общегосударственным интересам.

Актуальность такой постановки проблемы очевидна. Например, О.А. Пучков признает, что «любая социальная система выступает серьезным ограничителем свободы личности, регламентируя ее поведение, устанавливая известные пределы активности и самостоятельности»¹⁵. Однако для пределов и механизма этих ограничений места в монографии у него не нашлось. Или, например, О.Д. Бодров представил четырехуровневую классификацию видов свободы собственности вне процессов приобретения индивидами объектов собственности, владения, распоряжения и пользования ими¹⁶. Даже сторонники либеральных идей подвергают критике многие положения нормативных актов, отражающих только интересы собственников. В частности, Э. Фаге обратил внимание на стилистику Декларации прав человека и задался вопросом: как говорить – право собственности или право на собственность? Первое предполагает наличие собственности, а второе – право на ее приобретение, получение и т.д. Социальное содержание Деклараций прав человека (1789, 1793) адресовано только собственникам, так как в них упоминается только право собственности¹⁷.

Если в научных исследованиях и политических решениях будет осуществлен перенос центра тяжести с рассуждений о свободе собственности на разработку и уточнение пределов владения, распоряжения и пользования объектами собственности, а также на анализ эффективности функционирования механизма ограничений отношений собственности с позиций общегосударственных интересов, то социальная функция обретет в нормах позитивного права свое законное место. Такая постановка проблемы заставит законодателей предметно говорить о месте и роли в отношениях собственности, например, налоговой системы как важнейшего ограничителя правомочий собственника.

Об этом в научной литературе, посвященной отношениям собственности, почему-то не пишут. Между тем налоги, ныне составляющие главный источник государственного дохода, возникали и развивались постепенно, заменяя собой прежние способы извлечения доходов¹⁸. Первыми видами прямых налогов являлись *подушные* или поголовные и *поземельные*: первые – потому что для установления их достаточно исчислить податное население, вторые – так как земледелие составляло первичный постоянный промысел населения, пока не получила более широкое развитие обрабатывающая промышленность. На развитие налоговой системы теоретические соображения не оказывали никакого влияния до второй половины XVIII в. Одним из первых на эту тему стал писать Чарльз Давенант. Он считал, что размер налога должен быть пропорционален способности налогоплательщика его платить и что основную массу сборов следует перенести на потребителей предметов роскоши. Однако его произведения

были опубликованы в Англии лишь через 57 лет после смерти автора, т.е. в 1771 г.

В соответствии с ст. 57 Конституции РФ «каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы»¹⁹. Это положение нашло свое отражение в ст. 3 Налогового кодекса РФ²⁰. В Российской Федерации наиболее значимыми являются налоги на имущество физических и юридических лиц, на реализацию ГСМ, на добавленную стоимость, на операции с ценными бумагами, на пользователей автомобильных дорог, на прибыль предприятий и организаций, на приобретение автотранспортных средств, с владельцев транспортных средств, с имущества по наследству или дарению и т.д. Однако эти имущественные отношения, ограничивающие правомочия собственников, гражданским законодательством фактически не регулируются (ч. 3 ст. 2 ГК РФ), так как они основаны на властных отношениях. Иначе говоря, содержание правомочий субъектов собственности в этой части отношений собственности непосредственно зависит от воли властных государственных структур, которые своей налоговой политикой могут способствовать эффективному использованию в интересах общества объектов собственности или наоборот. Устанавливаемые ими налоги с таким же успехом способны задушить развитие отношений собственности. Например, по данным некоторых источников, уровень налогообложения предприятий материалоёмкого производства в России оценивается в пределах 57–60%, в то время как в США и Сингапуре этот показатель не превышает 41%²¹.

Таким образом, пределы правомочий собственника определяются реально складывающимися отношениями собственности, регулируемые нравами, обычаями и нормами позитивного права (законодательством) страны, отражающими совокупность противоборствующих индивидуальных, социально-групповых и общегосударственных интересов. В законодательстве Российской Федерации в настоящее время доминируют индивидуальные интересы частных собственников, а объект собственности не имеет должной дифференциации.

Механизм ограничений правомочий собственника включает в себя систему условий приобретения, удержания и утери статуса владельца объектом собственности, в том числе возможностей распоряжения и пользования ресурсами жизнедеятельности, средствами производства и т.д. Актуальной проблемой его законодательного совершенствования является создание в нем условий для отражения общегосударственных интересов, требующих от собственников распоряжения и использования объектов собственности в интересах общества, т.е. реализации в отношениях собственности социальной функции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этом несложно убедиться: Собственность – это «исторически развивающиеся общественные отношения, которые характеризуют распределение (присвоение) вещей как элементов материального богатства общества между различными лицами» (см.: Большая советская энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1976. – Т. 24. – Кн. I. – С. 11.); «Собственность представляет собой отношения между субъектами по поводу вещей, заключающиеся в присвоении, или в принадлежности материальных благ одним лицам (их коллективам) и соответственно в отчужденности этих благ от всех других лиц» (Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 7) и т.д.
2. Иеринг Р. Борьба за право. – М.: Изд-во «Феникс», 1991. – С. 6.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – С. 109.
4. Черненко А.К., Бобров В.В. Целевая составляющая и аксиологические основания правовой технологии: социально-философский аспект. – Новосибирск: Изд-во ГЦРО, 2003. – С. 34.
5. См.: Конституции зарубежных государств. Учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. – М.: Изд-во БЕК. – С. 159.
6. Там же. – С. 371, 446.
7. Там же. – С. 306.
8. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 дек.
9. Дозорцев В.А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова. – М.: Международный центр финансового экономического развития, 1998. – С. 238.
10. Там же. – С. 230.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая и вторая (с алфавитно-предметным указателем). – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1996.
12. Содержание ст.9 Конституции РФ и Земельного кодекса РФ от 25 октября 2001 н. № 136-ФЗ подробно проанализировано в монографии Черненко А.К. и Боброва В.В. (см.: Черненко А.К., Бобров В.В. Целевая составляющая... – С. 70–73).
13. Нерсисян В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Инфра-М-Норма, 1997. – С. 28.
14. Суханов Е.А. Проблемы правового регулирования отношений публичной собственности и Гражданский кодекс // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова. – С. 207.
15. Пучков О.А. Социальная свобода. Теоретико-правовые вопросы сущности. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – С. 115.
16. Бодров О.Г. Теоретико-методологические аспекты и закономерности развития экономической свободы. – Казань: КФЭИ, 1998. – С. 65.
17. Фэге Э. Либерализм // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 65.
18. Социальная сущность и технология подушных и поземельных налогов государства для своего населения не отличались от контрибуций (дани, податей, ясака и т.д.) для населения занятой в ходе войны территории.
19. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 дек.
20. СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
21. Егорова Е. Налоговое бремя // <http://www.voskres.ru/articles/taxes.htm>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. РЕЦЕНЗИИ

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ»

Вот уже 10 лет Институт философии и права (ИФПР) СО РАН проводит международный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири». Его можно назвать кочующим семинаром, поскольку лишь первые два года он проводился в Новосибирске, а последующие, по просьбе наших коллег из регионов, – в других городах Сибири: Абакане, Кызыле, Красноярске, Улан-Удэ, Горно-Алтайске. В 2005 г. место базирования семинара вышло за пределы сибирского региона: получив финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда, мы провели его в Санкт-Петербурге в рамках VI Конгресса этнографов и антропологов России (28 июня – 2 июля 2005 г.).

Традиционно этносоциальная проблематика международного семинара рассматривается сквозь призму социального взаимодействия и в этом смысле является созвучной основной теме VI Конгресса этнографов и антропологов России: «Этнокультурные взаимодействия в Евразии». В свою очередь, заявленная тема соответствует названию реализуемой в течение последних трех лет по инициативе академика РАН А.П. Деревянко Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (координаторы – академик РАН В.И. Молодин и член-корреспондент РАН В.А. Тишков). Проведение семинара частично финансировалось из средств данной программы.

В работе семинара приняли участие представители многих отраслей научного знания – социологи, философы, экономисты, антропологи, этнографы, историки, политологи, медики, экологи, психологи, педагоги из разных городов России, а также Германии, Франции, Кыргызстана, Казахстана. Всего – около 60 чел. Были подготовлены доклады, раскрывающие различные аспекты и особенности этносоциальных процессов у многих народов Сибири и Дальнего Востока: русских, бурят, долган, кетов, манси, нанайцев, ненцев, нивхов, ороков, орочей, саха (якутов), тувинцев, удэгейцев, ултов, хакасов, хантов, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров. Предметом анализа стали и некоторые общие тенденции изменения данных процессов. В частности, были представлены результаты исследований сотрудников сектора этносоциальных исследований Института философии и прав СО РАН, где в последние годы реализуется крупномасштабный проект «Народы Сибири в условиях современных реформ».

В докладе руководителя семинара, заведующего отделом социологии и сектором этносоциальных исследований ИФПР СО РАН Ю.В. Попкова, открывшего работу семинара, основное внимание уделено теоретическим вопросам воспроизводства этничности, анализу результатов проведенного в 2002–2003 гг. сотрудниками сектора этносоциальных исследований указанного института совместно с коллегами из регионов Сибири социологического массового опроса среди представителей разных этносов Южной Сибири. Установлено, что генетическим механизмом воспроизводства этничности в структуре этносферы является циклически повторяющийся социокультурный синтез, основной для соответствующей цивилизации (романо-германский синтез в европейской цивилизации, славяно-тюркский синтез в евразийской цивилизации). Функциональный механизм воспроизводства этничности – это ее диффузия, диверсификация ее модальностей – способ бытия этничности с последующим отбором адаптивных для соответствующей стадии эволюции этносферы цивилизации социотипов этничности. Этносфера цивилизации является средой, обеспечивающей воспроизводство

и безопасность жизнедеятельности входящих в ее состав этносов. В цивилизационно замкнутом этническом круговороте формируется внутреннее единство этносферы, обеспечивающее как ее целостность, так и воспроизводство ее частей. Результаты конкретно-социологических исследований позволили выявить деструктивные тенденции в этносоциальных процессах в современной Сибири.

Координатор Центра сибирских исследований Института социальной антропологии им. Макса Планка Отто Йоахим Хабек (Германия) затронул проблему формирования правовых земельных взаимоотношений между регионами и федеральными органами управления в контексте сохранения окружающей среды и традиционного уклада жизни малочисленных народов Севера.

У.А. Винокурова, руководитель Научно-исследовательского центра Арктического государственного института культуры и искусства (г. Якутск) на примере истории развития Республики Саха (Якутия) раскрыла преимущества геокультурного подхода в исследовании этносоциальных процессов в сравнении с традиционным.

В.А. Тураев, заведующий отделом этнополитологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток) остановился на этнических аспектах социальной стратификации общества (на примере дальневосточных эвенков), охарактеризовав показатели стратификации, сложившиеся у эвенков в годы советской власти и их изменение под воздействием рыночных реформ. У эвенков зафиксировано серьезное снижение демографического и морально-психологического статусов.

Е.А. Пивнева, ученый секретарь Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), раскрыла проблемы социальной дифференциации у коренных народов Севера. Современные сообщества северных аборигенов характеризуются автором как неоднородные: в их среде выделяются городские, поселковые и «таежные» группы. Каждая из них представляет собой специфический объект для изучения. Более подробно освещены особенности современно-го образа жизни «поселковых» манси.

М.А. Абрамова, ведущий научный сотрудник сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН (г. Новосибирск) на основе анализа материалов экспедиции по изучению проблем формирования этнического самосознания учащейся молодежи в Республике Саха (Якутия) в образовательном процессе раскрыла значимость комплексного подхода в построении методологии исследования. Изучение проблем этнической идентификации, формирование «Я-концепции» в социокультурном аспекте, разработка и использование учебно-методических материалов в практике обучения детей, по мнению докладчика, являются серьезными темами для проведения междисциплинарных исследований с привлечением психологов, социологов, педагогов и культурологов.

В докладе группы авторов – заведующего социологической службой в Северном государственном медицинском институте (г. Архангельск) М.В. Кокорина, заведующего лабораторией охраняемых природных территорий и экологии культуры Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск) А.Н. Давыдова, старшего научного сотрудника Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск) Г.В. Михайловой – представлен этносоциальный портрет ненцев острова Колгуев (Баренцево море) как особой этнографической группы ненцев. Применен

междисциплинарный подход с использованием данных этнографических, социологических и конфликтологических исследований. Обращено внимание на отрицательную динамику этносоциальных процессов на острове.

М.А. Мокшин, магистрант философского факультета Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск) остановился на особенностях положения коренных малочисленных народов Сибири в условиях современного правового плюрализма.

Ю.Н. Квашнин – старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тобольск), характеризуя особенности этнокультурного развития коми-ижемцев, обратил внимание на тот факт, что в ходе межэтнических контактов в низовьях Оби между сибирскими тундровыми ненцами, коми-ижемцами и северными приобскими хантами произошло частичное смешение этих народов, что привело в XX в. к изменению их этнической самоидентификации.

И.В. Удалова, старший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН (г. Новосибирск), подняла вопрос о метисации как факторе этнической и цивилизационной идентичности. Она остановилась на положительных и отрицательных сторонах этого процесса, сделал вывод о позитивном влиянии метисации на межэтнические отношения в Ханты-Мансийском автономном округе.

В докладе В.В. Годовых и Т.В. Годовых, представителей Чукотского филиала Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН (г. Анадырь), дан анализ состояния и факторов психофизиологического развития детей у коренных малочисленных народов Чукотки.

В выступлении Е.А. Волжаниной, младшего научного сотрудника Института проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень) обращено внимание на динамику и структуру межнациональных семей у ненцев Ямало-ненецкого автономного округа второй половины XX в., сделан вывод о том, что занятие в традиционных промыслах и компактное проживание в национальных поселках способствуют преобладанию в брачной структуре однонациональных браков. В то же время у женщин коренных народов продолжает сохраняться ориентация на брак с русскими мужчинами.

В докладе Е.А. Ерохиной, научного сотрудника сектора этносоциальных исследований ИФПР СО РАН (г. Новосибирск), поднят вопрос о российской идентичности как преемственной по отношению к советской идентичности у студенческой молодежи Республики Саха (Якутии). В целом, несмотря на бурно протекающие процессы этнической мобилизации, здесь тенденция преемственности сохраняется.

Докладчиками было отмечено, что тенденции этносоциального развития народов Сибири определяются сложным комплексом причин и условий, среди которых наибольшее значение имеет общая неблагоприятная ситуация в стране, сложившаяся в результате радикальных рыночных реформ 1990-х гг., которые до сих пор про-

водятся без учета специфики России как евразийской цивилизации и без учета региональных этнокультурных особенностей.

В частности, зафиксированы следующие негативные тенденции этносоциального развития народов Сибири:

1) ренатурализация хозяйства как тенденция формирования экономики примитивного выживания в качестве основы существования значительной части населения;

2) существенное сокращение объемов земледелия, отгонного животноводства и оленеводства как основы сохранения традиционного природопользования, культуры и мировоззрения, наиболее отвечающих задачам устойчивого развития; снижение роли данных видов хозяйства как важных источников доходов местного населения при отсутствии иных официальных источников;

3) деградация села, сельского и промыслового хозяйства, массовое и неконтролируемое перемещение значительной части сельского населения в крупные населенные пункты;

4) усиление моноэтничности села, концентрация отдельных групп городского населения по этническому признаку, продолжающаяся криминализация сельского и городского сообществ;

5) снижение ценности производительного труда, ослабление способности части населения, в первую очередь молодежи, к систематическому труду;

6) падение в глазах большинства населения престижа власти всех уровней, разочарование проводимыми экономическими и политическими реформами, рост недоверия к органам государственного управления;

7) углубление внутренней дифференциации отдельных этносов по родо-племенному признаку, обострение внутренних противоречий;

8) рост стратификации и разделения труда по этническому признаку, усиление социальных дистанций между представителями разных этнических групп по признакам представительства в органах власти, доступа к образованию и другим социальным благам.

Обозначенные тенденции оказывают неблагоприятное воздействие на этносоциальный потенциал народов Сибири и определяют рост латентной социальной, в том числе межэтнической, напряженности. Возможности ее снижения связаны с необходимостью корректировки курса проводимой экономической, социальной и культурной политики. В частности, органы власти должны учитывать то обстоятельство, что ядро ценностно-мотивационного комплекса большинства населения составляет установка на повышение благосостояния не с помощью чисто рыночных механизмов, а в рамках устойчивого, сбалансированного развития многоукладной, смешанной экономики под эгидой некоррупцированного государства.

В заключение отметим, что семинар выполняет, по сути, функцию координации этносоциальных исследований в Сибири. Эту задачу он решает и благодаря издаваемому по его результатам тематическому сборнику статей. Итогом работы VIII Международного семинара в Санкт-Петербурге является седьмой выпуск сборника.

*Д-р филос. наук Ю.В. Попков,
руководитель семинара,
д-р пед. наук М.А. Абрамова,
секретарь семинара,
Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск*

ДЕНЬ ФИЛОСОФИИ ЮНЕСКО В НОВОСИБИРСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ

17 ноября 2005 г. ЮНЕСКО четвертый год подряд отмечал День философии. Главными событиями этого дня стали «круглые столы», конференции, философские кафе, встречи с деятелями искусства, выставки книг и другие мероприятия более чем в 70 странах – членах ЮНЕСКО во всем мире. События этого дня, открытые для широкой публики, и подчеркивающие богатые культурные и философские традиции мира призваны привнести новый взгляд на фундаментальные проблемы, с которыми сталкивается человечество сегодня.

В этот день в рамках программы празднования Дня философии ЮНЕСКО состоялось совместное заседание Ученого совета Института философии и права СО РАН и Ученого совета философского факультета Новосибирского государственного университета, посвященное Международному году физики, 100-летию специальной теории относительности и гипотезы световых квантов.

Профессор В.С. Диев, декан философского факультета и ведущий совместного заседания, отметил: «Тема заседания была выбрана не случайно. Вклад А. Эйнштейна в развитие современной науки сложно переоценить. В этом году исполняется ровно сто лет с того периода, когда была сформулирована теория практически полностью определяющая лицо современной физики. Обсуждением этого важного события мировой истории мы надеемся привлечь внимание как интеллектуальных кругов, так и широкой аудитории, в частности, молодежи, учащихся и студентов, к современным проблемам развития человеческого сообщества. Кроме того, 16 ноября 1945 г., ровно 60 лет назад, было образовано само ЮНЕСКО, и потому особенно приятно отметить сейчас тот факт, что эта авторитетная международная организация придает большое значение феномену развития философии в со-

временной культуре. День философии ЮНЕСКО – наш профессиональный праздник!»

С пленарными докладами к слушателям обратились директор Института философии и права СО РАН профессор В.В. Целищев и заведующий сектором философии науки профессор А.Л. Симанов. Дискуссия, которая последовала после докладов и в которой приняли участие все собравшиеся (научные сотрудники, аспиранты и магистранты), показала, что обсуждение фундаментальных вопросов современного естествознания является остроактуальным, волнующим моментом нашего представления о мире, нашей истории и способности человека познавать окружающую реальность. Профессор Ю.И. Наберухин заметил: «В обоих докладах я увидел много дискуссионных моментов, и это хорошо, получается, что проблема в общем-то не исчерпана. Нельзя переоценить вклад Эйнштейна, именно он поставил вопрос: что нужно сделать для того, чтобы время в физике было не пустым словом, а имело конкретное содержание. Он впервые выдвинул важный методологический принцип, который потом распространился на всю физику. Нужно придумать мысленный эксперимент, представить, как можно измерить то или иное свойство, допустим, время. Он впервые ввел в физику и вообще в науку операционалистскую методологию. Есть два способа научного мышления: теоретический и секулярный; операционализм, это своеобразный мостик между ними, который впервые построил Эйнштейн. История физики XX века показала всю мощь этого приема».

Философское сообщество Новосибирского академгородка наглядно продемонстрировало живой интерес не только к своему празднику, но и к актуальным, важным проблемам философского осмысления современного состояния научного знания.

*Н.В. Головки,
секретарь Сибирского отделения
Российского философского общества*

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ»

24 ноября 2005 г. Институтом философии и права СО РАН и Новосибирским юридическим институтом (НЮИ) (филиалом) ТГУ проведена межрегиональная научная конференция, посвященная обсуждению фундаментальных и прикладных проблем формирования эффективной правовой системы в России (секция 1), повышения эффективности конституционно-правового регулирования (секция 2), проблем правового регулирования и практики реализации мер по борьбе с преступностью (секция 3), социально-трудовым, гражданско-правовым, экономическим и социокультурным проблемам правотворчества и правореализации (секции 4–6). На конференции было представлено 92 доклада и сообщения от ученых Новосибирска, Томска, Екатеринбурга, Омска, Кемерово, Красноярска, кроме того, выступили практические работники (адвокаты, юрисконсульты, работники судов и др.).

На пленарном заседании с докладами выступили заместитель полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе канд. юр. наук, доцент Л.Е. Бурда, д-р филос. наук, профессор А.К. Черненко, канд. филос. наук В.В. Бобров, канд. юр. наук В.А. Симонов (Омск). В докладе Л.Е. Бурды рассмотрены проблемы правотворчества и правоприменительной практики в субъектах РФ. Пленарный доклад А.К. Черненко посвящен характеристике и обоснованию причин кризисного состояния методологии правоведения, предложены критерии оценки и повышения эффективности правовой системы России. Проблемы отражения общегосударственных интересов в нормах российского законодательства и политико-правовой практики на историческом и теоретическом материале представлены в докладе В.В. Боброва. В.А. Си-

монов в своем докладе проанализировал процесс создания и воплощения конституционных принципов в нормах российского законодательства.

На заседании первой секции особый интерес вызвали доклады о современных тенденциях в формировании экологического законодательства (Ю.Г. Марков), о принципе историзма и обосновании идеи устойчивой зависимости между сменой моделей научной рациональности и эволюцией предмета науки конституционного права России в XIX–XX вв. (А.Б. Дидикин), о функциях юридической практики (И.А. Городилова), о вопросах практики исполнения решений Конституционного суда РФ и конституционного контроля (А.М. Кальяк, Ж.В. Нечаева), а также выступления Л.П. Шмайловой, А.В. Малафеева и др.

На других секциях были представлены доклады по истории становления судебной власти в России, постановлению и развитию конституционного, гражданского, религиозного законодательства России, функционированию современной избирательной системы. Обсуждались также современные проблемы уголовной ответственности и исполнения наказаний (Е.М. Захцер), регулирования трудовых и межбюджетных отношений (Э.Р. Мартиросян, Н.В. Омелехина), экономико-правовые (Е.Д. Сысолятин) и политические проблемы формирования гражданского общества в России, социокультурные и лингвистические основания правовых исследований.

По итогам работы конференции будет подготовлен и издан сборник научных статей «Современные проблемы юридической науки» (вып. 6).

*А.К. Черненко, доктор философских наук,
А.Б. Дидикин*

ОБЩАЯ ЧАСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

(Рецензия на кн.: ОСОКИНА Г.Л. Гражданский процесс.

Общая часть. – М.: Юристъ, 2003. – 669 с.)

В издательстве «Юристъ» вышло учебное пособие томского профессора Г.Л. Осокиной «Гражданский процесс. Общая часть». Держать эту книгу в твердом темно-синем переплете, – эстетическое удовольствие. Монография, без сомнения, удалась и по форме, и по содержанию. Это тот счастливый случай, когда автору повезло с издательством, а издательству – с автором. И, конечно же, с проблемой: читателю предложены систематизированные знания общей части гражданского судопроизводства как отрасли российского права.

Давно замечено, что неизбежный недостаток любого учебника – налет консерватизма. И этому есть своя объективная причина: «Побуждаемый необходимостью представить науку в виде стабильного комплекса сведений, автор учебника соответственно выбирает материал, отбрасывая то, что ему кажется недостаточно хорошо проверенным, проблематичным и зыбким. В результате он невольно добивается того, что у читателя, приступающего к изучению новой области, создается впечатление о ее законченности. В основном как будто бы все уже сделано, и теперь остается главным образом детализация. Поэтому учебник может иногда ослабить волю читателя к самостоятельному мышлению, демонстрируя ему науку как собрание хорошо охраняемых памятников прошлого, а не как дорогу в окутанное туманом будущее. Существует также чисто психологическая причина консерватизма учебников. Они обычно пишутся людьми старшего поколения для начинающей молодежи, в то время как среднее поколение своими исследованиями меняет лицо науки, расширяя или ломая сложившиеся ранее представления»*.

В последнее время опубликовано несколько учебников и пособий по гражданскому процессу. В отличие от уже вышедших работ, книга Г.Л. Осокиной выделяется оригинальностью: ей присущи качества учебника и монографического исследования. Анализируя содержание книги, можно воспользоваться популярной сегодня формулой и назвать ее «Гражданский процесс. Общая часть + (плюс)», поскольку юридическому сообществу представлен результат поиска всеобщих связей, цементирующих судопроизводство, т.е. теоретических выводов и суждений, составляющих квинтэссенцию отраслевой юридической науки: единичные факты сами по себе доктрину не обогащают, не приносят социуму никаких выгод, науке нужно то, что факты превращает в опыт. Сначала собрать факты, потом объединить их причинными свя-

зьями», – так детерминистская концепция представляет себе труд ученого, или, если повторить известнейшую формулу одного из самых изобретательных и красноречивых теоретиков этой школы Тэна: «Après la collection des faits, la recherche des causes» («После сбора фактов – поиск причин» (франц.). Написание теории судебного процесса – дело кропотливое, требующее сведения воедино множества концептуальных подходов, точек зрения, предложения читателям взвешенных оценок по спорным вопросам. Работа такого плана – это еще и отражение развития науки, которая совершенствует свои принципы в исследовании материала.

В несомненном активе книги находится авторская идея о том, что гражданское судопроизводство как объект познания – сложное и многогранное государственно-правовое явление, которое не может быть изучено в рамках только юридической науки. Кроме юриспруденции в исследовании судопроизводства принимают участие гуманитарные, экономические и естественные науки, сосредоточивая свои усилия на определенных, свойственных для каждой из них сторонах, связях и процессах. Если для неюридических наук в первую очередь важны проблемы цивилистического судопроизводства, решение которых достигается неправовыми средствами (примером такого подхода может служить, в частности, экономический анализ права – одно из самых влиятельных направлений в юридической науке стран Запада и США, блестяще описанное в классической работе Ричарда Познера «Экономический анализ права»: В 2 т. – СПб., 2004), то юридические науки решают их посредством поиска эффективных механизмов законодательного обеспечения.

Оценивая любое юридическое исследование, важно не забывать философскую посылку о том, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку – обстоятельство, объясняющее многоликость научного знания. В сфере же права эта аксиома не действует: все мы, юристы, «купаемся» в теплой воде государственного законодательства и «моржуем» в льдинах национального бытия. Иными словами, особенность объекта познания юриспруденции обуславливает «однопорядковость» суждений о правовых явлениях. Между тем на практике в исследованиях юристов господствуют противопоставления описательных суждений, «языковая болезнь», бессмысленные эмпирически неverified утверждения. Попытка поиска причин мозаики выводов по одному и тому же правовому вопросу часто приводит к очевидному: настроенность на словесное различие с ранее изложенными суждениями руководит инструментарием исследователя, обеспечивая видимость новизны знания (подобное обнаруживается по отношению, например,

* Арцимович Л.А. Физик нашего времени // Наука сегодня / Под ред. С.Р. Микулинского. – М., 1969. – С. 142.

к описанию явления иска). Разумеется, отмеченное не имеет ничего общего с одним из существенных проявлений эволюции правоведения последних лет, когда научным сообществом юристов стало овладевать пониманием того, что ни одна теоретическая парадигма не может считаться исчерпывающей. Все чаще констатируется факт формирования интегративных областей научного знания, вбирающих в себя результаты и методы исследования так называемых пограничных (стыковых) сфер правовой действительности.

В этой ситуации плюрализм мнений желателен и полезен, ибо он позволяет оценить предмет дискуссии, но он оправдан до тех пор, пока не опускается до анархизма в смысле отрицания всех и всяких авторитетов. К счастью, подобные упреки применительно к рецензируемой работе следует отсечь: профессор Г.Л. Осокина не вызывает в терминологическую полемику, двигаясь вперед по пути осмысления и анализа изменившейся в современных условиях организации судопроизводства, она демонстрирует мировоззренческую готовность к восприятию инновационных процессов в науке судебного права. В этой связи правомерно оценивать авторскую позицию словами из «Фауста» великого Гёте:

Пергаменты не утоляют жажды.
Ключ мудрости не на страницах книг.
Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,
В своей душе находит их родник.

Книга Г.Л. Осокиной выделяется своей оригинальной трактовкой ряда процессуальных явлений, которые углубляют стандартные представления, изложенные в литературе. В частности, об этом свидетельствуют и названия шести разделов работы: «Теоретические основы гражданского процессуального права», «Лица, участвующие в деле», «Судебные расходы. Судебные штрафы. Процессуальные сроки», «Компетенция судов общей юрисдикции», «Иск и право на иск», «Судебное доказывание и доказательство». Памятуя, что пересказ позиций автора – самый простой вариант рецензии, но он же и наименее интересный, не стану подробно приводить авторские суждения, нашедшие место в рамках перечисленных разделов книги, остановлюсь на положениях, которые, на мой взгляд, требуют доработки.

Юридическая наука тоже подвержена моде, что вполне объяснимо, поскольку создающим науку ничто человеческое не чуждо. Такой очередной модой в последние годы стала проблема судебного прецедента (судебной практики), занявшая на исследовательском подиуме лидирующее положение: изучение сущности, функционирования и роли судебной практики ведется сравнительно широким фронтом; оно осуществляется как с позиции общей теории государства и права, так и под углом зрения отдельных отраслей правоведения. Здесь наметился определенный перелом в сторону признания судебных актов источниками права. Сегодня сложились определенные предпосылки для этого, причем одним из главных доводов в пользу такого подхода является положение Конституции РФ о закреплении принципа разделения властей, а это позволяет сделать вывод, что современный суд является носителем государственной власти с новыми полномочиями. Позиция Г.Л. Осокиной по поводу идеи о признании (непризнании) судебной практики одним из источников гражданского процессуального права четко не проявлена, так как в ее рассуждениях присутствует прием типа «с одной стороны», но «с другой стороны» (С. 38–40). Полагаю, это объясняется тем, что основные направления процессуальных исследований формируются под влиянием трех факторов: доминирующих тенденций в право-

вой системе, индивидуальной исследовательской логики ученого и запросов общества. Не менее мощное, чем отмеченные факторы, воздействие на правоведение могут оказывать и определенная инерция, а равно исследовательская преемственность. Поэтому, несмотря на то, что проблемы судебного прецедента вышли в последнее десятилетие на первый план социального бытия, сама наука гражданского процессуального права в отношении функций судебной практики претерпела не столь уж радикальную трансформацию авторских суждений на этот счет.

Среди проблем гражданского судопроизводства, которые заслуживают быть освещенными в общей части учебного курса, следует отметить проблему о судебных ошибках, поскольку она, во-первых, непосредственно охватывается целями, отраженными ст. 2 ГПК РФ; во-вторых, – относится к числу наиболее противоречивых и малоразработанных. Поэтому выстроить определенную теоретическую концепцию судебной ошибки, которая базируется на анализе логико-философских оснований изучения феномена ошибки в правоприменении – задача, решение которой должно находить место на страницах современных исследований. Если судебная ошибка размещается на оси «истина – заблуждение» и характеризуется определенными формально-юридическими критериями, играющими ключевую роль в определении нормативного содержания ошибки, то от автора можно было бы ожидать и соответствующие предложения de lege ferenda в адрес законодателя. Реализация этих ожиданий только усилила бы ценность издания.

К резервам качества работы можно отнести и то, что в книге не рассмотрены вопросы о науке гражданского процессуального права. Думается, что замечания рецензента будут учтены в новом издании учебного пособия, а также в его особой части. Замысел Г.Л. Осокиной достаточно амбициозен: разработать проект, отражающий две концептуальные идеи: а) современное состояние судопроизводства есть результат длительного эволюционного развития; б) всякий раз, когда общество втягивается в революционные преобразования, оно неизменно модифицирует суд и судопроизводство, приспособляя их к целям преобразований.

С позиции вузовской дидактики, рецензируемое учебное пособие – безукоризненный образец изложения программного материала, отличающийся ясным, доходчивым стилем. Каждая глава сопровождается списком дополнительной литературы для более глубокого изучения вопроса. Не подлежит сомнению, что педагогам юридических вузов здесь есть чему поучиться. Последовательное ознакомление с книгой позволяет говорить о ее высоком научно-познавательном значении. Она пронизана стремлением ученого подать материал с позиции современных достижений науки: Г.Л. Осокина генерирует собственный, вполне обоснованный взгляд на процессуальные проблемы, при этом подлинная научность не отягощена безапелляционностью, претензиями на абсолютную правоту суждений.

Учебное пособие будет полезным преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, а также практическим работникам в области цивилистического судопроизводства. Со своей стороны я заинтересованно рекомендую его юридическому сообществу, поскольку уверен, что мои надежды на научное воздействие работы оправдаются.

Профессор Г.Л. Осокина, несомненно, яркий исследователь, публикации которого всегда сочетаются с глубоким знанием сущности вопроса и нюансов проблематики, способностью к точной экспертизе, обладанием инструментальным знанием. Заслуживает быть особо отмеченным ее личный вклад в развитие науки гражданского процессуального права.

*А.В. Цихоцкий,
д-р юрид. наук, профессор,
Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск*

**ПАМЯТИ
АРСЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА
ЧАНЫШЕВА**

3 августа 2005 г. на восьмидесятом году жизни умер видный профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Арсений Николаевич Чанышев.

А.Н. Чанышев известен прежде всего как специалист по истории философии древнего мира. Его перу принадлежат такие работы, как «Ионийская философия» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966; в соавторстве с Э.Н. Михайловой), «Эгейская предфилософия» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970), «Италийская философия» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975), «Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. фак-тов» (М.: Высш. шк., 1981), «Аристотель» (М.: Мысль, 1981. 2-е изд., доп. 1987), «Начало философии» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982), «Курс лекций по древней и средневековой философии: Учеб. пособие для вузов» (М.: Высш. шк., 1991), «Философия как “филология”, как мудрость и как мировоззрение» (Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1995. № 5–6; 1996. № 6; 1998. № 1; 1999. № 1). Итогом его многолетней преподавательской деятельности стал учебник «Философия древнего мира» (М.: Высш. шк., 1999. 2-е изд., 2003). Как историк философии он внес наибольший вклад, пожалуй, в тему происхождения философии в Древнем Китае, Индии и Греции. Введенные им понятия «профилософии» (предфилософской мифологии и науки), «протофилософии», «парафилософии» стали фактически общепринятыми. А.Н. Чанышев успешно работал и с аспирантами. Его ученики трудятся сейчас в разных местах страны, в том числе и Новосибирском научном центре (в Институте философии и права СО РАН, на философском факультете НГУ). Однако А.Н. Чанышев занимался историей не только философии и не только древнего мира. Он стал автором и таких работ, как «Философия Анри Бергсо-

на» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960), «Протестантизм» (М.: Наука, 1969).

Арсений Николаевич Чанышев был крупной многогранной личностью. Он отличался неординарным поведением, что у одних людей вызывало симпатию, а других, возможно, раздражало. А.Н. Чанышев писал (и публиковал) стихи. Некоторые из окружающих его людей даже считали его прежде всего поэтом, а не историком философии. Не «чурался» он и публицистики («Этика выше экономики» // Литературные новости. – 1992; и др.). Своеобразными были политические предпочтения А. Н. Чанышева. В советский период он был членом КПСС; в 90-е гг. высказывался в пользу монархии и одновременно социал-демократии. Полушутя, полусерьез он говорил, что «слишком большой и не укладывается в какие-либо партийные рамки». Неизменным до конца дней остался его атеизм, который носил не конъюнктурный, а принципиальный характер.

Сам Арсений Николаевич различал «историков философии» и «философов». Как философ он оставил нам небольшой по объему (но не по содержанию) «Трактат о небытии» (работа написана в 1962 г., издана: *Вопр. философии.* – 1990. – № 10. – С. 158–165). О достоинстве философского содержания этого трактата можно и нужно спорить. Бесспорно то, что этот трактат помогает понять нам мировоззренческие особенности А.Н. Чанышева и как человека, и как автора учебника «Философия древнего мира».

А.Н. Чанышев прожил большую и плодотворную жизнь. Он оставил нам книги по истории философии, стихи, учеников. Помянем его добрым словом, и да упокоится душа его с миром.

Арсений Николаевич Чанышев похоронен в г. Москве в Химках.

*Сибирское отделение
Российского философского общества*

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЕРЕМИНА

15 октября 2005 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался **Сергей Николаевич Еремин** – ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, кандидат философских наук, доцент.

С.Н. Еремин родился 7 октября 1944 года в г. Абакане – столице тогдашней Хакасской автономной области. Его путь в науку был непростым. В возрасте 15 лет Сергей уехал к старшему брату в Агинский район Иркутской области, где устроился рабочим в геологическую партию и параллельно учился в 8–9 классах средней школы. Спустя два года он вернулся к родителям в Абакан, где и получил аттестат о среднем образовании. Около года трудился в локомотивном депо ст. Абакан, сначала слесарем, а потом молотобойцем. Затем трехлетняя служба в армии и осознанное стремление учиться на гуманитарном факультете Новосибирского госуниверситета, студентом которого он стал в 1967 г. Именно в университете у С.Н. Еремина сформировался интерес к проблемам образования, который он пронес через всю свою жизнь.

С 1972 г. жизнь Сергея Николаевича оказалась связана с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР, а впоследствии – Институтом философии и права СО РАН. Здесь он прошел путь от старшего лаборанта (стал им еще на 5-м курсе университета) до ведущего научного сотрудника – его научный путь начинался с работы в секторе социальных проблем труда молодежи, а через семь лет он переходит в сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири.

До начала 1990-х гг. основным направлением исследований С.Н. Еремина были проблемы образования, его роли в социальном развитии народов Сибири и Севера. В 1978 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в которой проанализировал социальные особенности функционирования системы образования в современном обществе.

Принадлежащие ему методолого-методические разработки по этой теме вошли в комплексные программы исследований отдела социологии Института, нашли отражение в научных отчетах и докладных записках Президиуму Сибирского отделения АН СССР, Совету Министров РСФСР и др. Он принимал самое активное участие в подготовке и проведении социологических экспедиций в Хакасии, Бурятии, Туве, других регионах Сибири, под его руководством проведено широкое социологическое обследование городского и сельского населения Якутской АССР. В те же годы им были подготовлены многочисленные статьи, ряд докладов и учебных пособий; он стал соавтором монографий по проблемам научно-технической революции и методологии исследования межкультурных взаимодействий.

Со студенческих лет у Сергея Николаевича зародилось глубокое уважение к философии и личности Г.В.Ф. Гегеля. Наследие Гегеля стало для него образцом научного и философского мышления, к которому он постоянно обращался; свои работы последних лет он посвятил разработке педагогического наследия великого немецкого мыслителя. Особенно его интересовали проблемы взаимоотношений педагога и ученика, в процессе которых педагог, передавая свои знания, по сути, перестает быть учителем, а ученик, в свою очередь, может в будущем выступить в роли учителя. Оригинальная интерпретация идей Гегеля, предложенная С.Н. Ереминым, была нацелена на поиск алгоритма решения ключевых проблем современной философии образования.

Отдельная страница в биографии С.Н. Еремина – многолетнее исполнение обязанностей ученого секретаря Специализированного совета по защите докторских диссертаций при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. Его отеческое напутствие стало путевкой в научную жизнь для нескольких десятков докторов и кандидатов наук по всей Сибири и другим регионам. Многих из них он поддерживал добрым словом и квалифицированным советом.

С начала 1990-х гг. исследовательские интересы С.Н. Еремина смещаются в сторону изучения социальных проблем науки, занятости молодежи, рынка труда. Он был одним из авторов идеи и последующей практической реализации проекта социологического мониторинга Новосибирского научного центра. Под его руководством изучалась проблема отношения к науке студентов элитарного вуза (на примере НГУ), при его непосредственном участии в 1996, 1998, 2000 и 2004 гг. были проведены массовые социологические обследования ученых Новосибирского академгородка и осуществлен целый ряд исследований по проблеме взаимодействия сферы образования и рынка труда. На базе этих исследований зародилась и была реализована идея создания в Новосибирском академгородке Центра социальной адаптации и переподготовки кадров высшей квалификации.

Необходимо отметить и талант Сергея Николаевича в составлении социологического инструментария. Его перу принадлежат все основные методические разработки социологического мониторинга ННЦ – анкеты, вопросники, схемы интервью. С его помощью получен богатейший фактический материал, отражающий трудный процесс реформирования российской науки и трансформации научного сообщества России на протяжении последних 15 лет. Блестящий стиль и безупречная логика его анкет и вопросников обеспечивались глубоким профессионализмом и личной включенностью в исследуемые проблемы. Фирменным стилем С.Н. Еремина были предельная требовательность к своим текстам, будь то статья или социологическая анкета. Работа над инструментарием сопровождалась у него глубокими внутренними переживаниями, рассматривалась им как долг профессионала, желающего ускорить разрешение той или иной проблемной ситуации. Со стороны совершаемая при этом внутренняя подготовка напоминала тяжелую работу талантливого актера, который настраивается на камертон своей будущей роли в надежде донести людям самое сокровенное.

Память о Сергее Николаевиче Еремине – прекрасном человеке и талантливом ученом – навсегда сохранится в наших сердцах, а его идеи будут служить путеводной звездой – ориентиром в наших исследованиях.

*Сотрудники Института философии и права
СО РАН, Новосибирск*

ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ РАЗУМОВСКИЙ

К 75-летию со дня рождения и к 50-летию научно-педагогической деятельности

Имя и работы Олега Сергеевича Разумовского широко известны в нашей стране и за ее пределами не только философам. Как основоположника экстремологии, бихевиористики и оптимологии его знают экономисты и социологи, естественники и инженеры, Разумовский – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1991), «Ветеран труда» РФ (1996), член Международной академии информатизации (МАИ), Академии гуманитарных наук (СПб.) и Российского философского общества, в 2000–2001 гг. Разумовский – член Британского королевского общества философии науки (British Royal Society for Philosophy of Science – Oxford, GB). Разумовский неоднократно награждался премиями, грамотами и медалями, ему объявлялись благодарности. В 1990-е гг. он в течение шести лет получал президентскую стипендию. В связи с юбилеями ученый награждался Почетными грамотами Президиума СО РАН в 2001 и 2006 г. В 2004 г. Американский биографический институт (ABI) наградил Олега Сергеевича медалью Почета (American Medal of Honor). Он – участник многих научных конгрессов, съездов и конференций в нашей стране и за рубежом. С 2004 г. Олег Сергеевич – профессор кафедры философии Новосибирского государственного университета (НГУ). Себя он относит к ученикам В.С. Готта, А.Ф. Перетурину и Г.А. Свечникова.

Разумовский родился 1 января 1931 г. в Емецке Холмогорского района Архангельской области, в семье специалистов лесного хозяйства. В 1950 г. он закончил с золотой медалью школу, в 1955 г. – с отличием пединститут в Новозыбкове (ныне Брянский государственный университет), в 1964 г. – аспирантуру МОПИ (ныне Московский областной университет), где успешно защитил кандидатскую диссертацию по философии физики. С 1965 г. Разумовский работал в Новосибирске на кафедре философии НГПИ. С 1966 г. он – доцент Брянского технологического института, в 1969 г. возвращается в Новосибирск. С тех пор его жизнь связана с Новосибирском.

В 1971–1975 гг. Разумовский работает старшим научным сотрудником в отделе философии Института истории, филологии и философии СО АН СССР. С 1975 по 1979 г. он заведует кафедрой в НЭТИ. В 1978 г. в Институте философии АН СССР (Москва) он успешно защитил докторскую диссертацию. С 1979 г. он заведует кафедрой философии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при НГУ, здесь же начинает готовить аспирантов (всего им подготовлено 11 кандидатов и 1 доктор наук). В 1981 г. ему присваивают звание профессора.

Все эти годы Разумовский ведет активную научную работу, перемещая свои интересы в область приложений принципов экстремальности к вопросам методологии оптимизации и эффективности бихевиоральных систем. В этой связи им опубликован большой цикл работ. Тогда же у него оформляется концепция оптимологии как общенаучного направления и теории. В 1999 г. Разумовский опубликовал первую книгу по оптимологии. В ее основе лежит теория экстремальности.

Актуальность данного направления чрезвычайно возросла в связи с небывалым ростом экстремизма международного характера. Разумовский развил новые подходы к пониманию системности, струк-

тур и сетей, сложности и т.п., в том числе так называемых «бихевиоральных» систем. Всего им опубликовано около 300 работ, в том числе 20 книг и брошюр, а в центральных и иностранных журналах было помещено более десятка рецензий на его книги. Им написан также ряд учебных и методических работ, в том числе пять учебников и учебных пособий. Его идеи внесли свой вклад в создание программ курса «Концепции современного естествознания». Отдельно стоят его оригинальные исследования проблемы времени. В апреле 2000 г. он выступал по проблеме сущности времени на специальном семинаре в МГУ (биологический факультет). Сотрудничество с МГУ продолжается (см. www.chronos.msu.ru).

Разумовский полон новых замыслов, связанных с задачей реализации главной цели его работы – завершения оптимологии и основ теории объекта оптимологии – бихевиористики.

Коллеги сердечно поздравляют Олега Сергеевича с 75-летием со дня рождения, 50-летием научно-педагогической деятельности и искренне желают ему здоровья и творческой активности на долгие годы.

Коллеги

SUMMARY*

Vinnik D.V. Thought Experiments in Mind Theory. The Ontological Content of Sense Data

The main object of the article is to investigate the ontological content of the sense data concept in different modifications of functionalism and the mind-body identity theory. The problem of the ontological status of qualia has been successfully reflected in a number of thought experiments. All of them were offered as arguments against physicalism and functionalism. The most influential experiments known as “zombie”, “inverted spectrum”, “absent qualia”, “Mary” and “Simona” are analyzed as examples of different ontological accounts and their implications. According to the author’s view, the identity theory is not a homogenic theory, this theory has two different modifications: the “property identity theory” or attributive physicalism and the “event identity theory” or relative physicalism.

Keywords: sense data, qualia, identity theory, mental state, mind, functionalism, property dualism, thought experiment, inverted qualia, supervenience.

Lapina T.V. Towards Social Epistemology of Science: from Social to Natural Science

The emergence of social epistemology as a separate branch of the philosophy of science raises the problem of the interconnection between social factors and the internal logic of scientific development. The author believes that social epistemology is the successor to the teaching of ideology which, in turn, was a result of the methodological analysis of social sciences. The mechanisms of social conditionality of knowledge which function in social cognition as ideological presuppositions are also found in natural science. First of all, it is true of abductive inferences in which these mechanisms are the principles limiting the choice of hypotheses and theoretical schemes. However, in modern science the very same mechanisms are in force at a deeper level, when we speak about the construction of the objects under study which are defined by some system of agreements between natural scientists.

Keywords: social epistemology, ideology, philosophy of science, value system, scientific method, abduction, constructivism.

Simanov A.L. Postnonclassical physics: methodological and empirical problems.

The article deals with problems faced by currently forming physics. Variants of their solution are offered.

Volf M.N. On Three Base Antitheses in Heraclitean Ontology

The paper is devoted to establishing the content of three basic antitheses in Heraclitean ontology. These are «obvious – hidden (or «apparent – unapparent»), «one – many» and «general – particular». Heraclitus has his own reading of the Milesian problem of *arche* and, by way of formulating these antitheses, he systematized the material and classified the variants of understanding the *arche*, resolving contradictions in Milesian positions through the formulation of a meta-level of opposites.

Keywords: the history of early Greek philosophy, Heraclitus, the problem of *arche*, antitheses, or apparent – unapparent, one-many, general-particular.

Goran V.P. The Crisis of Democracy in Ancient Greece and the Philosophy of Socrates (I).

The text is the first part of the article, which is to be continued in the following volumes of this issue. The task of this part is to justify the focus on the connection between the philosophy of Socrates and the crisis of Athenian democracy. This goal also explains the angle of looking at the historical situation in Ancient Greece of that time.

Keywords: Socrates, Athens, crisis of democracy, aristocracy, world outlook, philosophy.

Butakov P.A. The Place of Philosophy in Theology of Tertullian

The paper attempts to explain Tertullian’s selective usage of philosophical argumentation in his theological treatises. It shows that Tertullian makes use of philosophy only in those works, which are addressed

to the intellectual elite, while in those addressed to the simple people he criticizes philosophy. Such an attitude towards philosophy is shown to be connected with the social background of Tertullian.

Keywords: Tertullian, Carthage, philosophy, Christianity, theology, church, montanism, social background, elitism.

Marhinin V.V. How is Slavophilic Philosophy Connected with Russian Intellectual Traditions?

The aim of this article is to find out how the slavophiles relate to the traditions of the Russian thought and patristics. The article researches the analogy between the mechanisms of reception of the medieval and modern culture in the first half of the 19th century. Our analysis shows the lack of any dependence of the slavophilic philosophy on any preceding tradition, even the patristic one.

Keywords: slavophiles, Russian philosophy, Russian cultural traditions, patristics, reception, worldview, meta-worldview.

Donskikh O.A. “The Simple Magic of Philosophy”

The criteria of philosophy are discussed which would allow to work out whether or not it is possible to do philosophy in the works of art (Tolstoy and Dostoevsky are considered).

When philosophy in literature is examined, usual well-defined criteria of philosophy are not used. The problem is that this approach undermines the very concept of philosophy. The author uses three criteria to identify philosophy which are reflexion, principal openness, and manifestation by words. He demonstrates that according to these criteria Tolstoy (contrary to Dostoevsky) is not a philosopher. The author presents a set of criteria which allow not to mix philosophy with literature and other areas of human consciousness.

Keywords: philosophy, reflexion, position of reflexion, Tolstoy, Dostoevsky.

Babak M.V. Soviet Society in the Mirror of H. Marcuse’s “critical theory”

The article offers an analysis of Herbert Marcuse’s book “*The Soviet Marxism. A Critical Analysis*”. The book is considered to be a practical application of the ideas of the so-called “critical theory” that are formulated, in particular, by Marcuse. The main problem which is the focus of the paper is the applicability of these ideas in the study of social reality. The paper shows that the method of “immanent critique” applied by Marcuse within the framework of the “critical theory” does not allow him to study the Soviet society without imposing on it the pre-given characterization of a “repressive society”.

Keywords: critical theory, Marxism, Soviet Marxism, Frankfurt School, immanent critique.

Bobrov V.V. On the Subject of Social Philosophy

The discussion of the subject of social philosophy is necessitated by the content of the pre-standard in social sciences and the humanities the conceptual apparatus of which contains no clear definition of the base concept of the “social” or borders of its application. The article contains the initial postulates which allow to provide a valid description and explanation of the essence of social processes and phenomena, the structure of social objects and the direction of their development. The author’s approach to specifying the subject of social philosophy allows to optimize the research aimed at adequate reflection of social and spiritual reality.

Keywords: the subject of social philosophy, social objects, processes and phenomena, social development

Rozov N.S. The Cycles of the Russian History: An Analysis of the Generative Mechanism

The paper aims at revealing the interior generative mechanism of the well known cycles in the sociopolitical history of Russia. The model of short cycles of reforms and counter-reforms (A. Yanov, V.Lapkin, and V.Pantin) and the model of long modernization cycles (R. Vishnevsky) are quite compatible and can serve as the basis for theoretical analysis.

The Universal Model of Historical Dynamics (UMHD) which is used as the primary concept includes such schemes as challenge-response (A. Toynbee), crisis-decay (J. Tainter), mass mobilization (Ch. Tilly), dynamic strategies (G. Snooks) et al. The conditions and causes of non-adequate, compensatory, and prospective responses of Russian authorities to challenges are revealed. Short and long cycles, the decay of the Russian Empire and the USSR are explained within the general theoretical framework. Possible strategies breaking the cyclical mechanism are sketched.

Keywords: cycles of Russian history, reforms and counter-reforms, the nature of sociopolitical cycles, models of historical dynamics, social crises, dynamic strategies.

Shabanov L.V., Surovtsev V.A. Socialization of Youth in the Context of Cultural Transformations in the Russian Federation: Self-determination through Consumption

The purpose of the paper is consideration of the latest tendencies in the dynamics of development of the youth subculture. The problem field is the growing influence of such phenomena as mass fashion and advertising promoting a certain life-style. The authors present some conclusions which allow them to make a forecast of the further development of modern youth subculture.

Keywords: socialization, culture-type transformation, self-determination, culture of consumption.

Ablazhey A.M. Fundamental Professional Values of the Graduate Students of the Novosibirsk Science Center

The paper's aim is to analyze the process of transformation of the values shared by the members of the Russian research community. This analysis is based on the results of a sociological study of the modern state of the academic graduate school of the Novosibirsk Science Center. The author focuses on the assessment by the students of the value of science as a profession, marking the main stages of evolution of the image of Soviet science. He offers a typology of graduate students depending on their choice of a future career. For the first time it is established that the interests of young scientists progressively shift towards non-traditional models of professional career.

Keywords: sociology of science, graduate school, the image of science, professional values and career of a scientist, reproduction of science

Chernenko A.K. The Typology of Legal Understanding: Genetic Analysis

The author analyzes the genetic nature of the typologies of legal understanding. He considers the problem situation and its crisis aspects in the Russian legal science concerning the conceptual grounds and methodology of the legal theory, classification and criteria of legal understanding. The author offers the genetic approach to legal understanding introduced to analyze the internal logic of self-determination of the legal phenomena, its system features and to distinguish three levels of law: genetic, descriptive and system-content.

Keywords: genetic approach, legal understanding, the genetic, the descriptive and system-content definition of law.

Didikin A.B. Russian Constitutional Legal Science in the First Half of the 19th Century: Methodological and Theoretical Foundations

The paper attempts to investigate the historical and theoretical context of the formation of the subject and methodology of Russian constitutional legal science. The author considers the ideological dispute in Russian legal philosophy of the 18th century concerning the problems of the subject, methodology and structure of jurisprudence, natural and positive human rights, legal nature of the «social contract» and «state laws», separation of powers and federated structure of the state territory. The author concludes that most of constitutional legal conceptions of the first half of the 19th century are based on metaphysical «natural right» arguments introduced to justify the notion of the best possible form of government in the Russian Empire.

Keywords: constitutional legal science, Russian legal philosophy, natural human rights, form of government.

Nechaeva J.V. Efficiency of the Constitutional Control. The Criteria of Efficiency.

The paper explores the concept of efficiency of the constitutional control, the criteria and evaluations of its efficiency. The author analyses the problems of researching the efficiency of the constitutional control and

execution of the Constitutional court decisions. The author also provides the justification of the value characteristics of the criterial approach to the efficiency of constitutional control.

Keywords: constitutional control, efficiency, execution of the Constitutional court decisions, classification of factors and criteria of the constitutional control.

Tsikhotsky A.V. Modern Problems of Legal Education

The aim of the paper is to define the state of legal education under the conditions of radical transformations of the state and the economy and to single out the main factors hindering its development. The expansion of legal education, change of its content and forms is the result of fundamental social changes. The strategy of this process is due to objective factors: the systemic crisis in the country, the task of forming of a new community of lawyers, the gap between the real functioning of educational institutions and their ideal models, the low level of legal education. The article is based on the analysis of the legislature on legal education and the practice of its application, personal experience of teaching legal subjects.

Keywords: parallelism in the law school, the crisis of education, the responsibility of the state.

Klyaus N.V. Procedural Legitimate Interests of Participants of Civil Proceedings

It is noted that alongside legitimate interests which have substantive character there can be specific legitimate interests. These interests are of a procedural character which is more clearly manifested in the course of civil proceedings. By analyzing civil procedural rules and subject composition of civil procedural legal relationships the author studies and classifies procedural legitimate interests and offers their definitions.

Keywords: civil proceedings, procedural rules, legitimate interests, civil law.

Zykov S.V. Two Systems of Tradable Absolute Rights

The paper contains a comparative analysis of the rights to things and intellectual property. Since the Roman law, the civil rights are subdivided into rights to things and obligations. However, this dichotomy does not correspond to the modern development of the law, in which the division of rights into absolute and relative becomes more important. Absolute rights are subdivided into personal non-property rights, rights to things (concerning things – objects of the material world) and rights to intellectual property. Thus, the last two categories of rights can be tradable. The article focuses on the interrelation of the content, roots of rights, grounds of their termination, contractual forms of transfer of absolute rights and properties of objects to which they relate.

Keywords: absolute rights, property right, intellectual property, copyright.

Staftevskaaya E.V. The Problem of Securing a Preliminary Contract

The author aims to demonstrate the need in a special method of securing a preliminary contract.

Concluding a preliminary contract the parties provide for transference of money to secure the performance of the contract. Usually this money is termed a deposit or an advance. But these categories can't be used because of the conditions of a deposit transfer or the legal nature of the advance. However, we can use these constructions to work out a separate method for securing a preliminary contract which is transference of money to a third party the return of which is stipulated by a number of conditions.

Keywords: prior arrangement, ensuring performance of obligations, a deposit, an advance.

Bazarova L.V. The Limits and Restrictions on the Rights of Property Owners

The article argues for the necessity of transition from the statement "the law gives the owner freedom to act" to the status of the law as a mechanism of restrictions defining the limits of freedom in property relations. The author proposes to consider the limits of the owner's rights within the framework of the actually forming property relations which are regulated by the morals, customs and norms of the positive law (legislation) of the country. They reflect the complexity of opposing individual, social group and national interests. This move will allow to offer a more substantive solution to the task of defining these limits and developing a mechanism of limiting the rights of the property owner for the sake of their socially useful activity.

Keywords: limits and mechanism of limiting of the rights of property owner, represented in the norms of positive law.

АННОТАЦИИ

Вишник Д. Мысленные эксперименты в теории сознания.

К вопросу об интерпретации чувственных данных

Основная задача статьи – исследование онтологического содержания понятия чувственных данных в различных версиях функционализма и теории психофизического тождества. Проблема онтологического статуса чувственных данных успешно демонстрируется во множестве мыслительных экспериментов. Они были придуманы в качестве аргументов против физикализма и функционализма. Анализируются онтологическое содержание и следствия из наиболее известных экспериментов: «зомби», «инверсия спектра», «отсутствующая кволия», «Мэри» и «Симона». Согласно точке зрения автора, теория тождества включает в себя две версии: атрибутивный физикализм и релятивный физикализм. Перечисленные версии теории по-разному подходят к решению вопроса о соотношении чувственных данных и физических состояний. Слабый функционализм следует признать версией релятивного физикализма, а последний – версией атрибутивного дуализма, как теории.

Ключевые слова: чувственные данные, сознание, теория тождества, функционализм, атрибутивный дуализм, мысленный эксперимент, инверсия спектра, ментальное состояние, супервертность.

Липина Т.В. На пути к социальной эпистемологии науки: от обществоведения к естествознанию

Социальная эпистемология, с точки зрения автора, является преемницей учения об идеологии, возникшего в результате методологического анализа общественных наук. Механизмы социальной обусловленности знания, проявляющие себя в социальном познании в качестве идеологических предпосылок, обнаруживаются и в естествознании. В первую очередь это относится к абдуктивным выводам, где эти механизмы выступают в качестве принципов, ограничивающих выбор гипотез и теоретических схем. Однако в современной науке эти же механизмы проявляют себя и на более глубоком уровне, когда речь идет о конструировании изучаемых объектов, которые задаются некоторой системой соглашений между естествоиспытателями.

Ключевые слова: социальная эпистемология, идеология, философия науки, ценностные установки, научный метод, абдукция, конструктивизм.

Симанов А.Л. Постнеклассическая физика: методологические и эмпирические проблемы

В статье рассмотрены проблемы новой формирующейся физики. Предлагаются варианты их решения.

Горан В. П. Кризис древнегреческой демократии и философия Сократа (I)

Текст является первой частью исследования. Продолжение планируется помещать в следующих выпусках данной серии журнала. Задача публикуемой первой части состоит в обосновании необходимости специально исследовать связь между философией Сократа и кризисом афинской демократии. Именно с этой точки зрения рассматривается историческая ситуация в Древней Греции этого времени.

Ключевые слова: Сократ, Афины, кризис демократии, аристократия, мировоззрение, философия.

Бутаков П. А. Место философии в богословии Тертуллиана

В статье сделана попытка дать объяснение избирательному использованию Тертуллианом философской аргументации в его богословских работах. Показано, что Тертуллиан прибегает к философии только в тех работах, которые адресованы интеллектуальной элите, а в обращении к простоллюдинам он критикует ее. Такое отношение к философии связывается с социальным происхождением Тертуллиана.

Ключевые слова: Тертуллиан, Карфаген, философия, христианство, богословие, церковь, монтеизм, социальное происхождение, элитарность.

Мархинин В.В. Философские взгляды славянофилов и отечественные интеллектуальные традиции

Цель статьи – выяснить характер связи славянофильства с традициями отечественной мысли и со святоотеческим наследием и дать обоснованную оценку значимости этой связи. Выявляется аналогия механизмов рецепции патристики и культурного наследия XVIII в. Главный результат предпринятого анализа – вывод об отсутствии зависимости философского учения славянофилов от какой бы то ни было предшествующей традиции, в том числе и святоотеческой.

Ключевые слова: славянофилы, русская философия, отечественная культурная традиция, отцы церкви, рецепция, мировоззрение, мета мировоззрение.

Донских О.А. «Простая магия философии»

Статья посвящена выяснению того, что является философией, когда мы говорим о писателях (на примере Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского) и, шире, – выяснению возможности философствования средствами искусства. Неопределенность критериев философского знания применительно к творчеству писателей и поэтов ведет к размыванию границ философии. Что в этом случае можно и что нельзя считать действительной философией, обсуждается по трем критериям – рефлексивности, принципиальной открытости, словесной оформленности. Доказывается, что творчество Толстого, в отличие от Достоевского, этим критериям не удовлетворяет.

Ключевые слова: философия, рефлексия, рефлексивная позиция, Толстой, Достоевский.

Бабак М.В. Советское общество в зеркале «критической теории» Г. Маркузе

Книга Г. Маркузе «Советский марксизм. Критический анализ» рассматривается автором как практическое применение идей так называемой «критической теории», высказываемых, в частности, Г. Маркузе. Основная проблема, затронутая в статье, – проблема приложимости этих идей к исследованию социальной реальности. Показано, что метод «имманентной критики», применяемый Маркузе в рамках «критической теории», не позволяет ему исследовать советское общество без навязывания ему предзаданной характеристики «репрессивного общества».

Ключевые слова: критическая теория, марксизм, советский марксизм, Франкфуртская школа, имманентная критика.

Бобров В.В. О предмете социальной философии

Постановка проблемы предмета социальной философии обусловлена состоянием предстандарта в общественных и гуманитарных науках, в понятийном комплексе которых исходное понятие «социальное» не имеет четко определенного содержания и границ его применения. В статье представлены исходные положения, позволяющие достоверно описывать и объяснять сущность социальных процессов и явлений, структуру социальных объектов и направленность их развития. Предложенный автором подход к решению проблемы предмета социальной философии позволяет оптимизировать деятельность исследователей по адекватному отражению ими социальной и духовной действительности.

Ключевые слова: предмет социальной философии, социальные объекты, процессы и явления, социальное развитие.

Розов Н.С. Циклы российской истории: анализ порождающего механизма

Цель статьи – выявить внутренний порождающий механизм известных циклов в социально-политической истории России. Показано, что модель кратких циклов реформ-контрреформ (А. Янов, В. Лапкин и В. Пантин) и модель долгих циклов модернизации (Р. Вишневский) вполне совместимы. Они служат материалом для теоретического анализа. В качестве исходной концепции использована универсальная модель исторической динамики (УМИД), объединяющая схемы: вызов –

ответ (А. Тойнби), кризис – распад (Дж. Тэйнттер), социальный резонанс и массовая мобилизация (Ч. Тилли), динамические стратегии (Г. Снукс) и др. Выявлены условия и причины неадекватных, компенсаторных и перспективных ответов российской власти на вызовы. Объяснены краткие и долгие циклы российской истории. Намечены возможные стратегии выхода из циклического механизма.

Ключевые слова: циклы российской истории, реформы и контрреформы, природа социально-политических циклов, модели исторической динамики, социальные кризисы, динамические стратегии.

Шабанов Л.В., Суровцев В.А. Социализация в контексте культурной трансформации в самоопределение через потребление

В статье рассматриваются последние тенденции в динамике развития молодежной субкультуры. Показано все более возрастающее влияние таких феноменов, как массовая мода и реклама, пропагандирующие определенный стиль жизни. Представлены некоторые выводы, позволяющие сделать прогноз дальнейшего развития современной молодежной субкультуры.

Ключевые слова: социализация, трансформация типа культуры, самоопределение, культура потребления.

Аблажей А.М. Базовые профессиональные ценности аспирантов Новосибирского научного центра

Цель статьи – анализ трансформации базовых профессиональных ценностей членов российского научного сообщества, основанный на результатах социологического исследования современного состояния академической аспирантуры Новосибирского научного центра. В числе основных проблем: оценка ценности науки как профессии в глазах аспирантов, фиксация основных моментов эволюции советского образа науки и др. Выявлен факт прогрессирующего смещения интересов молодых ученых в сторону нетрадиционных моделей профессиональной карьеры.

Ключевые слова: социология науки, аспирантура, образ науки, профессиональные ценности и карьера ученого, воспроизводство науки.

Черненко А.К. Типология правопонимания: генетический анализ

В статье предпринята попытка анализа генетической природы существующих типологий правопонимания. Рассматривается проблемная ситуация в отечественной юридической науке и ее кризисные аспекты, касающиеся проблем формирования концептуальных основ и методологии юридической науки, классификации и критериев правопонимания. Автором предложен генетический подход к правопониманию.

Ключевые слова: генетический анализ, правопонимание – генетическое, описательное, системно-содержательное определение права.

Дидикин А.Б. Наука конституционного права России в первой половине XIX века: методологические и теоретические основания

Автором предпринята попытка изучения исторического и теоретического контекста формирования предмета и методологии конституционно-правовой науки в России. Рассматривается идейная полемика в русской философии права XVIII века по проблемам предмета, методологии и структуры юриспруденции, естественных и позитивных прав человека, правовой природы «общественного договора» и «государственных законов», разделения властей и федеративного устройства территории государства.

Ключевые слова: наука конституционного права, русская философия права, естественные права человека, форма правления.

Нечаева Ж.В. Эффективность конституционного контроля. Критерии эффективности

В статье дан анализ понятия эффективности конституционного контроля, предпринята попытка выявления критериев и оценок его эффективности. Рассматриваются проблемы исследования эффективности конституционного контроля и исполнения решений Конституционного суда, дается обоснование ценностных характеристик критериального подхода к эффективности конституционного контроля.

Ключевые слова: конституционный контроль, эффективность, исполнение решений Конституционного суда, классификация факторов и критериев конституционного контроля.

Дихоцкий А.В. Современные проблемы юридического образования

Цель статьи: определить состояние юридического образования в условиях коренных преобразований государства и экономики и выявить основные факторы, сдерживающие его развитие. Изменение содержания и форм юридического образования – результат коренных преобразований общества. Стратегия этого процесса обуславливается системным кризисом в стране, задачей формирования нового сообщества юристов, отставанием реального бытия вузов от их идеальных моделей, низким качеством подготовки правоведов. Анализируется законодательная база юридического образования и практика его применения.

Ключевые слова: параллелизм в юридической школе, кризис образования, ответственность государства.

Кляус Н.В. Процессуальные законные интересы участников гражданского судопроизводства

В статье отмечается, что наряду с законными интересами, имеющими материально-правовой характер, могут существовать специфические законные интересы, носящие глубоко процессуальный характер, что наиболее четко проявляется при осуществлении цивилистического правосудия. Посредством анализа гражданских процессуальных норм и субъектного состава гражданских процессуальных правоотношений автор проводит изучение классификации процессуальных законных интересов, дает их дефиницию.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, процедурные правила, законные интересы, юридические интересы

Зыков С.В. Две системы оборотоспособных абсолютных прав

В статье содержится сравнительный анализ прав на вещи и интеллектуальную собственность. Показано, что в современном развитии права все большее значение приобретает разделение прав на абсолютные и относительные. Абсолютные подразделяются на личные неимущественные, вещные (относящиеся к вещам – объектам материального мира) права и интеллектуальную собственность. При этом последние две категории прав могут быть объектом экономического оборота. Анализируется взаимосвязь содержания, а также оснований возникновения, прекращения, договорных форм передачи абсолютных прав и свойств объектов, к которым они относятся.

Ключевые слова: абсолютные права, право собственности, интеллектуальная собственность, авторское право.

Стафиевская Е.В. Предварительный договор: проблемы обеспечения

Цель статьи – показать потребность практики в специальном способе обеспечения исполнения предварительного договора и предложить один из таких способов. В качестве обеспечения исполнения предварительного договора предложено выработать самостоятельный способ обеспечения, а именно: передачу денежной суммы третьему лицу, возврат которой обусловлен выполнением ряда условий.

Ключевые слова: предварительный договор, обеспечение исполнения обязательства, задаток, аванс.

Базарова Л.В. Пределы и ограничения правомочий субъекта собственности

В статье поставлена проблема необходимости перехода от утверждения «закон предоставляет собственнику свободу действий» к положению о законе как механизме ограничений, определяющем пределы свободы в отношениях собственности. Пределы правомочий собственника предложено рассматривать в рамках реально складывающихся отношений собственности, регулируемых правами, обычаями и нормами позитивного права (законодательством) страны.

Ключевые слова: пределы и механизм ограничений правомочий субъекта собственности, представленные в нормах позитивного права.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по разделам:

- **отечественная история;**
- **философия и право;**
- **этноархеология, этнография, фольклористика;**
- **филология.**

Публикуются статьи, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, хроника и т.п.

2. **Рукопись статьи** должна быть подписана автором (авторами) с указанием имени, отчества, служебного и/или домашнего адресов, места работы и телефонов.

3. **Объем статьи** не должен превышать 0,5 печатного листа (**20 тыс. знаков**), включая таблицы и рисунки, кратких сообщений – 0,25 печатного листа, информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

4. Автор представляет:

- **статью в файле** на дискете в формате Microsoft Word любой версии (файлы с расширением **doc** или **rtf**);
- **идентичный текст** в печатном виде;
- **краткую аннотацию** (до 10 строк), в которой четко формулируется основная идея работы (в печатном виде).

5. Статья оформляется со следующими параметрами:

- **шрифт** в Microsoft Word – **Таймс**, кегль 12;
- если автор использует **дополнительные шрифты**, не входящие в основной набор Windows, то эти шрифты должны быть записаны на дискете и переданы вместе со статьей;
- межстрочный **интервал** – **не менее 1,5**;
- **при наборе** статей для журнала **не использовать макросы** Microsoft Word;
- **примечания** оформляются ссылками в конце статьи;
- **список литературы** дается в конце статьи и оформляется в порядке ссылок на источники – в виде примечаний.

6. **Графики и диаграммы** представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000.

7. **Рисунки** должны быть выполнены тушью на белой неглянцева́ой бумаге, **фотографии** (как цветные, так и черно-белые) - на гладкой матовой фотобумаге. Формат бумаги – не более А4.

Рисунки, подготовленные на компьютере, должны быть в формате **TIF**.

8. Рукописи, не удовлетворяющие настоящим правилам, не возвращаются.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Объединенный институт истории, филологии и философии СО РАН, к. 301.
Редакция журнала “Гуманитарные науки в Сибири”, тел. 330–24–31
E-mail: science@philosophy.nsc.ru*